

Spiegel der Geheimnisse
**Зеркало
Загадок**
Культурно-политический журнал

9

независимая
русскоязычная Zeitschrift
für Kultur und Politik
mit ausgewählten Beiträgen
in deutscher Übersetzung
Berlin 2000 6,90 DM

Как я был шпионом ЦРУ

Ф. Горенштейн

Академическая поэма

К истории германских университетов

И. Полянский

Речь в Гейдельберге

Б. Хазанов

**Брюгге живой,
Брюгге мертвый**

М. Городинский

**Эмигрантский
синдром**

Ф. Вуль

**Социальная символика
в Германии**

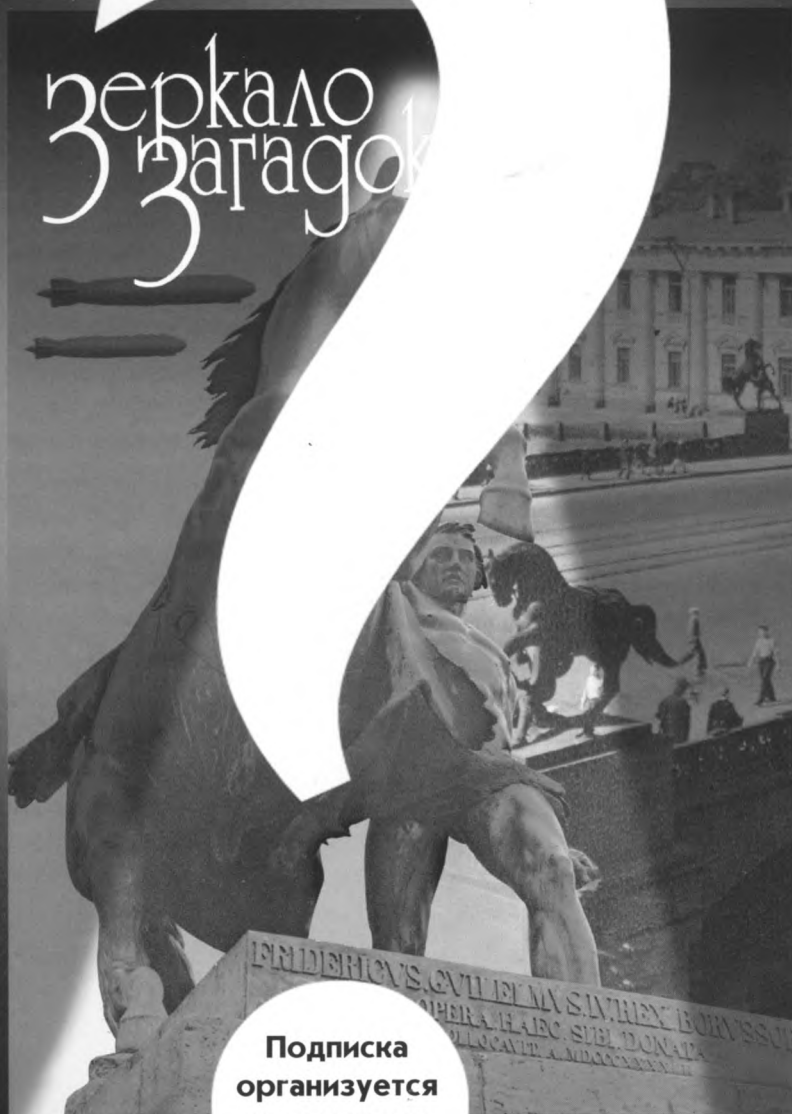
К. Краузе, М. Шварц

**Кони Клодта в
Берлине...**

FRIDERICVS GUILIELMVS IV REX BORVSS
OPERA HAEC SIBI DONATA
COLLOCANT A MDCCCXXXVIII

Как подписаться на "Зеркало Загадок"?

"Зеркало Загадок" можно получать по почте. Подписка на "Зеркало Загадок" осуществляется по принципу: "Товар - деньги - товар...". Это значит, что денег вперед за еще не вышедшие номера редакция не принимает. Подписной купон не оформляется. Подпись подписчика не требуется. Для прекращения подписки достаточно устного или письменного заявления читателя.



Подписка
организуется
следующим
образом:

1. Читатель в избранной им форме (по телефону [030] 441 03 48 или письменно) информирует редакцию о желании получать "33", сообщает свое имя и адрес. Этого достаточно.

2. Сразу же после выхода очередного номера "33" редакция высылает абоненту требуемое количество экземпляров и счет на оплату журнала и пересылки.

Банковский счет редакции:

Dresdner Bank

K-to Nr. 4038701000, BLZ 10080000

Empfänger: Igor Polianski

В графе "Verwendungszweck" не забудьте указать, кто платит (свое имя) и за что (номер выпуска "33")!

Зеркало Загадок



НАША АКАДЕМИЯ

- 2 **Академическая поэма** И. Полянский
К истории германских университетов
- 5 **Королевские подарки** Г. Корнева, Т. Чебоксарова
- 8 **"Завидую портрету своему"** Б. Асваришч
"Портрет В.А. Жуковского" работы Ф.Т. Хильдебрандта

ЛИТЕРАТУРА

- Вл. Шубин **"Вымысел не есть обман"** 11
Юрий Тынянов в работе над романом "Пушкин"
- А. Ляховицкий, С. Махлина **"Медный всадник"**: 17
Интертекст в контексте культуры XX века
- С. Арро **Два юбилея** 19



ПРЕССА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

- 22 **"Руль" и "Накануне", 1921-1922 гг.**
"В Доме искусств", "Скандальное происшествие" и многое другое

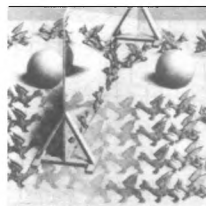
"ПОЭЗИЯ И ПРАВДА"

- Ф. Горенштейн **Как я был шпионом ЦРУ** 26
Венские эпистолии
- Ф. Горенштейн **Беседы с Ефимом Эткиндо** 40
Nature morte в венке из живых слов
- Б. Хазанов **Речь в Гейдельберге** 41
- М. Городинский **Брюгге живой, Брюгге мертвый** 43
Путешествие с читателем в город-роман
- О. Мартынова **Стихи** 46
- В. Фадин **Стихи** 47
- Л. Бердичевский **Стихи** 47



ЗАЗЕРКАЛЬЕ

- 48 **Гуманитарные науки России на смене вех**
И. Полянский
- 49 **А. А. Искандеров в зеркале современной
российской действительности**
М. Свердлов
- 52 **Эмигрантский синдром**
Записки психиатра
- 55 **Социальная символика в Германии**
К. Краузе, М. Шварц
- 59 **Новый справочник: "Современные русские
писатели в Германии"** Рецензия
М. Полянская



DEUTSCHE KURZFASSUNGEN

- 9 **"Ich beneide mein Porträt"** В. Асварисчсч
Das "Porträt von W. A. Shukowski" von Ferdinand Hildebrandt
- 12 **Wut der Männer, Glück der Frauen - Puschkin als ein Denkmal?** W. Schubin
Einleitende Bemerkungen zu Juri Tynjanows Arbeit an "Puschkin"
- 28 **Als ich ein Spion des CIA war** F. Gorenstein

Редакция

главный редактор
Игорь Полянский
литературный редактор
Мина Полянская
технический редактор
Борис Антипов
администратор
Яна Кириллова
макет, оформление
Павел Свердлов

Корреспонденты

Иерусалим: Соня Бабкова,
Митя Горошевский

Западная

Африка (Гана): Кристина Краузе

Редакционная коллегия

Надежда Брагинская (Нью-Йорк),
Томас Габлер (Берлин),
Маттиас Шварц (Берлин)

Переводчики

Елена Свердлова,
Маттиас Шварц

Zerkalo Zagadok

(Spiegel der Geheimnisse)
unabhängiges russischsprachiges
Magazin für Kultur & Politik,
Berlin, Mai 2000;

Redaktion

Chefredakteur Igor Polianski,
Literaturredakteurin Mina Polianski,
technischer Redakteur Boris Antipov,
Werbung und Anzeigen Jana Kirillova,
Gestaltung Pavel Sverdlov

Übersetzungen

Elena Sverdlova, Matthias Schwartz

Redaktionsbeirat

Nadeschda Braginski, Thomas Gabler,
Matthias Schwartz;

Korrespondenten

Jerusalem: Sonja Babkow, Mitja
Goroschewski

Westafrika (Gana): Kristine Krause

Support Agentur Gabler & Lutz GbR

Типография/Kruck: IPK Biont,
St. Petresburg

*In Zusammenarbeit mit der Stiftung
"Russische Bibliotheken"*

Redaktionsadresse

Zerkalo Zagadok, Torstr. 7 B2,
10119 Berlin;
Tel./Fax (030) 441 03 48 (59);
Im Verlag der SupportEdition,
Postfach 610378, 10926 Berlin

*Мнение редакции не всегда совпадает
с мнением авторов публикаций.
Рукописи не редактируются и не
возвращаются.*

*Перепечатка только с указанием
источника. / Bei namentlich
gezeichneten Beiträgen liegt die
Verantwortung bei den Autoren.*

© bei "Zerkalo Zagadok"

ISSN 0949-2089

Сначала дайте мне ответ:
Какой милей вам факультет?
И. Гете. "Фауст"

Академическая поэма

К истории германских университетов

Игорь Полянский

Три источника и три составных части российской культуры 19 века - это французский салон, английский парк и немецкий университет. Каждый из этих трех источников достоин отдельной статьи или книги. Здесь мы остановимся лишь на последнем.

Россия традиционно преклонялась перед германской ученостью, и поэтому не удивительно, что Петербургская Академия наук в основном состояла из немцев. Причем не из каких-нибудь отщепенцев, отправившихся за приключениями и "запахом тайги", а из самых именитых и заслуженных. Разумеется, их удавалось переманить в Петербург только благодаря баснословному жалованью, раз в десять превышавшему то, что они могли заработать у себя на родине. Вот почему можно смело говорить о перекачивании "интеллектуального капитала" из Германии в Россию в 18-ом и 19-ом веке.

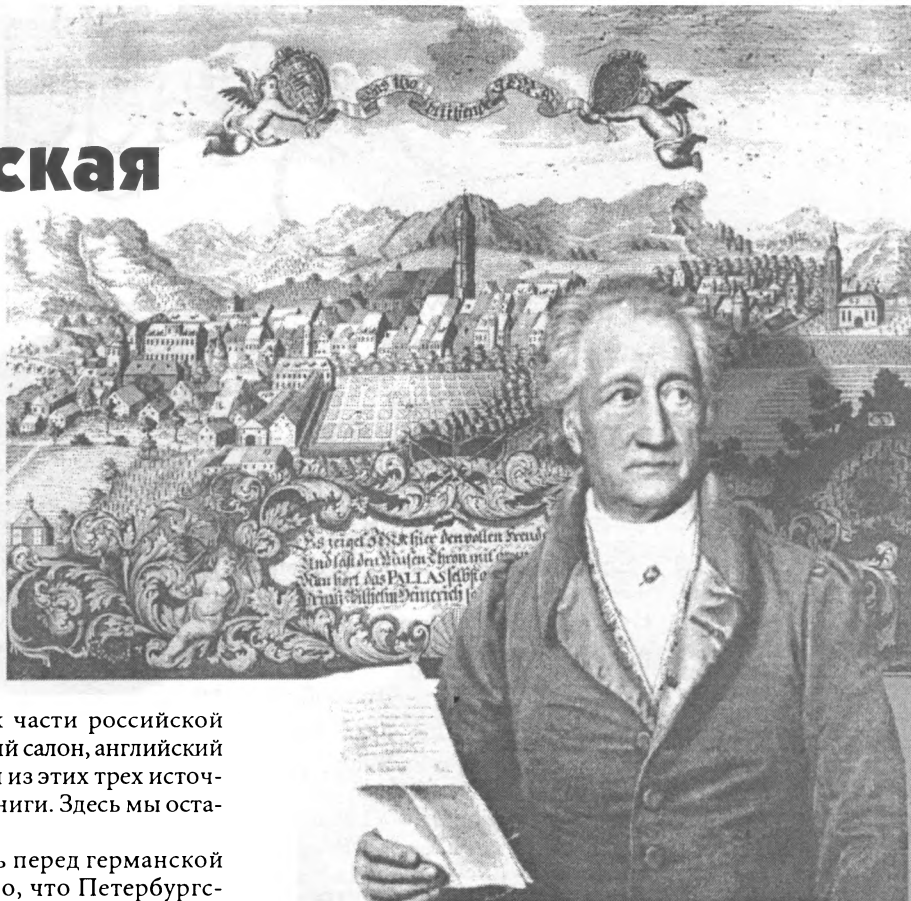
Немалую роль в создании вокруг немецких университетов ореола запыленной кабинетной романтики сыграла и знаменитая "академическая поэма" Гете "Фауст" - одно из первых произведений в мировой литературе, посвященное интеллигенции.

Оно не случайно появилось в Германии, ведь именно здесь с конца 16-го века особенно важную роль начал играть новый социальный класс так называемых "академических бюргеров" - прообраз российской интеллигенции, оформившейся гораздо позднее.

"Интеллигент" Ленский погиб от выстрела "молодого повесы", едва ступив на неприветливую российскую землю, после чего на сцену вышли лермонтовские офицеры и гоголевские чиновники. На вторую "высадку в России" интеллигенция впервые решилась лишь спустя много лет, появившись у Тургенева, Достоевского и Чехова. Впрочем, недолгий расцвет сменился увяданием, а возникшую пустоту заполнила затем "народная интеллигенция".

Иное дело интеллигент в произведении Гете, имевший уже на момент написания "Фауста" двухсотлетнюю выдержку. Университеты, называвшиеся первоначально "высшими школами", возникли в Германии на основе монастырских колледжей в 16 веке, и уже тогда герой Гете задавал знаменитые "интеллигентские" вопросы:

Да; но что значит - знать? Вот в чем все
Затрудненья!



Как и положено истинному интеллигенту, Фауст жалуется на нищету, и как нельзя более актуально даже для постсоветской России звучат его слова:

Так пес не стал бы жить! Погибли годы!
Вот почему я магии решил
Предаться...

"Фауст" можно было бы назвать учебником по истории высшего образования в Германии. Сцена первая начинается с curriculum vitae - описания карьеры доктора наук.

Фауст Я философию постиг,
Я стал юристом, стал врачом...
Увы! с усердием и трудом
И в богословье я проник, -

Фауст перечисляет все четыре факультета, какие были в его эпоху в Германии. Других до конца 18 века просто не существовало. Их последовательность в послужном списке Фауста - философский, юридический, медицинский, теологический - не случайна. Дело в том, что жесткая субординация жанров была заведена не только в искусстве, в частности, в литературе с ее высокими и низкими жанрами, но и в науке. Так, например, низкому жанру комедии соответствовала в академической сфере философия. Теология, наоборот, подобно трагедии, занимала самое почетное место. Неравенство наук непосредственно отражалось и на жалованьи преподавателей. Профессор теолог зарабатывал больше медика, а медик больше юриста. О философах и говорить не приходится.

Принадлежность философии к "низкому сословию" не случайна. Вплоть до начала 19-го века философский факультет не присуждал докторской степени. Он не считался даже самостоятельным, а играл роль своеобразного подготовительного отделения. Уровень знаний первокурсников обыч-



но был крайне низок, нередко они едва умели читать и писать, и им требовался "ликбез". Вот почему новопривыкший студент или "шолар", как называли новичков, независимо от избранной специальности, сначала должен был отучиться год или два на философском факультете.

Мефистофель, переодетый в докторский плащ Фауста, общается студенту-новичку, что для начала необходимо пройти курс философии и разъясняет, почему это так. Только закончив свои пространные нравоучения он говорит: "Так изберите ж факультет".

Перечисляя философские дисциплины, Мефистофель особенно подчеркивает значение логики и метафизики. Это не случайно. Логика и метафизика являлись не столько науками, сколько школой интеллектуальной самодисциплины, уничтожающей по убеждению Гете живую мысль и чувства. Гете с неодобрением относился к системе образования, при которой философия с самого начала подавляла самостоятельность и непосредственность мировосприятия студентов. Неспроста именно Мефистофель, мечтающий заполучить душу ученика, рекомендует:

По мне полезно было бы для вас
Курс логики пройти: в ее границах
Начнут сейчас дрессировать ваш ум,
Держа его в ежовых рукавицах...
Так фабрикуют мысли...

Коварный план Мефистофеля предельно прост. Систему знаний необходимо сделать уязвимой. А есть ли в мире что-либо менее надежное, чем логика?

И вас философ поучает:
"Вот это - так и это - так,
А потому и это - так,
И если первая причина исчезает,
То и второму не бывать никак".

Очевидно, что об исчезновении перво-причины, то есть всеобщего основания вещей, проистекающего из религиозных догм, Мефистофель и его свита впоследствии позаботятся. И тогда произойдет крушение всех последующих аксиом и следствий - апокалипсис в отдельно взятом сознании:

И даже не успеет он душу мне продать,
Сам по себе он должен провалиться.

Из текста "Фауста" становится понятным, почему Гете мечтал о реформе философского факультета и всей системы образования. Впрочем, об этом ниже. Надо сказать, что свое нынешнее название философский факультет приобрел только в конце 17 века, а до этого назывался "факультетом артистов". Вот почему до сегодняшнего дня выпускники гуманитарных специальностей получают в Германии звание "Magister artium" (магистр искусств). Оно сохранилось с тех пор, когда философов называли артистами.

Окончив курс философии, "шолар" становился магистром, и только после этого его принимали в "бурши", то есть студенты одного из "нормальных" факультетов, дававших право на степень доктора.

Армейское неравенство наук распространялось и на отдельные специальности. На медицинском факультете, например, профессор ботаники и профессор патологоанатомов вовсе не были равноправными коллегами, и плох был тот бота-

ник, который не хотел дослужиться до патологоанатома. Такая система, разумеется, вовсе не способствовала развитию "низких" научных жанров. Так, например, химик годами должен был ждать смерти патологоанатома, и стоило тому, наконец, умереть, как он получал лишнюю "звездочку на погоны" и занимал его кафедру.

Ботаник превращался, соответственно, в химика, а на освободившееся место ботаника брали новичка.

Но хуже всего дела обстояли у философов, то есть у всех тех, кто занимался филологией, физикой, математикой и прочими "подготовительными" науками. На роли университетского "унтер-офицера", то есть самого младшего по званию был, разумеется, "поэт". Профессор поэзии и риторики зарабатывал меньше всех. В то время, как, например, в Йенском университете в середине 18 века теолог получал около пятисот талеров, в "рабочем договоре" поэта значилось: "Зарплата: 250 рейхсталеров, четыре йенских меры овса и две бочки вина в год". За поэтом одной ступенью выше следовал историк. Далее шли профессора морали, физики, математики и, наконец, самый уважаемый - профессор логики и метафизики.

Как бы мало ни зарабатывали штатные профессора, их положение было сравнительно благополучным. На университетских кафедрах преподавало еще множество внештатных профессоров и приват-доцентов, иногда вообще не получавших зарплаты. Их единственным источником дохода были гонорары за книги или прочитанные лекции.

Дело в том, что бесплатными были далеко не все курсы, читавшиеся в университетах, а только основные. За посещение "спекурсов" студенты должны были платить преподавателю, который, как уличный музыкант, до или после лекции ходил по рядам и собирал деньги. Такая система нередко приводила к конфликтам между профессорами, боровшимися за каждого студента. Ведь популярность преподавателя напрямую отражалась на числе слушателей, а, следовательно, и на заработке. Вагнер с завистью заявляет Фаусту:

Нет, лекций красота
дает-таки успех!
Но в этом, признаюсь,
я поотстал от всех.

Несмотря на отсутствие зарплаты должность внештатного профессора считалась все же престижной, и даже ее неспроста было добиться. Она не только давала право на чтение лекций - эту своеобразную форму част-

ного предпринимательства - но и предоставляла определенные привилегии. Ведь внештатный профессор и вся его семья получали статус "академических бюргеров", то есть университетское гражданство.

"Гражданами университета" считались, впрочем, не только профессора, но и студенты, а также обычно аптекари и



рисунок А.Куколева

книгопечатники и их семьи. Даже хозяин университетской пивной и вся его прислуга являлись членами университета, что было весьма выгодно: пивная освобождалась от муниципального налога.

Вплоть до конца 18 века университеты Германии обладали определенной автономией и являлись как бы государствами в государстве. Университет во главе с канцлером и сенатом был суверенной корпорацией ученых. Он располагал собственным судом и собственной тюрьмой (карцером) и не подчинялся городским властям. Следовательно, на "граждан университета" не распространялось действие муниципальных судебных органов. Разумеется, городская полиция могла задержать расхулиганившегося студента, но была обязана тут же передать его университетским властям. Ну а о том, чтобы полицейский арестовал кого-либо на территории университета без разрешения академического сената, не могло быть и речи. Вражда и столкновения между горожанами и студентами были вполне обычными именно в связи с их принадлежностью к разным "кастам". Нередко возникали также конфликты между муниципальными и университетскими властями. Верховным арбитром в такой ситуации мог выступать только курфюрст или один из его уполномоченных представителей.

Как раз таким уполномоченным герцога Веймарского и являлся автор "Фауста". Гете стоял во главе "Верховного надзора над учреждениями науки и искусства", то есть был, в сущности, министром просвещения. Пример Гете, вероятно, единственный в истории мировой литературы (за исключением Державина), когда поэт занимал столь высокий государственный пост. Не зря его называли "князем поэзии". На начальном этапе своей чиновничьей карьеры он был одновременно еще "министром" финансов и "министром" обороны, и только в 1786 году сложил с себя часть полномочий, оставив за собой только "министерство" просвещения.

Гете был не только властителем дум, как это пристало великому поэту. Будучи вторым человеком в государстве, он был еще и властителем судеб. И все же его власть не была безграничной. Она заканчивалась там, где начиналась территория Йенского университета. То обстоятельство, что в герцогстве Веймарском существовало это своеобразное государство в государстве, не давало классике покоя. На протяжении всей своей жизни правдами и неправдами Гете пытался ограничить автономию академии, разрушить царившие в ней средневековые порядки и подчинить ее государству - то есть себе. Действуя через доверенных лиц - университетских профессоров, так или иначе зависевших от него, он исподволь направлял решения академического сената, расшатывал "устои", провоцировал столкновения между профессорами и, в конце концов, добился университетской реформы. Вот почему еще символична фигура Мефистофеля, который, переодевшись в профессорскую мантию, занимается откровенным "саботажем" и совершенно сбивает с толку студента-новичка.

В истории немецкой литературы Гете сыграл выдающуюся роль реформатора. Уже в молодости, будучи участником движения "бури и натиска", он ввел в литературу совершенно новые формы и нарушил доселе незыблемую классицистическую иерархию жанров. Интересно, что примерно того же Гете добился в науке. Университетская реформа, которую ему удалось провести, явилась первым шагом к отмене иерархии наук. Отныне теолог, медик, юрист и философ были уравнены в правах, а философия потеряла роль "ликбеза", предназначенного для "промыывания мозгов". Впрочем, как это нередко бывало, и в этом случае свободу и равенство в одну упряжку упрячь не удалось. Равноправие наук было навязано извне и достигнуто путем подчинения университета государству.

В Америке к юбилею Гете вышла скандальная книга, в которой поэт-министр обвинялся в "антидемократичности", деспотизме и абсолютизме. Книжка эта - феномен сугубо американский. Американцы не могут сидеть сложа руки в то время, как где-то, на севере или юге, в прошлом или

будущем попираются права человека. Как бы то ни было, нельзя не согласиться с тем, что в упомянутом обвинении есть доля истины.

В 1819 году тайный советник Христиан Швейцер, обеспокоенный университетским кризисом, обратился к Гете с просьбой занять только что введенный пост куратора, дававший практически неограниченную власть над университетом. Его письмо заканчивалось словами: "Я прошу Ваше Высочество дать свое согласие. Нам нужен диктатор". Остается только добавить, что многие страны могли бы позавидовать карликовому герцогству Веймарскому, где в свое время царил абсолютизм, но - просвещенный, а на должности диктатора "работал" автор "академической поэмы" Иоганн Вольфганг Гете.

Впрочем, может быть, секрет успеха Йенского университета, в котором преподавали - ни много ни мало - Фихте, Шеллинг, Гегель и Шиллер, был именно в карликовости Веймарского герцогства, в котором первый министр лично следил за прополкой грядок в ботаническом саду.

Что же касается России, то ей не суждено было узнать корпоративной академической вольности, а немецкий университет вошел в русскую культуру суровой реальностью, государственной кузницей кадров с железной дисциплиной. Первые российские университеты в Москве и Петербурге были лишены средневековой традиции, а потому сразу же приняли новую модель реформированного немецкого университета, намного превзойдя немцев по жесткости цензуры и порядков. Что же касается старинного "фаустовского" университета, то он так и остался для России несбыточной мечтой, счастливым воспоминанием тургеневского Рудина и символом свободы и независимости там, на далеком Западе.

The Tragical History of the Life and Death

of Doctor FAUSTUS.

With new additions.

Written by Ch. Marten,



Printed at London for John Wright, and are to be sold at his shop without Newgate. 1628.

Королевские подарки

Гапина Корнева,
Татьяна Чебоксарова



Блестящая победа над Наполеоном принесла России всемирное признание. Император Александр I стал восприниматься как значительная личность многими политиками Европы. Именно в это время в Берлине его

именем назвали ныне одну из центральных площадей города Александерплатц. Правящие европейские династии начали искать возможность породниться с семьей Романовых.

В июле 1817 года младший брат Александра I великий князь Николай Павлович (будущий российский император) вступил в брак с девятнадцатилетней дочерью прусского короля Фридриха-Вильгельма III принцессой Фридерикой-Луизой-Шарлоттой-Вильгельминой, принявшей при переходе в православие имя Александра Федоровна.

Этот брак стал событием европейского значения. Причем, не только в политическом плане. Александра и Николай получили множество замечательных свадебных подарков - произведения выдающихся художников и ювелиров породненных держав. Как бы соревнуясь в щедрости, императорский и королевский дома обменивались поистине бесценными жемчужинами доброй воли, изменяя облик берлинских и петербургских предместий. Так в Петергофе, летней царской резиденции, появилась готическая капелла в духе средневекового рыцарства, а в Потсдаме был построен русский православный храм.

Впрочем, не будем забегать вперед. Начался обмен подарками "всего-навсего" с двух ваз для фруктов, которые отец невесты, король Фридрих-Вильгельм III преподнес Николаю и Александре на свадьбу. Одна, с лазуритовым основанием, украшена в верхней части изображением Берлинского замка и шестнадцатью портретами представителей дома Гогенцоллернов в технике "камея". Вторая - на малахитовом основании. Наверху помещено изображение Кремля, а вокруг четырнадцать камей с портретами царствовавших особ династии Романовых. Вазы первоначально находились в Аничковом дворце, а теперь хранятся в петербургском Эрмитаже.

Это первый подарок из тех, которыми обменивались породненные семьи, он послужил своеобразным толчком процессу необыкновенной созидательной силы, явившему фарфоровые и ювелирные изделия, скульптуру и даже архитектурные сооружения, которые мы и сегодня можем увидеть как в Петербурге и его окрестностях, так и в Берлине. Император Александр I был особенно щедр. В качестве свадебного подарка он преподнес новобрачным Аничков дворец.

Вскоре после свадьбы дочери прусский король Фридрих-Вильгельм III решил посетить Россию. Путешествуя по стране, он впервые увидел русские избы. История умалчивает о том, были ли деревни, которые ему довелось лицезреть, "потемкинскими". Но как бы то ни было, российская сельская экзотика поразила прусского короля. Ожидался ответный визит в Германию Николая, и потому, возвратившись домой, Фридрих-Вильгельм III приказал построить в качестве сюрприза для своего зятя сельский домик "по проекту русского архитектора из Петербурга".

Можно предположить, что этим архитектором был Карл Росси. В наследии этого известного петербургского зодчего сохранились сходные проекты изб, разработанные им для деревни Глазово близ Павловска.

Когда в 1819 году Великий князь Николай с женой, отправившись в путешествие к своим немецким родственникам, посетили Потсдам, король привел их на берег озера Ванзее и сказал дочери: "Смотри, вот русская крестьянская изба. Это почти точная копия той, которая тебе так понравилась, и в которой мы так чудесно провели время, когда я был у вас в Петербурге. Тебе захотелось тогда иметь такой дом, и ты сказала, что в нем можно жить так же счастливо, как и в королевском дворце. Я запомнил твои слова и в память об этом приказал построить этот дом. Пусть он будет назван самым дорогим для тебя именем - Никольское."

История сохранила имя строителя этой избы инженера-капитана Снетлаге. Смотрителем был назначен русский старик с длинной седой бородой, носивший национальную одежду. И сегодня на берегу Ванзее можно увидеть королевский подарок. Это двухэтажное, с резными украшениями здание напоминает о добрых старых временах и дружбе между Россией и Пруссией. В избе - небольшой ресторан, с террасы которого открывается чудесный вид на озеро и Павлиний остров, на котором по проекту архитектора Петра Жозефа Ленне разбит парк, возведены причудливые замки и руины. Модель одного из таких романтических замков, выполненная из слоновой кости и перламутра немецкими мастерами в 1820-х годах, украшает Библиотеку Коттеджа - небольшого дворца, выстроенного в парке Петергофа, "столицы фонтанов" в окрестностях Петербурга.

Петергофский Коттедж был подарен Николаем I супруге, и в ее честь летняя резиденция семьи Романовых стала называться Александрией. Николай любил повторять, что в частной жизни он лишь "муж петергофской помещицы". Александр Бенуа писал: "В Петергофе образ двух русских государей, стяжавших себе славу неумолимой строгости,

получает другой оттенок. Фигуры Петра Великого и Николая I приобретают в окружении Петергофской атмосферы оттенок "милый уютности". Один превращается в голландского средней руки помещика, радушного хозяина, любителя цветов, картин, статуй и всяких курьезов. Другой рисуется романтическим мечтателем, увлеченным мыслями о далеком рыцарском средневековье".

Коттедж был построен в конце двадцатых годов прошлого века по образцу "самых красивых вилл в окрестностях Лондона" по проекту Адама Менеласа. В знак своей любви к Александре Федоровне Николай I приказал поставить неподалеку скульптурный портрет своей супруги с надписью "счастьем моей жизни".

Поэт Василий Андреевич Жуковский, воспитатель детей императорской четы и частый гость дачи, придумал для нее особый герб: на голубом поле щита золотой меч с венком из роз, над которым располагалась золотая надпись славянской вязью: "За веру, царя и верность". В музее, который сейчас открыт в Коттедже, среди других замечательных экспонатов можно увидеть изящный серебряный кустик роз, произведение золотых дел мастера прусского королевского двора И. Г. Хоссауэра.

Изображения роз неслучайны в убранстве Александрии. Этот цветок появился на фасаде, в гербе и интерьерах Коттеджа в напоминание о прозвище "Белый цветок", которым называли прусскую принцессу Шарлотту, будущую русскую императрицу, по имени героини французской поэмы XIII века, возлюбленной короля Испании.

Не раз впоследствии приезжали друг к другу родственники прусского и русского правящих домов, но поездка Александры Федоровны с супругом на ее родину в июле 1829 года, видимо, запомнилась ей особо. Приезд совпал с ее 31-ой годовщиной рождения. По этому случаю в Потсдаме состоялся грандиозный праздник, получивший название "Zauber der weißen Rose". Он был задуман как пышное действо, начался с рыцарских игр, а затем в дворцовом театре были устроены живые картины, изображавшие главные эпизоды из жизни российской императрицы. Эскизы к этой постановке были выполнены придворным архитектором Карлом Шинкелем, одним из самых выдающихся зодчих Германии.

В память о праздновании дня рождения Александры Федоровны были изготовлены серебряные розы, щиты с девизами и знаменитый серебряный кубок, исполненный берлинским ювелиром И. Г. Хоссауэром по рисунку К. Шинкеля, ныне находящийся в экспозиции Гостиной Коттеджа. Всего было сделано три экземпляра: для именинницы, ее отца и для устроителя праздника. Один из этих трех кубков можно увидеть в берлинском дворце-музее Шарлоттенбург.

В Коттедже Александрии находился еще один предмет, напоминавший Александре Федоровне о замечательном празднике, устроенном в Потсдаме в ее честь. Это небольшой круглый музыкальный столик с изображением белой розы на столешнице, подаренный ей на родине. Вокруг розы на столешнице были размещены немецкие гербы и надпись: "Zum Geburtstage Ihrer Majestät der Kaiserin von Russland der Zauber der weissen Rose gegeben in Potsdam am 13. Juli 1829". Крышка стола вертелась под звуки музыкального ящика. В репертуаре были две модные русские песни "Не уезжай

ты, мой голубчик" и "У него ли русы кудри", а также немецкий вальс "An den schönen blauen Donau", полька "Птичка" и две мелодии из "Периколы" и "Дон-Жуана". Столик был изготовлен берлинским придворным мастером Зевенингом и преподнесен Александре Федоровне в Потсдаме в 1829 году.

В то свое посещение Пруссии Николай и Александра увидели в пригороде Берлина уже не одну русскую избу, но целую деревню под названием Александровка (в честь российского императора). История ее создания такова.

Во время похода Наполеона в Россию войсками прусского генерала Йорка были захвачены в плен русские солдаты. Позднее на основе заключенного прусско-русского союза их оставили в прусской армии. Из них были отобраны 26 солдат, обладавших прекрасными голосами. Так у короля Фридриха Вильгельма III появился русский военный хор. Для его размещения и было решено построить деревню типа российских военных поселений XVIII века - Александровку. Идея построения подобных поселений преследовала две цели: во-первых, солдаты жили в одном районе, и поэтому их было легко собрать по приказу, а, во-вторых, содержание солдат стоило относительно дешево.

При строительстве Александровки использовались чертежи, полученные из России. Проектирование было выполнено П. Ж. Ленне. Король повелел, чтобы в плане деревня имела форму Андреевского креста, и желание монарха было исполнено в точности. Авторство типового проекта деревянной избы в Александровке пока не выяснено. Однако внимательному глазу нетрудно заметить определенное сходство прусских построек с некоторыми чертами бревенчатых изб,

спроектированных Карлом Росси и Огюстом Монферраном. Так же, как и в их проектах, в немецком поселении на крестьянском участке расположено по две избы, большая и малая, используется отделка прорезными досками и украшенными резьбой ставнями. Но особенно красноречиво о сходстве изб Глазово и Александровки говорит наличие у них крытой террасы.

Интересно отметить, что деревянные избы той поры едва ли смогли бы пережить катаклизмы войн двадцатого века и северного климата Петербурга. А деревня в

Потсдаме и сегодня имеет вид русского военного поселения, аналогичного которому не сохранилось в России.

Во время поездки императорской четы в Потсдам в 1829 году, там уже завершалось строительство еще одного русского сооружения - церкви святого Александра Невского близ деревни Александровка. В ее возведении принимали участие российские и немецкие зодчие, художники и мастера. Планы строительства, богатый иконостас, ризы для священников и церковная утварь были доставлены из Петербурга. Предполагают, что автором проекта церкви был В. П. Стасов. Уже упоминавшийся нами К. Шинкель выступал в качестве эксперта при ее строительстве, оформлял иконостас и спроектировал металлическую ограду, которую установили в 1830 году. А через несколько лет в Берлине появилась еще одна русская церковь.

Однажды вечером в Никольском Александре Федоровне захотелось послушать перезвон русских колоколов, о чем она и сообщила отцу. И вот, в скором времени, 22 мая 1832 года вышел королевский указ о постройке церкви. В апреле



Русская изба в Потсдаме

следующего года король уточнил, что новый храм следует возвести в стиле русских церквей, но не с пятью главами, а с одной башней и присовокупил собственноручно выполненный эскиз.

Затем Фридрих Вильгельм III приказал матросам обойти пешком прибрежную полосу и прикреплять флаги на верхушки деревьев, чтобы можно было найти такое место для возведения церкви, откуда она будет хорошо видна с воды. Церковь Святых Петра и Павла, расположенную недалеко от избы Никольское, построили в 1834-37 годах. Хотя внешним видом и интерьером она мало напоминает русский храм, история ее создания, безусловно, тесно связана с Россией.

А на русской земле примерно в то же время, в 1832 году, по проекту Карла Шинкеля, выполненному по заказу Николая I, была построена капелла готической архитектуры, которая и в наши дни украшает склон в парке Александрии. Эта церковь во имя святого Благоверного князя Александра Невского напоминает средневековую рыцарскую часовню. По ее наружным стенам были поставлены на кронштейнах 43 бронзовых статуи ангелов, евангелистов и Божией Матери с младенцем по моделям Демут-Малиновского. Постройка осуществлялась архитекторами А. Менеласом и И. Шарлеманем.

В 1834 году в Петергофе появилось еще одно строение, напоминающее о романтических отношениях императорской четы, любившей порассуждать о возможности "счастья в шалаше", - Никольский домик. Постройка производилась в тайне от государыни.

В воскресное утро, когда домик был готов, император предупредил супругу, что после обедни отправится с детьми в кадетский лагерь, а государыню просит подождать его возвращения в большом дворце. После обедни Николай поехал в лагерь и спустя час послал флигель-адъютанта с поручением привезти Александру Федоровну к вновь построенному сельскому домику.

Приглашение это не привлекло особого внимания государыни, и она последовала за адъютантом в открытом экипаже в сопровождении одной из своих дам. Но приехав к месту любимых своих прогулок, к крайнему своему удивлению, она увидела нарядную русскую избу, с крыльца которой сошел отставной солдат в форменном сюртуке с золотым галуном по воротнику. Он подошел к коляске и с глубоким почтением просил государыню сделать ему честь отдохнуть в его избе. Императрица тотчас же узнала в ветеране своего мужа, который, однако, продолжал играть роль гостеприимного хозяина. Александра Федоровна вошла в избу, где ее ожидали, выстроенные в ряд, все ее сыновья и дочери.

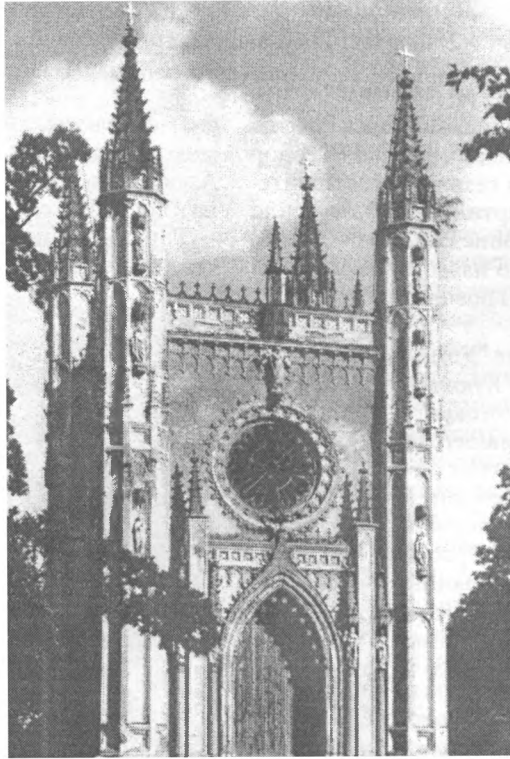
"Позвольте мне", - говорил ветеран, - "представить Вашему Величеству по имени всех моих детей и поручить их могущественному покровительству матушки-царицы. Старший мой сын уже флигель-адъютант, хотя ему едва минуло 19 лет, о нем я и не прошу, но за трех моих сыновей и трех дочерей я должен обратиться к Вашему Величеству с просьбой. Десятилетнего Константина я назначаю во флот, семилетнего Николая - в инженерный корпус, меньшого Михаила - в артиллерию. Старшую дочь Марию я бы желал пристроить в Смольный, вторую, Ольгу - в Екатерининский, а младшую Александру - в Патриотический институты."

Государыня обещала ветерану по возможности позаботиться о его детях, но не могла более сохранять принятую на себя роль и, тронутая до слез, благодарила мужа за сюрприз. Успокоившись, она осмотрела внутреннее устройство избы. Вся обстановка крестьянского хозяйства была исполнена с безукоризненной достоверностью. Так же как и в Берлине, домик был назван "Никольским".

В том же 1834 году Николай и Александра получили от Фридриха Вильгельма III подарок, свидетельствующий о тесных культурных связях России и Германии. В этот год готовилось открытие Александровской колонны на Дворцовой площади в Петербурге. Установка гранитного монолита на постамент, в которой участвовало три тысячи человек, была выполнена за 1 час 45 минут 30 августа 1834 года. Это событие воспринималось современниками как величайшее чудо.

Не обошел его вниманием и Прусский король. Он подарил дочери и зятю серебряную кружку, на внешней стороне крышки которой была медаль с портретом Александра I и подписью изготовившего ее медальера: К. П. Уткин. На оборотной стороне крышки была нарисована Александровская колонна. Кружка была выполнена королевским ювелиром И. Хоссауэром и в настоящее время хранится в Эрмитаже.

А теперь несколько слов о наиболее известном подарке русского императора Николая I прусскому королю, на этот раз уже сыну Фридриха Вильгельма III. Это кони Клодта. Знаменитых клодтовских коней можно увидеть не только в Петербурге на Аничковом мосту, но и в Берлине. (Отметим, что Аничков мост в Петербурге имеет



Готическая часовня в Петергофе

своего берлинского "двойника". Точно такая же решетка, как на Аничковом, с фигурами морских коней, дельфинов и тритонов, была установлена и на построенном в 1820 году по проекту К. Шинкеля мосту Шлосс-брюке, который находится на оси главной улицы Берлина Унтер ден Линден.) Как же случилось, что клодтовские кони оказались в Берлине? Дело в том, что была изготовлена пара "лишних" скульптурных групп. Она и была принесена в дар прусскому королю. На постаментах надпись на латинском языке, свидетельствующая о том, что российский император Николай I подарил их в 1842, а император Фридрих Вильгельм IV принял подарок в 1844 году. В настоящее время эти скульптуры установлены в Берлине в Клейст-парке перед зданием федерального министерства.

Разумеется, ответный подарок германского императора не заставил себя долго ждать. Это скульптурные изображения богини победы Ники, установленные в сороковых годах прошлого века у здания петербургского Манежа. Грациозные богини с лавровыми венками в руках выполнены из бронзы по модели Христиана Рауха и помещены на десятиметровые колонны.

Так сегодня, бродя по Берлину или Петербургу, мы узнаем в их облике общие, знакомые черты. И забывая о языковых барьерах, обнаруживаем, что эти города говорят на едином и прекрасном языке искусства.

"Завидую портрету моему"

Борис Асвариц

"Портрет В. А. Жуковского" работы
Ф. Т. Хильдебрандта

Борис Асвариц, хранитель немецкой живописи XIX-XX вв. в Эрмитаже.

В Берлине во дворце Шарлоттенбург находится портрет Василия Жуковского работы художника Хильдебрандта. На оборотной стороне портрета - автограф, написанное рукой Жуковского стихотворение "Завидую портрету моему". Но оборотная сторона картины - не самое обычное место для записи стихов, и если они там появились, то лишь потому, что у поэта были на то свои причины. Ключ к этому следует искать в самом портрете.

Среди немецких художников, приезжавших в Россию в XIX в., самым именитым был Фердинанд Теодор Хильдебрандт¹ (1804-1874) - один из главных представителей дюссельдорфской школы. Его картины "Der Krieger und sein Kind" (1832) и "Ermordung der Söhne Eduards IV" (1835) в Германии столь же хрестоматийно известны, как в России "Тройка" В. Г. Перова или "Иван Грозный и сын его Иван" И. Е. Репина.

Уже в 1842 году воспроизведение "Убийства детей Эдуарда IV" появилось в "Художественной газете"², а популярность многократно воспроизводившегося и копировавшегося "Воина с ребенком" сыграла злую шутку с одним маститым исследователем, увидевшим в его наивной копии "Портрет Григория Разума [Разумовского] с сыном Кириллом" работы неизвестного художника второй половины XVIII в.: "композиция его восходит к традициям иконописи, более того, к изображению богоматери с младенцем на руках. Только в данном случае в этой роли выступает казак, по всей видимости, отец ребенка"³.

У себя на родине художник до сих пор не удостоился сколько-нибудь обстоятельной монографии с достоверным перечнем работ. Это весьма досадно, поскольку кроме упомянутого во всех справочных изданиях приезда Хильдебрандта в Россию в 1844 году, картины "Дети в ожидании елки" (Эрмитаж), купленной при посредничестве Жуковского цесаревичем Александром Николаевичем в 1839 году в Дюссельдорфе, портретов Жуковского в различных собраниях и нескольких архивных документов о заказанных работах сведений о русских контактах художника нет.

Косвенным свидетельством пребывания Хильдебрандта в Петербурге зимой 1844 года служит "Вид с Невы на стрелку Васильевского острова зимой" (Амстердам, Рейксмузей), подписанный и датированный 1844 годом, что как бы убеждает в авторстве, хотя несколько удивляет и настораживает появление пейзажа, к тому же явно написанного с натуры, у художника, отнюдь не склонного к такого рода занятиям.

Хильдебрандт неоднократно писал Жуковского. Наиболее известен поколенный портрет (1844), вероятно, заказанный цесаревичем, всегда с благодарностью помнившим сво-

его многолетнего наставника, привезенный в Петербург самим художником и долгие годы висевший в библиотеке Александра II в Зимнем дворце (ныне в Музее А. С. Пушкина в Петербурге).

Гораздо меньше известен "Портрет Жуковского", написанный годом раньше, находящийся в приемной комнате Фридриха-Вильгельма IV во дворце в Шарлоттенбурге (Берлин).

В 1979 году этот портрет был на большой выставке "Die Düsseldorfer Malerschule" в Дюссельдорфе и Дармштадте, где вряд ли обращал на себя внимание. Для немецких посетителей это был далеко не лучший образец работы знаменитого художника. Редким в те годы посетителям из России был чужд далекий от привычного представления о романтическом поэте образ благополучного, не без гордости демонстрирующего ордена чиновника. Однако организатор выставки, директор Художественного музея в Дюссельдорфе Венд фон Кальнейн⁴, включил портрет в состав экспозиции, конечно, не случайно. Зная русский язык, он был тогда единственным человеком, способным оценить исключительность картины в истории русско-немецких художественных связей - на ее оборотной стороне написано стихотворение на русском языке. Кальнейн перевел его на немецкий язык и опубликовал в каталоге выставки.

К величайшему сожалению, прочитать стихотворение сегодня можно только благодаря фотографии, любезно присланной в Эрмитаж после выставки 1979 года Герхардом фон Ройтерном⁵ (1905-1991) - потомком тестя Жуковского Герхарда фон Ройтерна (1794-1865), много занимавшимся историей своей семьи. По словам доктора Бурхарда Гереса⁶, портрет позднее дублировали на новый холст, закрывший оригинальный текст.

Завидую портрету моему,
Но он своей судьбы не постигает;
Холодною бесчувственной тенью
Он будет там, где жить бы я хотел
Внимающей, любящей душою;
Он будет там, где всякий час, как тайна,
Свершается святейшее земное;
Где, вдохновенный, опытом веков
Наставленный, грядущего пророк,
Вождь настоящего, могучий друг
Свободы, буйства враг, небесной правды
Свершитель на земле, державства Гений
Неутомимо бодрствует для блага.



Завидую портрету моему,
Но он своей судьбы не постигает;
Холодною бесчувственной тенью
Он будет там, где жить бы я хотел
Внимающей, любящей душою;
Он будет там, где всякий час, как тайна,
Свершается святейшее земное;
Где, вдохновенный, опытом веков
Наставленный, грядущего пророк,
Вождь настоящего, могучий друг
Свободы, буйства враг, небесной правды
Свершитель на земле, державства Гений
Неутомимо бодрствует для блага.

"Ich beneide mein Porträt"

*Das "Porträt von W. A. Shukowski"
von Ferdinand Hildebrandt*

Boris Aswarischtsch

*Kustos deutscher Gemälde des 19. und 20. Jahrhunderts an der
St. Petersburger Eremitage*

(Gekürzte Fassung des russischen Textes)

Einer der namhaftesten deutschen Maler, die Rußland im 19. Jahrhundert besucht haben, ist Ferdinand Theodor Hildebrandt (1804 – 1874), einer der Hauptvertreter der Düsseldorfer Schule. Seine Bilder "Der Krieger und sein Kind" (1832) und "Ermordung der Söhne Eduard IV" (1835) gehören in Deutschland genauso zum Lehrbuchwissen wie in Rußland die "Troika" von Wassili Perow oder "Iwan der Schreckliche und sein Sohn Iwan" von Iwan Repin. (...)

Hildebrandt hat Wassili Shukowski nicht nur einmal gemalt. Am berühmtesten ist das kniehohe Porträt (1844). (...) Am wenigsten bekannt ist ein "Porträt Shukowskis", das er ein Jahr zuvor gemalt hat. Es befindet sich im Empfangszimmer von Friedrich Wilhelm IV im Charlottenburger Schloß in Berlin.

Im Jahre 1979 ist dieses Porträt auf der großen Ausstellung "Die Düsseldorfer Malerschule" in Düsseldorf und Darmstadt gezeigt worden, wo es kaum Aufmerksamkeit erregt haben wird. Denn für den deutschen Besucher war es bei weitem nicht das beste Beispiel vom Schaffen des berühmten Künstlers. Den in diesen Jahren selten aus Rußland kommenden Besuchern war dieses Bild des wohlbehaltenen, nicht ohne Stolz seine Orden demonstrierenden Beamten hingegen fremd, das so überhaupt nicht den gängigen Vorstellungen vom romantischen Dichter entsprach. Der Organisator der Ausstellung, der Direktor des Kunstmuseums Düsseldorf, Wend von Kalnein, hat das Porträt jedoch nicht zufällig als Exponat ausgewählt. Als ein Kenner der russischen Sprache war er damals der einzige Mensch, der in der Lage gewesen ist, die außerordentliche Bedeutung des Bildes in der Geschichte der russisch-deutschen Kulturbeziehungen zu schätzen: auf seiner Rückseite befand sich nämlich ein Gedicht in russischer Sprache. Kalnein übersetzte es ins Deutsche und veröffentlichte es im Ausstellungskatalog. (...)

Ich beneide mein Bild

Als ein kalter, gefühlloser Schatten
Wird es da sein, wo ich selbst
Fühlend und liebend, leben möchte,
Es wird da, wo /andauernd/, als ein /Geheimnis/
Das heiligste der Erde wird vollbracht;
Wo die Herrschermacht vor der Göttlichen
Sich demüthigt, nur in derem Glanze
Majestät und die Starke findet;
Wo, begeistert, durch die Erfahrung der Jahrhunderte
belehrt, des Zukünftigen Prophet,
Der Gegenwart Führer, mächtiger Hüter
Der Freyheit, der Unbändigkeit Feind, des Göttlichen Ruhm
Vollbringer auf der Erde, der Genius des Königlichen
Unermüdlich wachet und wirkt.

Das Heiligthum, wo ein guter König so treu
Seinem Gotte dienet, das Geheimnis
Der Königlichen Berufung tut beherzigen -
Es stehe vor deinem Eingang der Engel
Mit dem flammenden Schwerte, wie vor der Pforte
Edens, dass dich keine feindliche
Erden-Wirkung erschüttert;
Es leuchte (wie ein Strahl der Hoffnung,
Wie das Licht des Leuchtturms, angezündet für die,
Die unter dem Sturme der Zeit mutig segeln
Im Glauben an des Gute).
Es leuchte über deinen Dache jener Stern,
Welcher am Himmel erschien

Святилище - где добрый Царь так верно
Им знаемому Богу служит, сердцем
Постигнув тайну Царского призванья -
Да станет Ангел с пламенным мечом
У входа твоего, как пред дверями
Эдема, чтоб тебя не возмутили
Враждебныя сомнения земные;
И да горит светилом упования,
Маяком плователей, в бурю века
Плывущих бодро с верою в добро,
Над кровлею твоею та звезда,
Которая на небе воссияла
В тот час, когда в нем Ангелы запели
Земле спасенной: слава в вышних Богу!
Мир на земле! Благоволенье в людях!

Дюссельдорф
1843 мая 13/25

Ж.

То, что эти строки написаны рукой Жуковского, не вызывает никаких сомнений - его характерный, легко читаемый почерк знаком по многочисленным автографам. Но оборотная сторона картины все-таки не самое обычное место для записи стихов, и если они там появились, то лишь потому, что у поэта были на то свои причины. Ключ к этому следует искать в самом портрете.

Полностью стихотворение ранее не публиковалось, хотя литературоведам оно знакомо по рабочим тетрадям Жуковского, переданным его сыном, П. В. Жуковским, в Императорскую публичную библиотеку вместе с прочими бумагами отца. П. Бычков, издавший в 1887 году подробное описание всех бумаг поэта, напечатал только первые четыре строки и сообщил о французском и немецком переводах стихотворения, записанных Жуковским рядом с русским его текстом⁷. Судя по датам в рабочей тетради, стихотворение и его переводы возникли с 11 по 15 марта 1843 года. Текст на оборотной стороне портрета, датированный 13 мая, лишь незначительно отличается от рукописного.

Незадолго до этого Жуковский закончил посвящение поведи (в стихах) "Наль и Дамаянти" великой княжне Александре Николаевне, начинающееся с описания снов поэта:

В те дни, когда мы верим нашим снам
И видим в них несбыточности быть,
Я видел сон ...

Далее в посвящении речь идет о знаменитом в истории светской русско-прусской жизни празднике в Берлине в 1821 г. по случаю приезда Николая Павловича и Александры Федоровны, а затем мысль поэта из Берлина переносится в Зимний дворец, обитателем которого он был четверть века:

И вдруг мой сон
Переменился: я себя увидел
В царевом доме, и лицом к лицу
Предстало мне души моей виденье;
И мнилось мне, что годы пролетели
Мгновеньем надо мной, оставив мне
Воспоминанье каких-то светлых
Времен, чего-то чудного, какой-то
Волшебной жизни.

Очевидно, что об этом же дворце и о его хозяине, то есть Николае I, говорится в стихотворении на портрете. Оставив его анализ специалистам, отметим лишь, что оно пронизано аллюзиями, очевидными для современников, например: "чтоб тебя не возмутили враждебные сомнения земные" - явный намек на скандальный успех книги де Кюстина ("А

прогос. Читал ли ты собаку Кюстина? Верно читал?" - спрашивал в письме Жуковский в октябре 1843 г. своего московского приятеля А. Булгакова); "И да горит светилам упования, маяком плавателей, в бурю века плывущих бодро с верою в добро, над кровлею твоею та звезда..." - антитеза пушкинскому "Громыда двинулось и рассекает волны. Плывет. Куда ж нам плыть?"

Как все придворные, Жуковский имел внушительный набор иностранных орденов, вручаемых по случаю и не внушавших особого почтения. Сопровождая цесаревича Александра Николаевича в путешествии по Европе, он получал высшие ордена всех стран, через которые они проехали - это была не более чем обязательная дань принимавших наследника. Но на берлинском портрете изображены лишь два ордена: русский - св. Анны и прусский - *Orden pour le mérite*. Klasse für Wissenschaft und Künste. В отличие от старого *Orden pour le mérite* его учредил в мае 1842 г. Фридрих-Вильгельм IV для награждения мужчин (их число строго регламентировалось - 30 немцев и 30 иностранцев), "заслуживших всеобщее признание своими заслугами в области науки и искусства". Первым иностранцем, отмеченным новой, действительно почетной наградой стал Жуковский.

На других погрудных, композиционно идентичных портретах Жуковского, написанных Хильдебрандом⁸, прусского ордена нет. Именно это позволяет предположить причину появления портрета. Он, скорее всего, предназначался для подношения Николаю I, то есть для Зимнего дворца. И заказчиком его был Фридрих-Вильгельм IV, привлекавший Жуковского к совершенно определенной дипломатической интриге. Только это объясняет появление переводов - король должен был знать содержание и поэтические достоинства стихотворения, на которое вместе с портретом возлагалась важная миссия. К тому же, будь портрет заказан для себя Фридрихом-Вильгельмом, текст на нем, естественно, был бы на немецком или на принятом при дворах французском языке, а принадлежи портрет Жуковскому, он не оказался бы в Шарлоттенбурге - вряд ли обремененный семьей поэт мог позволить себе такие королевские подарки. (Во франкфуртском доме Жуковского было повторение его портрета из Зимнего дворца. Он был заказан наследником во время его пребывания в Дюссельдорфе в 1844 году и подарен им Жуковскому. Ныне в Государственном Русском музее.)

При всей внутренней готовности Жуковского быть истинным царедворцем его отношения с Николаем I были не всегда безоблачными. Особенно ис-

портило их обращение Жуковского в 1840 году к императору с уведомлением о женитьбе и с искренней просьбой о финансовом обеспечении своего будущего, на что он после многолетней и добросовестной придворной службы был в полном праве рассчитывать. Однако, император счел соображения, обосновывающие просьбу, неуместными и чрезмерными претензиями, и хотя вскоре при помощи императрицы и наследника все образовалось как нельзя лучше для Жуковского, он был глубоко обижен и даже оскорблен.

Примерно в это же время отношения между петербургским и берлинскими дворами, прежде почти родственно-дружественные, существенно и заметно омрачились. Николай I, не терпевший и не допускавший ни малейших изменений существующих порядков, был крайне недоволен некоторыми политическими действиями брата своей жены и ясно дал это ему понять.

И поэт, как в силу своего покладистого характера, так и многолетней привязанности к членам императорской семьи, и король, которому неприязнь из России не сулила ничего хорошего, стремились к примирению. Повод к его заключению обещало пышно отмечаемое в 1843 году празднование 25-летия назначения Николая I шефом Бранденбургского кирасирского полка, для чего он в конце августа 1843 года прибыл в Берлин, а одним из знаков - подношение и соответственно принятие портрета со стихотворением. Увы, примирение не состоялось. Николай I остался непреклонен и неприступен. Современник отметил: "Замечено было, что государь обращается с королем вежливо и даже приветливо, но сдержанно и как бы недоверчиво". Жуковский, специально приехавший из Дюссельдорфа в прусскую столицу, записал в своем дневнике: "5-23 сентября. Поездка в Берлин.... Короткое свидание с государем. Роковое "Не заживается"."

Естественно, что в данной ситуации портрет оказался некстати и остался, как и Жуковский, навсегда в Германии.

¹ Ferdinand Theodor Hildebrandt

² Т. 8, с. 376.

³ (Старк В.П. Портреты и лица. XVIII-середина XIX века. СПб., 1995, илл. 11.)

⁴ Kunstmuseum Düsseldorf Wend von Kalnein.

⁵ Gerhard von Reutern

⁶ Dr. B. Göres

⁷ Эти четыре строки воспроизводились в: В.А. Жуковский. Полное собрание сочинений. Пг. 1918, т. 3, с. 423.

⁸ См., например, воспроизведение в: Милюков П. Живой Пушкин. М., 1997, с. 111.

Als die Engel
Der erlösten Erde sangen: Ehre sey Gott in der Höhe
Und Friede auf Erden, an den Menschen ein
Wohlfallen

Düsseldorf, 13./15. Mai 1843

Daß diese Zeilen von der Hand Shukowskis geschrieben worden sind, unterliegt keinerlei Zweifel: es ist seine charakteristische, leicht lesbare Handschrift, bekannt aus unzähligen Autographen. Nichtsdestotrotz ist die Rückseite eines Bildes nicht der aller gewöhnlichste Ort zur Niederschrift eines Gedichts, und wenn es hier steht, dann nur deshalb, weil der Dichter hierfür seine Gründe gehabt haben wird. Ihren Schlüssel muß man im Porträt selber suchen.

Wie alle Höflinge besaß Shukowski eine eindrucksvolle Ansammlung an ausländischen Orden, die er bei Gelegenheit erhalten hatte und die keine besondere Achtung einflößten. Auf dem Berliner Porträt sind jedoch nur zwei Orden abgebildet: ein russischer der "Hl. Anna" und ein preußischer "Orden pour le mérite. Klasse für Wissenschaft und Künste". Im Unterschied zum alten "Orden pour le mérite" war letzterer im Mai 1842 von Friedrich Wilhelm IV zur Auszeichnung von Männern (ihre Anzahl war streng begrenzt auf 30 Deutsche und 30 Ausländer) eingeführt worden, "die sich durch ihre Verdienste im Gebiet der Wissenschaft und Kunst allgemeine Anerkennung erworben" haben. Der erste Ausländer, der die neue, wirklich ehrenhafte Auszeichnung erhielt, war Shukowski.

Auf den anderen, von der Komposition her ähnlichen Brustporträts Shukowskis, die Hildebrandt malte, ist der preußische Orden nicht abgebildet. Gerade diese Tatsache erlaubt es, Vermutungen über die Entstehungsgründe des Porträts anzustellen. Wahrscheinlich war es als ein Geschenk für Nikolaj I, also für den Winterpalast, vorgesehen. Und sein Auftraggeber war Friedrich Wilhelm IV, der Shukowski auf diese Weise in eine handfeste diplomatische Intrige verwickelte. (...) Denn ungefähr zu dieser Zeit hatten sich die Beziehungen zwischen dem Petersburger und dem Berliner Hof erheblich und merklich abgekühlt, die zuvor fast verwandtschaftlich freundschaftlich gewesen waren.

Sowohl der Dichter, nicht nur aufgrund seines nachgiebigen Charakters, sondern auch aufgrund seiner langjährigen Verbundenheit mit Mitgliedern der Zarenfamilie, als auch der König, dem die unverhohlene Feindschaft aus Rußland nichts Gutes verheißt, strebten nach einer Aussöhnung. Einen Anlaß hierfür bot der 1843 prunkvoll gefeierte 25. Jahrestag der Ernennung Nikolajs I zum Chef des Brandenburger Kürassier-Regiments. Aus diesem Grund kam dieser Ende August 1843 nach Berlin, und als ein Zeichen der Freundschaft sollte dann die Übergabe und dementsprechend die Entgegennahme des Porträts mit dem Gedicht vonstatten gehen. Doch leider kam es nicht zu der Aussöhnung. Nikolaj I. blieb unbeugsam und unnahbar. (...) Shukowski, der extra aus Düsseldorf in die preußische Hauptstadt gekommen war, schrieb in sein Tagebuch: "5-23. September. Fahrt nach Berlin.... Kurzes Treffen mit dem Herrscher. Das Verhängnisvolle "verheilt nicht".

Das Porträt war unter diesen Umständen natürlich vollkommen unpassend und blieb, wie auch Shukowski, für immer in Deutschland.

Я люблю вас,
но живого,
а не мумию.
Вл. Маяковский.



Владимир Шубин (г.р. 1949), работал экскурсоводом в Ленинграде, с 1989 - в журнале "Искусство Ленинграда" (в 1992 переименован в журнал "Арс"). В 1992-96 руководил журналом и издательством "Арсис". Автор публикаций исследовательского и научно-популярного характера на историко-литературные темы в сборниках, журналах, газетах. Автор книги "Поэты пушкинского Петербурга" (Л., 1985), составитель издания "Юрий Тынянов: Библиографическая хроника" (СПб., 1994). С 1997 живет в Мюнхене. В 1997 в соавторстве с И. Сухих им была подготовлена книга о Юрии Тынянове, не увидевшая свет в силу экономических трудностей Лениздата. Один из ее фрагментов, глава о Тынянове - переводчице Гейне была представлена "Зеркалом загадок" (1997. Вып. 6). В нынешней публикации автор обращается к главной теме научных и художественных поисков Тынянова - А.С. Пушкину.

Едва ли не каждый мемуарист, вспоминающий молодого Юрия Тынянова, отмечает его внешнее сходство с Пушкиным. Мнение это оказалось настолько расхожим, что послужило даже поводом к шутке на страницах "Литературного Ленинграда". В 1934 году газета напечатала портрет Тынянова работы Верейского, а рядом поместила то же изображение с подрисованными бакенбардами и вьющимися волосами, что придавало Тынянову действительно почти неотразимое сходство с поэтом. Восемью годами ранее газета "Кино", сообщая о намерении фабрики "Ленинградкино" приступить к съемкам фильма о Пушкине, замечала: "Наиболее трудным пунктом в постановке является подыскание актера, похожего на А.С. Пушкина. До настоящего времени наибольшее сходство найдено режиссером у литератора Ю. Тынянова, который и будет испробован на киноленту". Стоялась ли эта проба, не знаем, но роль поэта сыграл другой артист.



На фоне приведенных примеров довольно неожиданно звучит утверждение близкого к Тынянову Вениамина Каверина о том, что он никогда не находил в Юрии Николаевиче схождения с Пушкиным. Думаем, за этим утверждением прежде всего стоит желание оградить Тынянова от поверхностной аналогии. Популярный писатель, смахивающий на Пушкина, - что-то в этом, и впрямь, сквозит навязчивое, отдает незатейливой саморекламой, гримом и бутафорией. Изюшка на страницах "Литературного Ленинграда", надо признать, была не самой удачной.

И все-же пронизательный взгляд замечал нечто, едва уловимое - что-то знакомое по пушкинским портретам. И это ощущение схождения зримого было порождено восприятием личности в целом. "Видимо, благодаря долгому, настойчивому и страстному вращению Юрия Николаевича - его мысли и его чувства - в пушкинскую эпоху, - размышлял Лев Успенский, - выросло и созрело такое состояние духа, которое вовне проявлялось как зримое сходство с Пушкиным".

Впервые Тынянов открыл томик Пушкина в восьмилетнем возрасте, в 1902 году. Незадолго перед тем отшумел грандиозный пушкинский юбилей - 100-летие рождения. А за несколько лет до смерти Тынянова, в 1937-м, широко отмечалось 100-летие со дня гибели поэта. Оба юбилея прошли с большим размахом, оба носили официальный ха-

рактер и призваны были канонизировать в сознании широких масс угодный строю образ Пушкина. Надо ли говорить, что гиперболизированные этими двумя юбилеями образы в общих чертах были диаметрально противоположны: из раскаявшегося в юношеском вольномыслии и умирившего истинным христианином и верно поданным Пушкин к 1937 году "эволюционировал" в непримиримого борца с самодержавным государством и церковью. Разумеется, не только этот период между юбилеями, но и вся история посмертного пушкинского присутствия была сопряжена с неизбежными историческими метаморфозами его образа, нередко на грани вуль-

гаризации и пошлости.

Бич жандармов, бог студентов,
Желчь мужей, улада жен -
Пушкин в роли монумента?
Гостя каменного?..

И далее у Цветаевой в стихах 1931 года: "Пушкин - в роли Командора?.. Пушкин - в роли лексикона?.. Пушкин - в роли гувернера?.."

Так продолжалось вплоть до конца 1980-х годов, когда, как заметила пушкинист О. Муравьева, "мифологизация Пушкина как будто зашла в тупик, придя к такому мифу, который почти не нуждается в фигуре такого масштаба". Корни этого мифа застойных лет дали первые ростки еще в атмосфере оттепели 60-х, когда возникла потребность за затертыми, обезличенными чертами "основоположника" заново рассмотреть в Пушкине человека, что в свою очередь на этапе тиражирования, популяризации привело к формированию образа некоего легкого гения, без труда откликавшегося бессмертными строками на радости и печали, подлость и благородство, пережившего ряд порывистых любовных увлечений (Анна Керн и другие) и сведенного, наконец, судьбою с блистательной Натальи (образ жены поэта также претерпевал изменения, из холодной виновницы гибели поэта она сама превращалась в жертву интриг, отсюда и особая задушевность, с которой произносилось ее имя поклонниками и поклонницами недавних времен).

С конца 80-х контуры образа поэта стали вообще расплываться. На смену изживавшему себя "мужу Натальи Ни-

колаевны" никто не спешил. С приходом свободы политического и религиозного самовыражения литература (а с ней и Пушкин, как высшее воплощение культуры) стала терять свое духовное лидерство. И сегодня многое говорит о том, что ни государственной, ни общественной потребности в "нашем Пушкине" не чувствуется. Остается надеяться, что обозначившейся эволюции от чтения коллективного ("наш") к индивидуальному ("мой") не повредит и прошедший юбилей, отдавший, разумеется, среди прочего привычную дань общественному томлению по ритуалу и экзальтации, выплеснувший наряду с профессиональными исследованиями кичевые сенсации, старые штампы и пошлости массовой культуры.

Но, возвращаясь к годам господства тиражированного Пушкина, не будем забывать, что пушкинский миф почти всегда сохранял многоликость. Как в пору юбилейного словословия и официоза отдаленных десятилетий, так и в пору совсем уж недавнего фанатического увлечения женой поэта, его предками и потомками, на путях постижения Пушкина велись серьезные научные, философские, художественные поиски. Опыт Тынянова, блистательного теоретика, историка литературы и романиста, - один из примеров, достойных и по-своему уникальных. А для нынешней ситуации "перерыва, который случайно может оказаться концом" (воспользуемся словами Тынянова иного контекста) и, несомненно, плодотворных.

"Пушкина мне подарили в день рождения, - мне стукнуло восемь лет. Это было однотомное издание Вольфа..." Знакомство с Пушкиным, начавшееся у Тынянова в восьмилетнем возрасте в Латгалии, продолжилось в 1910-х годах в Петербургском университете, в первую очередь в Пушкинском семинарии Семена Афанасьевича Венгерова. Здесь Тынянов вскоре начинает развивать оригинальную концепцию литературных взаимоотношений Пушкина и Кюхельбекера. В последнем историки литературы успели рассмотреть только милого чудака и сумасброда. В круг научных интересов Тынянова вскоре входят забытый Катенин, Грибоедов, а также Некрасов, Тютчев, Гейне. В Пушкинском семинарии формируются основные черты научного метода Тынянова и одновременно намечаются расхождения (глубже осмысленные после университета) со взглядами учителя, а в его лице - со старым академическим литературоведением вообще. Действительно, в облике влюбленного в Пушкина и преданного своему делу Венгерова, пожалуй, наиболее полно отразились величие и бессилие пушкинистики начала XX века, которой в 1924 году бросит свой резкий упрек Маяковский:

Бойтесь пушкинистов.
Старомозгий Плюшкин,
Перышко держа,
ползает
с перержавленным...

Я люблю вас,
но живого,
а не мумию.
Навели
хрестоматийный глянec.

Не только у Маяковского Плюшкин норовил заменить собой образ скрупулезного пушкиниста. "Убеждение, что чем больше накопится всевозможных материалов, тем легче подойти к изучению Пушкина (как и всякого другого писателя), - ложно. Накопление материалов имеет определенную цель - литературное изучение, вне же этой цели оно превращается либо в кучу Плюшкина, либо, что еще хуже, в мертвые души Чичикова", - писал Тынянов еще до появления знаменитого стихотворения Маяковского, выражая не-

Wut der Männer, Glück der Frau - Puschkin als ein Denkmal?

Einleitende Bemerkungen zu Juri Tynjanows Arbeit an "Puschkin"

von Wladimir Schublin
(Gekürzte Fassung des russischen Textes)

Ich liebe Sie,
doch lebend,
nicht als Mumie.

Wladimir Majakowski

Den ersten Blick in einen Puschkinband warf Juri Tynjanow im Alter von acht Jahren, im Jahre 1902. Erst unlängst war der Lärm des großartigen Puschkinjubiläums zum hundertsten Geburtstag verklungen. Und einige Jahre vor Tynjanows Tod - im Jahre 1937 - feierte man im großen Stil den hundertsten Todestag des Dichters. Beide Jubiläen wurden mit viel Schwung und Pomp begangen, beide trugen offiziellen Charakter und waren darauf angelegt, im Bewußtsein der breiten Massen ein der jeweiligen Staatsform angenehmes Puschkinbild zu kanonisieren. Wobei gesagt werden muß, daß die bei diesen zwei Jubiläen gezeichneten Bilder in ihren allgemeinen Charakterisierungen diametral entgegengesetzt waren: aus dem seine jugendliche Freidenkerei bereuenden und als wahrer Christ und treuer Untertan sterbenden Puschkin "entwickelte" sich bis 1937 ein unversöhnlicher Kämpfer gegen den autokratischen Staat und die Kirche. Es versteht sich von selbst, daß nicht nur diese Periode zwischen den Jubiläen, sondern die ganze Geschichte der posthumen Präsenz Puschkins verknüpft war mit unausweichlichen historischen Metamorphosen seines Bildes, oft bis an die Grenze des Vulgären und Niederträchtigen.

Spitzelgeißel, Gott der Schüler,
Wut der Männer, Glück der Frau -
Puschkin als ein Denkmal? Puschkin
Etwa als der Gast aus Stein?...

Und weiter heißt es in dem Gedicht von Marina Zwetajewa aus dem Jahre 1931: "Puschkin - Puschkin als Komtur?... Puschkin als ein Diktionsär?... Puschkin als ein Tugendwächter?" [Nachdichtung hier von Heinz Czechowski, Anm. d. Übers.] So ging es bis Ende der achtziger Jahre weiter, als die "Mythologisierung Puschkins" - wie die Puschkinistin Olga Murajewa feststellte - "irgendwie in eine Sackgasse geriet, indem sie bei einem Mythos angelangte, der fast völlig ohne eine Figur dieses Maßstabes auskam." Die Wurzeln dieses Mythos aus der

удовлетворенность преобладанием в академическом литературоведении накопления материалов о Пушкине, своего рода коллекционированием знаний - фактов и фактиков. Биографическая канва становилась путеводителем по творчеству поэта, а порой и его исчерпывающим комментарием. Благоговение перед поэтом (непременный атрибут пушкиниста) чуть ли не при полном игнорировании его мастерства, его умения "делать" вещь, как в глазах футуриста, искателя новых художественных форм, так и с позиций молодой когорты исследователей превращало великий труд в уже упомянутую кучу, а самого Пушкина в музейную мумию. С наименьшей остротой одновременно с Тыняновым и Маяковским ставил те же вопросы и молодой ученый Борис Томашевский: "'Пушкинизм' без воздействия извне грозит заболотиться, если, впрочем, более молодая группа научных работников не взорвет его изнутри". Любопытно при том, что и этот "подстрекатель", превративший к тому же солидное слово *пушкинизм* в некое словцо (так называемый пушкинизм), в недалеком прошлом - ученик того же Венгерова, который, по собственному признанию, сначала с нескрываемым беспокойством, а потом и с живым интересом присматривался к увлеченному изучению студентами "стиля, ритма, рифмы, эпитетов, классификации мотивов", а также к установлению ими "анalogии приемов у различных поэтов и всяким иным наблюдениям над внешним воп-

Stagnationszeit begannen schon im Klima des Tauwetters und der Frische der sechziger Jahre zu keimen, als das Bedürfnis nach den abhanden gekommenen, ihrer Individualität beraubten Charakterzügen des "Begründers" es erforderlich machte, in Puschkin den Menschen zu entdecken. Dies führte wiederum im Zuge einer weitreichenden Popularisierung und massenhaften Distribution zur Entstehung eines neuen Bildes. Dieses präsentierte Puschkin als ein gewisses leichtlebige Genie, das ohne Schwierigkeiten unsterbliche Verse über Freude und Trauer, Niedertracht und Gutmütigkeit schmiedete, eine Reihe ungestümer Liebesabenteuer (mit Anna Kern und anderen) durchlebte und dann endlich vom Schicksal mit der glanzvollen Natalja Gontscharowa zusammengebracht wurde. (Das Bild der Ehefrau des Dichters war ebenfalls Veränderungen unterworfen: Aus der kaltblütigen Urheberin vom Tod des Dichters verwandelte sie sich selber in ein Opfer von Intrigen, was auch die besondere Innigkeit erklärt, mit der ihre Anhänger und Anhängerinnen aus jüngster Zeit ihren Namen aussprechen).

Seit Ende der achtziger Jahre begann sich das Bild des Dichters völlig zu verwischen. Es beeilte sich niemand, den "Ehemann Natalja Nikolajewnas", der sich ausgelebt hatte, abzulösen. Mit der Möglichkeit, sich selber politisch und religiös frei artikulieren zu können, verlor die Literatur (und somit auch Puschkin als höchste Verkörperung der Kultur) ihre spirituelle Führerrolle. So spricht heute viel dafür, daß weder ein staatliches noch ein gesellschaftliches Bedürfnis nach "unserem Puschkin" besteht. Es bleibt zu hoffen, daß der hier skizzierten Entwicklung von einer kollektiven ("unserer") zu einer individuellen ("meiner") Lektüre das vergangene Jubiläum keinen Abbruch tut, das selbstverständlich unter anderem auch dem gesellschaftlichen Bedarf nach Ritual und Übertreibung den üblichen Tribut zollte, indem es neben professionellen Forschungen kitschige Sensationen, alte Stereotypen und neue Banalitäten der Massenkultur lieferte.

So dürfen wir, wenn wir zu den Jahren des in riesigen Auflagen verbreiteten Puschkin zurückkommen, nicht vergessen, daß der Puschkinmythos immer seine Vielschichtigkeit bewahrt hat. Doch sowohl zu Zeiten der offiziellen Jubiläums-Lobpreisungen der vergangenen Jahrzehnte als auch zu Zeiten der noch gar nicht so lange zurück liegenden fanatischen Begeisterung für die Ehefrau des Dichters, für seine Vorfahren und Nachkommen gab es auch Menschen, die jenseits von sklavischer Hörigkeit und Erfordernissen des Massenbedarfs auf den Fährten hin zum Verstehen Puschkins wißbegierige wissenschaftliche, philosophische und künstlerische Nachforschungen anstellten. Das Leben und Werk Juri Tynjanows, eines glänzenden Theoretikers, Literaturhistorikers und Romaniers, stellen ein würdiges und in seiner Art einzigartiges Beispiel hierfür dar. Sie sind auch eines für die heutige Situation der "Pause, die sich zufällig ebenso als das Ende erweisen kann" (so die in anderem Zusammenhang von Tynjanow gebrauchten Worte), – und zweifellos ein ergiebiges Beispiel.

лошением поэзии...". До тех пор ученый неизбежно представлял себе "отношение формы к содержанию, по преимуществу, как золотую оправу для лучезарного алмаза". Для Венгерова и пушкинистики в целом важно было, *что* сказал поэт, но не *как* он это сказал. Благоговение, порождавшее далекое от науки велеречие ("лучезарный алмаз" и проч.), оборачивалось фетишизмом, сбивало исследовательский процесс на путь шумихи и сенсаций, выдвигало фигуру Пушкина из общего историко-литературного ряда. Что из этого иногда получалось, красноречиво демонстрирует пример с тем же Венгеровым. Когда Тынянов в университете поделился с профессором соображениями об интересе молодого Пушкина к литературным трудам Павла Катенина, мэтр был неподдельно изумлен: "Как? Вы собираетесь доказывать влияние Катенина на Пушкина... так ведь Катенин же несимпатичная личность!". Репутация (а Катенин, действительно, слыл неуживчивым и скандальным) правила свой бал, закрывая собой долгое время (до исследований Тынянова) труды поэта, критика и драматурга.

Привычная терминология – *пушкинист, пушкинистика*, – скомпрометированная в глазах молодежи 1920-х, сохранилась в научном обиходе, но именно благодаря напору и энергии молодых *пушкинистов* она наполнялась новым содержанием, как и сама *наука о Пушкине*, повернувшая на путь более глубокого изучения *дела* поэта, не отказавшаяся,

разумеется, от накопления новых материалов, но усилившая интерес к форме, художественной специфике, к взаимосвязям Пушкина с современной ему литературой. Отряд пушкинистов 1920-30-х годов внушителен по составу и блистателен по многим именам. В старых и новых традициях работали "ветераны" и молодежь: М.А. Цявловский и Б.В. Томашевский, П.Е. Щеголев и С.М. Бонди, Н.О. Лернер и Н.К. Пиксанов, Г.А. Гуковский и В.В. Виноградов, В.В. Вересаев и Д.Д. Благой, Н.В. Измайлов и М.Л. Гофман, Ю.Г. Оксман и т.д., и т.д.

Пушкинист Юрий Тынянов вместе с молодыми друзьями и единомышленниками – Виктором Шкловским и Борисом Эйхенбаумом, которых встретил в 1918 году, начинал на путях формализма. Изучение формы, анализ художественного текста как суммы стилистических приемов, вне связи с личностью, биографией писателя или событиями его эпохи – эти цели виделись молодым ученым как наиболее приоритетные. Резкий разрыв с научной традицией позволял поставить ряд важнейших для теории литературы проблем, но при этом неизбежно вызывал острую полемику. Споры носили принципиальный характер, порой в метко схваченной остроумной форме: "Если водить на точку зрения формалистов, – писал в 1926 году один из профессоров старого поколения, – необходимо стереть все надписи на памятниках, так как все эти надписи говорят о "содержании" и материале творчества и заменить их другими, например, "Пушкину – зачинателю глубокой рифмы" или "Лермонтову – незабвенному основоположнику разговорного синтаксиса в стихе"". Но незамедлили появиться и нешуточные угрозы. Журнал "Печать и революция" в первом номере 1930-го года объявляет "войну формализму на уничтожение". И в следующем выпуске возвращается к этой теме: "Что такое история формальной школы? Систематическое идеологическое вредительство на фронте литературной борьбы..." И, обращаясь к Шкловскому: "Понимаете ли вы, какую объективную, классовую роль играла и играет ваша школа? На какого дядю работал ваш метод?" Журнал, к слову заметить, бил лежащего: Шкловский уже публично показывался в формалистических "заблуждениях".

Конец формализма был обусловлен не только идеологическим давлением, но и внутренними проблемами: к концу 1920-х формалисты столкнулись с методологическими трудностями, с необходимостью корректировки первоначальных положений своей доктрины. В 1928 Тынянов еще строил планы продолжения и обновления этих исследований, побывал в Праге, где с Романом Якобсоном им были написаны тезисы "Проблемы изучения литературы и языка". Но...

История формальной школы подходила к концу, оставив после себя как уникальные методологические наработки, так и ряд блестящих работ. Среди них "Архаисты и Пушкин", "Пушкин и Кюхельбекер" и другие труды Тынянова, которые оказали глубокое влияние на филологическую науку, а также во многом определили особенность его собственной художественной прозы.

"Мое ремесло историка литературы, – говорил Тынянов после написания своего первого романа "Кюхля", – сталкивает меня с материалами и вопросами, которым тесно в истории литературы, как науке, которые нуждаются в опытном поле для их разрешения". Этим "опытным полем" и становился для него исторический роман.

Труд ученого ограничен документом, но Тынянов не раз напоминал очевидную истину, что жизнь исторического лица не может быть документирована полностью, да и не каждому документу можно доверять. Но там, где бессилён ученый, вступает в свои права художник: он заполняет пустоты между документами и дает сомнительному материалу свое толкование. Об этом праве декларативно заявлял Тынянов: "Там, где кончается документ, там я начинаю". Там, где кончается документ, у Тынянова-писателя начиналось не

своеволие, а напряженный поиск того, что называл он последним, то есть высшим в искусстве – "ощущение подлинной правды". Исторический роман, полагал Тынянов, начинается в тот момент, когда в воображаемом отсекается все *случайное* и остается только *необходимое*, когда автор начинает понимать, что иначе он "выдумать" не мог.

Творческое воображение остается свободным (по сравнению с трудом историка), но не произвольным. И вот один из примеров. В романе "Смерть Вазир-Мухтара" Тынянов делает нечто, недопустимое с точки зрения труда историка: арабское изречение – "Величайшее несчастье, когда нет истинного друга", – процитированное некогда Грибоедовым в письме к Павлу Катенину, он представляет как цитату из письма драматурга к Булгарину. Но то, что противоречит факту историческому и с этой точки зрения воспринимается как неправда, при ближайшем рассмотрении не противоречит сути происходившего, потому что правдой для Тынянова была не только дружба великого драматурга с нечистоплотным Булгариным, но и сердечная горечь Грибоедова, терявшего в описываемом в романе время связи со старыми товарищами: непонимающе и неприязненно стал на него смотреть Катенин, где-то в стороне текла семейная жизнь Бегичева, отправлен на каторгу Александр Одоевский, брошен в тюрьму Кюхельбекер. И только Булгарин никуда не девался, а, напротив, чувствуя возникающую вокруг Грибоедова пустоту, самодовольно полагал, что может заполнить ее своей персоной. Величайшее несчастье, когда друзей увозят в кандалах, когда они уходят сами, и из прежнего круга почти никого не остается, кроме Булгарина. Переадресовав старинное изречение, Тынянов, как это в свое время убедительно проанализировал Н. Эйдельман, вложил в него тем самым горькую иронию, которая и раскрывается на страницах романа, где "истинный друг" Булгарин предстает скорее в роли придворного шута вазир-мухтара.

Приведенный пример показывает, сколь относительна у Тынянова свобода в обращении с документами. Каждый раз судьей творческого воображения становился анализ характеров персонажей, мотивов их действий, соотносимый с ходом времени, каждый интерпретируемый или выдуманный факт взвешивался на весах с делениями *случайность* и *необходимость*.

Однако романы Тынянова вызывали и вызывают подчас самую бурную критику. Особенно озадачивает и возмущает Грибоедов, этот "человек небольшого роста, желтый и чопорный", признаваемый современными оппонентами "столь же художественно убедительным, сколь и исторически недостоверным". Но если это мнение исходит из научных кругов, то еще более категоричное суждение можно было относительно недавно услышать из кругов литературных, когда в середине 1980-х со страниц "Литературной газеты" ленинградский прозаик Михаил Чулаки попытался вообще отказать литературному произведению, в котором фигурируют реальные исторические прототипы, в праве на существование. Подобный труд он попросту назвал людоедством, а главным пожирателем, самым сильным и талантливым, признал Тынянова. Впрочем, Чулаки был не совсем оригинален. Отповедь историческому роману произносилась не раз. Еще современник Пушкина Осип Сенковский писал, что "исторический роман... есть побочный сынок без роду, без племени, плод соблазнительного прелюбодеяния истории с воображением". Можно было бы привести в противовес этому мнение Белинского и другие суждения различных времен, но ограничимся лишь неким общим выводом из них. Пытливый художник равно стремится к истине, как и серьезный историк. Пути диалектичны, могут не совпасть и выводы, что вовсе не означает ошибку того или другого. "Научная биография, – писал Тынянов по поводу своего романа "Пушкин", – этим романом не подменяется и не отменяется". Можно вспомнить классический при-

мер – "Войну и мир" Толстого, где и отдельные события, и некоторые исторические личности изображены не так, как видят их историки. Но этого расхождения оказывается недостаточно, чтобы обесценить исторический взгляд писателя. И уж совсем не лишне вспомнить и то, что сама историография изначально носила характер исторической прозы и только со времен Ренессанса стала отделяться от художественной литературы.

Впрочем, в споре об историческом романе мы встаем на сторону тех романистов, которым оказывается по силам задача постижения духа истории, а не только воспроизведения ее орнамента и экзотики. Гоголь говорил, что национальный характер творчества Пушкина заключается не в умении описать сарафан, а в постижении "самого духа народа". "Сарафанных" романов на историческую тему писалось и пишется немало, иные становятся бестселлерами, заполняя досуг читателя или пустоты его исторического образования. И только немногие из писателей наделены возможностью идти той дорогой, на которой их труд приобретает значение того же порядка, коим наделен труд исследователя-историка. "Вымысел не есть обман..." – повторим за Булатом Окуджавой.

Одной из важнейших проблем, решение которой, по мнению Тынянова, было осложнено в науке и могло носить экспериментальный характер в романе, была проблема связи "жизни" и "творчества". Подвергнув ревизии старую традицию нерасчлененного изучения жизни, личности и творчества любого писателя, формалисты пришли к необходимости разделения "литературной личности" (образ автора, формирующийся в сознании читателя под воздействием его произведений) и собственно "личности творца" (в отдельных случаях они, конечно, могут совпадать). Сама же зависимость литературного труда от внешних воздействий Тынянову и его коллегам виделась сложнейшей проблемой, нуждающейся в теоретической разработке. Несовершенство научных методов усложняло, по их мнению, создание научных биографий, а "опытным полем" представлялся исторический роман, позволяющий строить близкие к науке гипотезы.

На первых страницах "Кюхли" появляется седой старичок, который с маразматическим глубокомыслием заявляет об увлечении юного героя поэзией: "Стихи – это литература". Подобная сентенция звучит пародийно по отношению к узкоформалистской традиции (искусство как прием). Именно роман позволил Тынянову расширить границы своей исследовательской работы и показать биографические и исторические корни поэзии Кюхельбекера. Однако и при этом Тынянов проявлял исключительную осторожность в попытках связать творческий процесс своего героя с биографией и историей. Наезженная многими авторами колея, на которой герой "под свежим впечатлением" увиденного, услышанного, пережитого и т.п. бросается к столу и (почти непременно грызя перо) начинает создавать очередной шедевр, была для него неприемлема. Он не тщился раскрывать читателю "тайны ремесла" (мотивы да и сам акт творчества), но всегда стремился близко и осторожно подойти к ним. По точнейшему замечанию одного из исследователей, Тынянов умел остановиться в тот момент, когда, по словам Пушкина, "Минута – и стихи свободно потекут".

Одной из весьма своеобразных, привлечших широкое внимание попыток разделения биографии и творчества стала в те годы вересаевская концепция, изложенная в книге "В двух планах". Многим большим художникам, в том числе и Пушкину, полагал Вересаев, присуще раздвоение на жизненный и творческий планы, контрастные и противоречивые. Пушкин в обыденной жизни не был огражден от собственных людей пороков и слабостей, отмечал Вересаев, но в поэзии неизменно обретал голос чистоты, силы и благородства. Концепция не объясняла какие-нибудь при-

сущие поэту противоречия, а фактически смаковала и утрировала их. В этом отношении особенно показательны новеллы Вересаева, в которых изображены и припадки Пушкина на почве любовного возбуждения, и картинки темпераментного рукоприкладства, сопровождаемого бранью и т.п. Под знаком той же концепции "в двух планах" Вересаевым создана одна из самых популярных его книг "Пушкин в жизни" – мозаичная биография, сложенная из фрагментов "подлинных свидетельств современников". Маяковский (по словам Шкловского) говорил: "Как дан Пушкин? Он присел – написал стихи..." "Пушкин в жизни" – это Пушкин, от которого отняли перо и чернила, как бывало иногда в тюрьмах". Тынянова и Вересаева роднило презрение к "хрестоматийному глянцу". Но на этом пути их расходились. "Живой Пушкин, а не Пушкин в жизни" – полемически к Вересаеву сформулировал Тынянов поставленную перед собой задачу, когда взялся за роман о поэте.

К роману о Пушкине он подходил острожно и издалека – через семинарий Венгерова, историко-литературные и теоретические работы послеуниверситетских лет, многочисленные замыслы произведений о пушкинских современниках – Катенине, графомане Дмитрие Хвостове, поэте А. Шишкове, племяннике знаменитого охранителя славянской речи. В художественных планах писателя встречаются имена Державина, Крылова, Чаадаева, упоминаются и люди скандальной известности, вроде Толстого-Американца, и лица с затуманенной биографией, как например, Клиггер, видный участник "Бури и натиска" в молодости, друг Гете и позднее нелюбимый и нелюдимый директор привилегированных военных учебных заведений Петербурга. Эти и другие замыслы вместе с романами "Кюхля" (1925) и "Смерть Вазир-Мухтара" (1928) создавали в творческом воображении Тынянова масштабную картину эпохи, подсвечивая, быть может, образ будущего главного героя – Пушкина. Но на пути к роману он заглядывал и в иные исторические пласты. Н. Харджиев вспоминал: "Ему казалось, что работа над психологическим романом о великом поэте обречена на неудачу. Поэтому он решил писать хронику "Пушкины", историю рода, исключив из нее именно А. С. Пушкина. Помню, Тынянов сказал: – Глава о нем будет самая короткая. В рамке: А. С. Пушкин и две даты – рождения и смерти".

Хроника "Пушкины" сменилась в планах писателя романом-хроникой "Ганнибалы". Летом 1932 года на даче под Псковом появились первые страницы повествования о предках поэта по линии матери, от которых Пушкин унаследовал неукротимость духа, жажду жизни и свободы. Род Ганнибалов связывал Пушкина со временем Петра, приобщал к созидательному началу важнейшей для русской истории эпохи.

"Дело идет на этот раз о Хабеше, старой Абиссинии, о самом севере ее – стране Тигрэ... о той горной части Тигрэ, которая называется: страна Хамасен. В этой земле Хамасен есть река Марерб, у самой реки стояло – быть может, стоит еще и теперь – дерево сикомора, которое арабы зовут: даро... Дело идет о человеке, абиссинце, который не своей волей прошел мимо этого дерева – его вели в турецкую неволю...

Потом попал он в Россию...

Итак, дело идет о России.

Разговор идет о том, как ничто не застаивается на прервосходной земле...

Дважды род столкнулся с Пушкиными – этим к концу XVIII века, к началу XIX века износившимся, просквозившим в пух родом, легковесным, как перо, лепечущим, развозящим легкие дворянские тела по проселочным дорогам и столичным проспектам, но и застревающим, оседающим легко, как пух, где уютно на всю жизнь... И неудачи их преследовали. Отцы были женоубийцы, дети стали пустоделами. Идет история обид, отсиживаний, деревенских запусте-

ний, разорений, драк, супружеских воплей и французского лепета над головами пешеходов. История сужается до пределов гостинной с выцветшими обоями, она доходит до клетки с французским попугаем.

История сужается в количестве лиц – она доходит до одного человека и вдруг расширяется за все пределы. И этот человек предъявляет все счета своего рода, и все отсиживания, все оппозиции и обиды, разорения и гибели, ревность и скудость, абиссинскую нежность и свирепость он называет по имени.

В отрочестве отметили его необыкновенную холодность. Он был Пушкиным до 1820 года, Ганнибалом – с 20-го по 30-й год..."

Написав несколько страниц, Тынянов остановился. Оба замысла – "Пушкины" и "Ганнибалы", как и упомянутые художественные планы, необходимы были, по-видимому, для внутренней подготовки к главному труду и потере значения (если не навсегда, то на время), когда писатель почувствовал, что готов взять лист бумаги и уверенно вывести заглавие – "Пушкин". Этот момент наступил, по-видимому, весной 1933-го, и вскоре новый роман все настойчивее стал претендовать на особое место, оттесняя на второй план иные научные и художественные планы. Не без влияния тяжелого заболевания (с конца 1920-х у Тынянова появились первые признаки рассеянного склероза), ставившего под сомнение возможность работы в будущем, да и саму будущую жизнь, Тынянов воспринимал роман как вершину и итог своей работы в литературе.

"Майор был скуп. Вздохнув, он заперся у себя в комнате и тайком пересчитал деньги.

Вспомнив, что еще в гвардии остался ему должен товарищ сто двадцать рублей, он огорчился. Шикнув на запевшую не вовремя канарейку, переоделся, покрасовался перед зеркалом, обдернулся, взял трость..."

Малодушный и скупой комедиант, слышавший остроумцем среди женщин и собственной матерью пренебрежительно прозванный "прыгуном", хлыщеватый и самовлюбленный, только что крестивший сына, устраивает "куртаг", как говаривал он будучи гвардейцем, или "скромную встречу с милыми сердцу", как стал говорить он теперь, примеряясь к новейшей литературной моде. Крещеный младенец – Пушкин, легковесный и тщеславный человек – его отец. С первых страниц романа входим мы в Дом детства поэта и вместе с ним осваиваемся в этом не очень уютном месте.

"Куртаг" затянулся, и мы имеем возможность присмотреться к тому, что происходит вокруг колыбели виновника встречи, оставленного, впрочем, под присмотр няньки Арины и забытого родителями и гостями. Суетится бабушка Марья Алексеевна, простодушная и язвительная. Кособрюхий и тонконогий Василий Львович, дядя новорожденного, поглядывающий то и дело горделиво и благоговейно на свою "Цырцею", которую, впрочем, звали Капитолиной Михайловной, поправляя роскошное жабо, пытается рассказать брату о недавно виденном спектакле, но тот уже все слышал от других и, перебивая Василия Львовича, торопится первым сообщить ему те же подробности. Модной жеманной улыбкой – полузакрыв глаза и шевеля губами – одаривает присутствующих тетюшка Анна Львовна. Появляются и важные гости – Карамзин и французский эмигрант, граф Монфор. За обедом – легкий разговор, перед вечерним чаем – игра в буриме, сочинение стихов на заданные рифмы. И на всем отпечаток вошедшей в моду простодушной грусти: букетик полевых цветов на столе, бледный цвет в нарядах дам, мечтательные разговоры об уединенной жизни в небольшом домике с садом, сладостный для поэта упрек в лени, изящно брошенный Карамзиным стихотворцу Василию Львовичу. Говоря словами самого Василия Львовича (не из романа Тынянова, а из его знаменитой поэмы "Опас-

ный сосед"), "благопристойности ничто не нарушало". Однако на пороге неожиданно появилось новое лицо.

"Он был небольшого роста, с небольшой головкой, желтыми руками, тонок в талии; с выпуклым лбом, с седыми клочковатыми волосами. Одет он был в темно-зеленый допотопной формы военный сертук, а двигался легко, не прикасаясь к полу пятками".

Неожиданное появление его превосходительства генерал-майора Петра Ганнибалы, двоюродного деда новорожденного, нарушило чайную идиллию с вишневым вареньем. Старик был шумлив, грубоват, говорил о чем-то своем и поминутно прикладывался к полынной настойке. К тому же он непременно хотел повидать младенца... Так у колыбели Пушкина сталкивается "легковесный, как перо, лепечущий" род его отца и принесенное матерью "русское ганнибальство, веселое, свирепое". Так начинается разговор о человеке, в котором происходит слияние и борьба этих двух начал, и в этот разговор вплетается быт домашний и литературный, отзвуки происходящих событий – причуды императора Павла, толки о закате славы Суворова и восхождении Бонапарта. Дыхание младенца еще не совпало с ритмами истории – это у него впереди. Как впереди и сложное психологическое формирование под воздействием пушкинских и ганнибаловских корней, и следование литературной моде отцов, и ее преодоление. "История сужается... до одного человека", убаюканного нянькой в зыбке, "и вдруг расширяется за все пределы": в Дом детства поэта входит множество лиц и событий. Иностранцы и соотечественники, именитые и безвестные, прогрессисты и гасильники, карьеристы и бездельники, кровно связанные со своей землей и забывшие свои национальные и родовые корни... Большие и малые события и происшествия, от домашней драмы Василия Львовича, покинутого "Цырцеей", до реформ Сперанского и войны с Наполеоном... Все это создает умственную, государственную, культурную и бытовую атмосферу, в которой начинает формироваться будущий мыслитель и поэт. И мы видим, как писал о романе Шкловский, "как создается опыт поэта, как создаются мысли, которые он подумает через десятилетия".

Москву сменяет Лицей, и начинается вторая часть романа – неторопливое повествование о Доме отрочества поэта. Пушкин взрослеет, его фигура все более выступает вперед. И рассказ о нем ни на миг не отрывается ни от специфической жизни Лицея, ни от тех исторических и культурных событий, которые разворачиваются вблизи и вдали его стен. Пушкин – поэт и человек – формируется в романе не на разных уровнях, как пытался трактовать это Вересаев, а в сложном единстве.

Тынянов изначально задумывал создание "эпоса о рождении, развитии, гибели национального поэта". Это требовало иной, чем, например, в романе о Грибоедове, манеры повествования. Стилистика становилась менее сложной, но и она, сохраняя во многих местах присущую Тынянову ироническую интонацию, насыщена метафорами, ассоциациями, речевыми приметами времени. Критика не раз уже отмечала, что Тынянов редко цитирует стихи Пушкина, и тем не менее роман пронизан атмосферой его поэзии, в нем "воспроизведены не тексты, а интонации пушкинского языка".

"Зорю бьют.

Еще рассветало. День еще не наступил. Все было как всегда, Пуштин за стеной еще не просыпался.

Зорю бьют.

Первый звук трубы, унылый, живой, и сразу потом – тонкий, точный, чистый, голосистый звук сигнального барабана.

Зорю бьют.

Из рук его выпал ветхий том, который ночью он листал, – Данте.

Этот год миновал – как не было.

Зорю били.

Эта точность, голосистая и быстрая, снимала с него сон – он уже не спал; снимала неверные, тлеющие сны. Его любовь была точна, как время, как военный шаг, марш. Как будущее. Больше всего, точнее всего будущее было предсказано прошлым, прошедшим.

История Российская, русская, Катерины Карамзиной, была в уме и сердце.

Зорю бьют.

Стремительно и точно..."

Это почти стихотворение, оно и выросло из стихотворного наброска Пушкина:

Зорю бьют... из рук моих

Ветхий Данте выпадает,

На устах начатый стих

Недочитанный затих...

Пушкин прощается с Лицеем. Он на пороге нового дня и новой жизни. Он засыпает с томиком Данте, думая о своей Беатриче – Катерине Карамзиной. Он уже знает, что такое любовь – не по книгам. Он понял, что такое история – также не по книгам. Карамзин был ее летописцем, но воплощением истории, носительницей национальных черт видится Пушкину-лицейсту жена историографа, как в детстве в образе Русской истории предстала перед ним Арина Родионовна.

Гипотеза о любви Пушкина к Екатерине Адреевне Карамзиной прозвучала неожиданно и сенсационно. Она не нашла единодушной поддержки в пушкиноведении (Тынянов выдвинул ее в романе и отдельно рассмотрел в рамках научной статьи), но именно беллетристическая ее разработка была воспринята некоторыми художниками и критиками как открытие. Сергей Эйзенштейн признавался в "немедленном психологическом уверовании" в эту гипотезу, восхищался ее внутренним правдоподобием и при том отмечал, что "исследовательская истинность и достоверность" его "совершенно не беспокоили".

В начале 1937 года первые части романа – "Детство" и "Лицей" – вышли отдельным изданием. В преддверии пушкинского юбилея публиковалось немало художественных и документальных книг о поэте. Немногие из этого потока пережили юбилей, среди них переиздававшаяся и позднее работа И. Новикова "Пушкин в Михайловском" (первая книга его труда "Пушкин в изгнании"). Однако, придав своему повествованию художественную форму, Новиков как исследователь не ушел далее уточнения некоторых фактов (дат, адресатов и т.п.). Цитируя пушкинские стихи, пересказывая документы, он выступил как увлеченный комментатор, биограф, избравший вместо сугубо научной беллетризованную форму повествования, имеющую мало общего с жанром исторического романа.

Над третьей частью романа – "Юность" – Тынянов работал в эвакуации, будучи тяжело больным. Он не оставлял роман и тогда, когда уже не мог ни ходить, ни писать. И умирая, в 1943-м, диктовал роман, словно спешил додумать и досказать что-то важное о человеке, открывавшем сокровенные тайны творчества, да и самой жизни, и, наверное, потому верившем, как писал Блок, что "рано или поздно, все будет по-новому, потому что жизнь прекрасна".

"Медный всадник":

интертекст в контексте
культуры XX века.

Александр Пяховицкий
Светлана Махлина

Светлана Махлина - доктор философских наук, профессор, член международной ассоциации критиков искусства (AICA).

Александр Пяховицкий - искусствовед, член международной ассоциации искусствоведов (AIS).

Поэма "Медный всадник" - наиболее загадочное и трудно дешифруемое произведение А. С. Пушкина. Не в последнюю очередь это связано с тем, что "Медный всадник" - сам "транспозиция" (термин Р. Якобсона) скульптурного памятника в поэзию.

Уже при Пушкине творение Фальконе приобрело новое значение и смысл. (Впервые об этом писал Г. С. Кнабе.) Если в период создания и установки памятника в 60-е - 80-е годы XVIII века доминирующими были идеи Просвещения, и памятник воспринимался как символ прогресса и победы человека над природой, то после Французской революции и Отечественной войны 1812 года классицистические принципы искусства стали видоизменяться, претворяясь в ампирных формах. Изменилась "декодировка" памятника. А. С. Пушкин обратил внимание на то, что "гордый конь" занес копыта "над самой бездной". Теперь уже вера в прогресс была поколеблена, и в прочтении памятника доминирует осознание опасностей на историческом пути России.

В октябре 1833 года "кумир на бронзовом коне" вышел за границы монументального искусства и стал героем литературного произведения. Так началась новая эпоха в восприятии памятника, теперь уже связанная с образом, созданным А. С. Пушкиным.

Р. Якобсон писал: "Статуя, стихотворение и вообще любое художественное произведение представляют собой особого рода знак. Стихотворение о статуе является, следовательно, знаком знака или образом образа. В стихотворении о статуе знак (signum) становится темой или обозначаемым объектом (signatum). Преобразование знака в тематический компонент принадлежит к числу излюбленных формальных приемов Пушкина".

В процессе творчества на содержание произведения влияют многие факторы, в том числе биографические обстоятельства. Так например, в цитируемой работе Якобсона указывается: "По странной случайности тема статуи и Екатерины проникла в личную жизнь поэта". Для того, чтобы собрать богатое приданое, без которого мать не хотела давать согласие на брак Пушкина и Натальи Гончаровой, дед ее решил продать в пользу внучки гигантскую медную статую Екатерины (статуя эта была отлита давно, при деде деда). В переписке об этой затянувшейся продаже Пушкин называет статую "медной бабушкой". Р. Якобсон приводит множество свидетельств, которые позволяют ему "очертить биографический фон, на котором оформлялась первая версия пушкинского мифа о губительной статуе".

Помимо биографических обстоятельств, на художественное произведение накладывают отпечаток художественные впечатления, которые освоены и восприняты автором. Для понимания интертекста "Медного всадника" следует отметить, что по мнению многих исследователей стихотворение Мицкевича "Памятник Петра Великого" стимулировало



пушкинское описание монумента. Ссылки Пушкина на Мицкевича в примечаниях к поэме, по мнению С. Бонди, "...имеют в виду серию стихотворений Мицкевича о Петербурге в недавно перед тем вышедшей в свет третьей части его поэмы "Поминки" ("Dziady)". Несмотря на доброжелательный тон упоминания о Мицкевиче, Пушкин в ряде мест описания Петербурга во вступлении (а также отчасти при изображении памятника Петру I) полемизирует с польским поэтом, выразившим в своих стихах резко отрицательное мнение и о Петре I, и о его деятельности, и о Петербурге, и о русских вообще". Р. Якобсон видит в интертексте поэмы Пушкина не только стихи Мицкевича, но и стихотворение Вяземского "Петербург".

Само имя Евгений вызывало у современников Пушкина определенные литературные ассоциации. Начиная с XVIII века, в русской литературе Евгений был личностью отрицательной. Так, в одной из сатир А. Кантемира Евгений - сатирически изображенный молодой дворянин, пользующийся привилегиями предков, но сам при этом не имеющий никаких заслуг. А в сатирическом романе А. Е. Измайлова главный герой Евгений носит фамилию Негодяев. Своим романом "Евгений Онегин" Пушкин как бы реабилитировал это имя, которое на греческом языке обозначает "благородный".

Каждая эпоха имеет свои доминирующие вкусы, школы, направления, в которых динамизируются господствующие представления. Хорошо об этом сказал Осип Мандельштам:

"Благодаря тому, что в России в начале столетия возник новый вкус, такие громады, как Рабле, Шекспир, Расин снялись с места и двинулись к нам в гости. Не раз русское общество переживало минуты гениального чтения в сердце западной литературы. Так Пушкин, и с ним все его поколение, прочитал Шенье, так следующее поколение, поколение Одоевского, прочитало Шеллинга, Гофмана и Новалиса".

И, наконец, в-третьих (вслед за разбором контекста жизненных обстоятельств и художественной среды), - в творческой работе выражены основные концептуальные критерии, художественное кредо.

В "Медном всаднике" важное место занимают две темы. Как пишет об этом Н. В. Измайлов, "Первая из них, которую можно назвать "петровской темой", посвящена - в разных аспектах и разных формах - личности и деятельности Петра Великого. Вторая, условно определяемая нами как "тема (и проблема) ничтожного героя", возникает позднее, около 1830 г., и касается нового, еще не бывалого в русской литературе явления - героев из деклассированных дворян и даже разночинцев и мещан, сменяющих прежних романтических героев".

Отношение к Петру у Пушкина было двояким: с одной стороны - это великий созидатель, но в то же время - беспощадный деспот, который, по словам Пушкина, "презирал человечество, может быть, более, чем Наполеон". В подготовительных текстах "Истории Петра" Пушкин записывает: "Народ почитал Петра антихристом". Это прочтение образа Петра потом нашло отражение в художественной культуре России. Так, Л. Н. Толстой в работе "Совесь Земли русской" писал: "С Петра I начинаются особенно поразительные и особенно близкие и понятные вам ужасы русской истории. Беснующийся, пьяный, сгнивший от сифилиса зверь четверть столетия губит людей, казнит, жжет, закапывает живьем в землю, заточает жену, распутничает, мужеложествует... сам забавляясь рубит головы... ездит с подобиями креста из чубуков в виде детородных членов и подобиями Евангелий - ящичком с водкой... коронует блядь свою и своего любовника, разоряет Россию и казнит сына... и не только не поминают его злодейств, но до сих пор не перестают восхваления доблестей этого чудовища, и нет конца всякого рода памятников ему".

В поэме пять главных эпитетов Петра, как считает А. И. Иванский, "равно относятся к Петру-царю и Петру-статue... эти эпитеты прочерчивают движение царя в историческом времени, то есть образуют текст: "Петр - грозный державец полумира, своей роковой волей чудотворно строит город под морем, становясь властелином судьбы"... Из этого соотношения ясно, что Петр превращается в статую в результате строительства Петербурга".

Темы Петра и Евгения объединены символом новой России - образом Петербурга, получившего легендарный, мифологический фон. Известна, например, официозная легенда, по которой, когда Петр 16 мая 1703 года закладывал первый камень будущего города, над его головой взвился орел. Петербург связан легендами и с Александром I. Вот что пишет Н. В. Измайлов: "Легенды о Петербурге, его основателе и его судьбе, связанные отчасти с впечатлениями от наводнения 1824 года, живут многие годы и десятилетия, принимая разные формы. Смерть Александра I, почти ровно год после наводнения 19 ноября 1824 года, подала повод к новым сопоставлениям с наводнением 10 сентября 1777 года, случившимся за три месяца до его рождения".

В поэме Пушкина Петербург показан в соотношении с Невой. "И Нева, и Петр - союзники в преследовании Евгения, - пишет Иванский. - Причем водная стихия здесь многими понимается как "надменный сосед", назло которому закладывается город ...".

Центральная тема, издавна выделяемая в поэме "Медный всадник" - противопоставление Петра и Евгения. Ин-

терпретируют ее по-разному. С. Бонди, например, пишет: "Противоречие между полным признанием права Петра I, не могущего считаться в своих государственных "великих думах" и делах с интересами отдельного человека, требующего, чтобы с его интересами считались, - это противоречие остается неразрешенным в поэме".

В приведенной работе Романа Якобсона сравниваются три произведения Пушкина - "Каменный гость", "Медный всадник", "Сказка о золотом петушке". Их объединяет общая схема: "После безуспешного бунта человек гибнет в результате вмешательства статуи, которая чудесным образом приходит в движение...". Есть и другие особенности, которые сближают выделенные произведения. Все они написаны в Болдино. "Каменный гость" - в 1830 - в первую болдинскую осень. "Медный всадник" - в 1833 - во вторую болдинскую осень. "Сказка о золотом петушке" - в последнюю болдинскую осень в 1834 году. "И в драме, и в эпической поэме, и в сказке образ ожившей статуи вызывает в сознании противоположный образ омертвевших людей". Все эти три произведения, по замечанию Р. Якобсона, исчерпали тему губительной статуи в разных поэтических жанрах: "Каменный гость" - последняя из оригинальных законченных стихотворных драм Пушкина, "Медный всадник" - последняя его поэма, а "Сказка о золотом петушке" - последняя сказка".

Тема статуи не исчерпывает, впрочем, основного содержания поэмы. Как пишет Елена Силард, Роман Якобсон не заметил в своем исследовании, "насколько важны в поэме "Медный всадник" оппозиции между бронзой и медью. В русском сознании бронза ассоциируется с официальным, в то время как медь предполагает нечто более дешевое и связанное с повседневным бытом. Кроме того, медь намекает на дьявольское".

По убеждению некоторых исследователей, в поэме Пушкина поднимается тема православной веры и язычества. Опираясь на книгу Н. В. Гоголя "Скульптура, живопись и музыка" (1831), Роман Якобсон показывает, что скульптура связана с язычеством, а христианство поэтому относится к ней негативно. Вот почему в одном из первоначальных набросков предок Евгения боролся против Петра на стороне староверов, выступавших против статуй как языческих атрибутов. "Языческие, демонические очертания "Медного всадника" были убедительно выявлены такими разными интерпретаторами поэмы, как Мережковский, Брюсов, Ходасевич и Мирский", писал Р. Якобсон.

Сложность интерпретации поэмы "Медный всадник" не только в ее многозначности, но и в необходимости оценки той политической ситуации, в которой она создавалась. Следует учитывать, что цензурные сокращения, которых потребовал от Пушкина царь, были такого характера, что поначалу поэт даже пытался их выполнить. Более того, предвзялая цензура, Пушкин пытался изменить то, на что Николай I не указывал. Лишь только в процессе правки он понял, что исправления полностью изменят его замысел и оставил мысль о публикации поэмы. Нежелание "испортить" произведение подтверждается тем, что к этому времени Пушкин очень нуждался в средствах и потому был очень заинтересован в "продаже рукописи". Как известно, опубликовал поэму после смерти Пушкина Жуковский, сделав требуемые царем правки. Так, вместо "кумир на бронзовом коне" Жуковский вносит "гигант на бронзовом коне"; вместо "пред горделивым истуканом" - "пред дивным русским великаном".

Но здесь возникает проблема, что считать истинно пушкинским текстом. П. Е. Щеголев в 1923 году напечатал текст повести, представленный Пушкиным на цензуру царю. Но ведь Пушкин, получив от царя поэму, внес в нее свои исправления. Считать ли эти исправления проявлением замысла? Отсюда прочтение и интерпретация поэмы зависят от того, от какого текста отталкиваются интерпретаторы.

Сложность современной интерпретации заключается также в исторической дистанции. На это обратил внимание еще Р. Якобсон: "Мы склонны говорить о легкости, незаметности техники как о характерной особенности Пушкина. И это ошибка перспективы. Для нас стих Пушкина - штамп; отсюда естественный вывод о простоте его. Совсем иное для пушкинских современников". А в техническом отношении поэма Пушкина, по справедливому выражению С. Бонди, - "чудо искусства", где проявляется "удивительная гибкость" и "разнообразие стиля", "музыкальное строение образов" и "прославленная звукопись".

Современное прочтение "Медного всадника" не может не зависеть и от его интерпретации в художественных произведениях и в анализах исследователей. Как писал А. Цейтлин, "От бедного Евгения, от лишившегося дочери стационного зрителя, от героини "Домика в Коломне" берет свои истоки нескончаемая вереница аналогичных образов молодого Достоевского, Некрасова, разночинных беллетристов 60-х годов <...> Безрадостные мысли бедного Евгения из "Медного всадника" будут в дальнейшем углублены переживаниями героев "Невского проспекта", "Княгини Лиговской", "Белых ночей", "Запутанного дела" и многих других произведений русской литературы, содержащих этот образ бедного разночинца". Роман Якобсон, например, видит реминисценции скульптурного мифа "Медного всадника" в драматической поэме "Маркиза Дзэс" и в стихотворении "Памятник" Велимира Хлебникова, в творчестве Александра Блока и Андрея Белого, Владимира Маяковского и Бориса Пастернака.

Кратко перечислим некоторые произведения русской и советской поэзии, в которых отразились темы "Медного всадника". Это стихотворения Александра Блока "Петр" (1904), Максимилиана Волошина "Предвестия" (1905), Валерия Брюсова "К Медному Всаднику" (1906), Владимира Маяковского "Последняя петербургская сказка" (1916), Бориса Пастернака "Петербург" (1917), его же "Вариации (из 2-ой главы - "Подражательная")" (1918), Михаила Кузьмина "Пушкин", Эдуарда Багрицкого "Ленинград" (1922), Валерия Брюсова "Вариации на тему, Медного всадника" (1923), Михаила Светлова "Медный интеллигент".

Любопытный аспект анализа "Медного всадника" выбрал профессор Стэнфордского университета Пауль Дебрецени. В его книге "Social Functions of Literature" (1997) есть глава, которая носит название "Массовая культура и литературная элита". Дебрецени пишет: "Идея, которая произошла из немецкой философии, что поэт, который рождается и развивается через свое собственное искусство, может предсказывать будущее существование своей нации, показана в платоновском эссе "Пушкин - наш товарищ". "Медный всадник", как говорит Платонов, предсказывает, что движение Петра построить нацию и скитания Евгения за человеческим счастьем когда-нибудь будут считаться социализмом. Этот взгляд социализма напоминает одно из Пушкинских лирических произведений 1826 года - "Стансы", в котором он воспевае Николая I за его человечность. В любом случае интересно, что платоновская мысль о Пушкинском ясновидении, проницательности отзывается эхом в советском литературоведении. Например, П. Палиевский доказывал, что сглаживание противоречий, которые показаны в "Медном всаднике", указывает все же на то, что Пушкин инстинктивно чувствовал характерные штрихи своей родины и исторический путь, по которому она пойдет".

В исследовании творчества Пушкина мы видим, как каждый раз новый подход стимулирует выявление новых смыслов. Мы надеемся, что даже при беглом обзоре, которым, к нашему сожалению, нам пришлось ограничиться, мы сумели показать, как расширяется и углубляется содержание произведения при сведении нескольких аспектов и рассмотрении его как интертекста.

Два юбилея

Светлана Арро



Прошлым летом мне удалось начать давно задуманное дело реставрации заброшенных могил пушкинских друзей и знакомцев на русском кладбище в Висбадене.

Конечно, подлинных пушкинских следов в Висбадене нет и быть не может. Как известно, в Германии Пушкин не был, как и нигде за границей. Мне довелось читать толстый том, названный "Итальянская Пушкиниана" (авторы И. Бочаров и Ю. Глушакова) о находящихся в Италии в частных архивах пушкинских документах, о живущих или живших в Италии людях, связанных с Пушкиным какими-либо узами. Вот в этом-то смысле я и говорю о пушкинских "следах". С легкой руки одного из критиков-пушкинистов, живущих сейчас в Америке, Пушкина стали называть "невъездным". За границу его не пускали, как он ни стремился. Но пушкинский "след" в Висбадене все же есть.

Волей случая и судьбы младшая дочь Пушкина Наталья, выйдя замуж за принца Николауса Нассау, брата правящего герцога рейнского герцогства Гессен, и получив морганатическое имя графини Меренберг, прожила в Германии, в Висбадене, около 50 лет. Здесь Наталья Александровна и похоронена. Благодаря ей существует целая ветвь пушкинских потомков, расчленившаяся на английское, швейцарское и немецкое ответвления. С Висбаденом связана также судьба пушкинских писем к жене и невесте, лишь недавно переданных в Пушкинский Дом.

Нас, живущих сейчас в Германии, не может оставить равнодушными такой поворот посмертной пушкинской судьбы - Пушкин и Германия. Общая роль народных кумиров и, как сегодня говорят, культовых фигур России и Германии соединила имена Пушкина и Гете, добавив еще и совпадение их во времени, хронологическую взаимосвязь их юбилеев.

В 1937 году, в столетие со дня смерти Пушкина, впервые отмеченное в Европе, Томас Манн обозначил это сопоставление, назвав Пушкина художником "истинно народным, как Гете..." Однако, Пушкин, это "колоссальное явление", "русский пароль", едва известен широкой публике в Германии, во всяком случае, известен несравненно меньше, чем Достоевский и Лев Толстой. С целью заполнить эту нишу университетский профессор и переводчик Рольф-Дитрих Кайль 12 лет назад создал Пушкинское общество Германии.

Профессор Кайль познакомился с творчеством Пушкина в необычных условиях, далеких от поэзии - в русском плену. Лагерное начальство получило распоряжение начальства вышестоящего в пропагандистских целях отметить среди немецкого "контингента" юбилей Гете. Это был 1949 год, естественно, как и недавно, год двойного юбилея, и бывшему студенту и переводчику неожиданно поручили прочесть доклад о Пушкине и Гете. В это же время в России началась кампания против "безродных космополитов", яростная травля ученых и людей искусства, не ограничивающих свои искания государственными границами и потому обвиненных в низкопоклонстве перед Западом. Но не стоит думать, что правая рука не знала, что делает левая. Юбилейные игры

для немецких военнопленных - это обычная лицемерная ложь, рассчитанная на "Запад" пропагандистская "показуха".

Доставили несколько книг. Библиотека Гулага, собранная из реквизиций и изъятий - какие трагедии стоят за этим! Может быть, эти книги были свежим уловом из библиотек ученых-космополитов? Ведь именно в 1949 году был арестован и вскоре погиб в Лефортовской тюрьме крупнейший пушкинист, руководитель Пушкинского семинара Григорий Гуковский.

З/к Кайль справился с задачей. И никакие навязанные обстоятельства не смогли помешать возникшей тогда любви к русской поэзии. Так родилась эта безумная, казалось бы, для военнопленного мечта перевести на немецкий язык поэму "Евгений Онегин". Эта блестящая работа, растянувшаяся на два десятилетия, знакома русскому читателю по опубликованному в Москве параллельному переводу.

Гете было 50, когда родился Пушкин. В январе 1815 года, когда его впервые "заметили", (и проснулся дремавший на экзамене Державин), Гете было уже 66, и Пушкин назвал его вскоре "патриархом" литературы. Именно в этом 1815 году, путешествуя по Рейну, Гете с удовольствием флиртует по главной улице Висбадена, восхищаясь удобным и приятным курортным городом.

В Висбадене Гете писал свою поэтическую книгу "Западно-восточный диван". Пушкинские "Воспоминания в Царском Селе" тоже близко коснулись Запада и Востока, точнее, войны, которая только что пронеслась по России и Европе. Уже в этом раннем лицейском стихотворении, еще скованном стилистикой "высокого штиля", рождается пушкинский историзм и трактовка роли России как счита между Западом и Востоком. "На призыв Петра I к Руси "образовываться", она ответила колоссальным явлением Пушкина", - это определение Герцена тоже балансирует на весах "Россия" и "Европа", "Восток" и "Запад". Ни разу не встретившись, Пушкин и Гете были полны взаимного интереса друг к другу.

Один из первых пушкинистов Петр Бартенев полтора века назад записал рассказ друга Пушкина Павла Нащокина и его жены об удивительном подарке. "Великий Гете, разговаривавший с одним путешественником о России и слыша о Пушкине, сказал: "Передайте моему собрату мое перо". Пером этим он только что писал. Гусиное перо великого поэта было доставлено Пушкину. Он сделал для него красный сафьяновый футляр, на котором было написано: "Перо Гете", и подарил им".

Путешественником, разговаривавшим с Гете, был В. А. Жуковский, который в 1827 году вместе с художником Рейтерном посетил Веймар. О подарке Гете знали и другие современники. Письмо известной пианистки Марии Шимановской из Петербурга веймарскому канцлеру как будто бы убедительно доказывает, что именно Жуковский привез Пушкину перо, которым писал Гете. В том же письме Шимановская добавляет: "Мицкевич отдал бы половину своей жизни, чтобы получить подобное." Исчезновение пера Гете во время революционных погромов дворцов и музеев еще не делает эту историю легендой, хотя элемент недоказанности в ней существует.

Нельзя не сказать о чисто человеческой стороне, может быть, начального интереса Пушкина к литературе немецкой. Дома, еще до Лицея, он был невольно ориентирован на французскую литературу и знал ее. В Лицее же лучшими друзьями Пушкина оказались Дельвиг и Кюхельбекер, немцы по происхождению. Антон Дельвиг, сын обрусевшего немецкого барона, совсем не знал немецкого языка. Пушкина и Дельвига приобщил к немецкой литературе Кюхельбекер, который был, по словам Пушкина, ее "вдохновенным комментарием". В результате Дельвиг явился еще одним связующим звеном между Пушкиным и Гете. В 1827 году Дель-

виг заказал Оресту Кипренскому портрет Пушкина, тот самый, который считается лучшим и самым значительным его портретом. Незадолго до того Кипренский вернулся из Италии, его слава портретиста была в зените. До этого он создал в Мариенбаде карандашный портрет Гете, который через два года был литографирован.

Кипренский выполнил просьбу Дельвига. Осенью этот портрет был мастерски гравирован художником Уткиным и вскоре напечатан в альманахе Дельвига "Северные цветы".

Еще во время ссылки в Михайловское на полях рукописей Пушкина появились профили Гете и Шиллера. Великие немецкие поэты сыграли особую роль не только в его творчестве, но и в повороте жизненной ситуации. Они оказались "причастны" к ссылке в Михайловское, изолировавшей его от литературного и дружеского окружения. Известно, что главным обвинением Пушкину в одесский период явилось безбожие, говоря языком того времени, "афеизм". ("Говорят, что я афей...") Агенты жандармского корпуса вскрыли письмо Пушкина Кюхельбекеру, в котором нашли рассуждения о Гете и Шиллере и их обоих, в жандармском понимании, безбожии. Сам Пушкин считал перлюстрацию писем прямой причиной ссылки и, говоря о себе в третьем лице в литературном отрывке, названном "Воображаемый разговор с Александром I", вновь подтвердил, что "Святой дух иногда ему по сердцу, но он предпочитает Гете и Шекспира".

Интересен еще один штрих к теме "Пушкин и Германия", может быть, еще недостаточно акцентированный. "Потомок негра безобразный", как Пушкин сказал о себе (в письме жене: "азиатское мое безобразие"), был по крови не только русским и абиссинцем, но и немцем. Второй женой его прадеда Ганнибала стала в бытность его в Ревеле (Таллинне) Христина-Регина фон Шеберх. Она и "родила ему множество черных детей обоего пола". Дед Пушкина Осип Абрамович был четвертым ребенком Абрама (Ибрагима) Ганнибала и Христины-Регины, которая, соответственно, была его прабабкой. В основе повести Пушкина "Арап Петра Великого" к тому же лежит так называемая "немецкая биография" Ганнибала, написанная его зятем, мужем младшей дочери, немцем Адамом Роткирхом в 1780 году. В ней, по словам Набокова, было "много вздора", принятого иногда Пушкиным на веру, но в существовании "абиссинской рукописи", предшествующей немецкой, Набоков не сомневался.

Капля немецкой крови - всего лишь факт. Пушкин, все-речь относившийся к своей родословной, включавшей африканские корни ("Под небом Африки моей...") никогда не говорил о "своей" Германии. А над немецким романтизмом, кстати, добродушно посмеивался, обозначив его в образной формуле "...Всегда взволнованная речь И кудри черные до плеч". В пушкинский юбилей 1937 года, первый юбилей, широко отмеченный русской эмиграцией, Марина Цветаева написала свое замечательное эссе "Мой Пушкин". За два года до вступления немцев в Париж она писала: "Памятник Пушкина есть живое доказательство низости и мертвости расовой теории. Пушкин есть факт, опрокидывающий теорию. Расизм опрокинут в самую минуту его рождения. Нет... раньше. В неизвестный нам день и час, когда Петр впервые остановил на абиссинском мальчике Ибрагиме черный, светлый, веселый и страшный взгляд. Этот взгляд был приказ Пушкину БыТЬ."

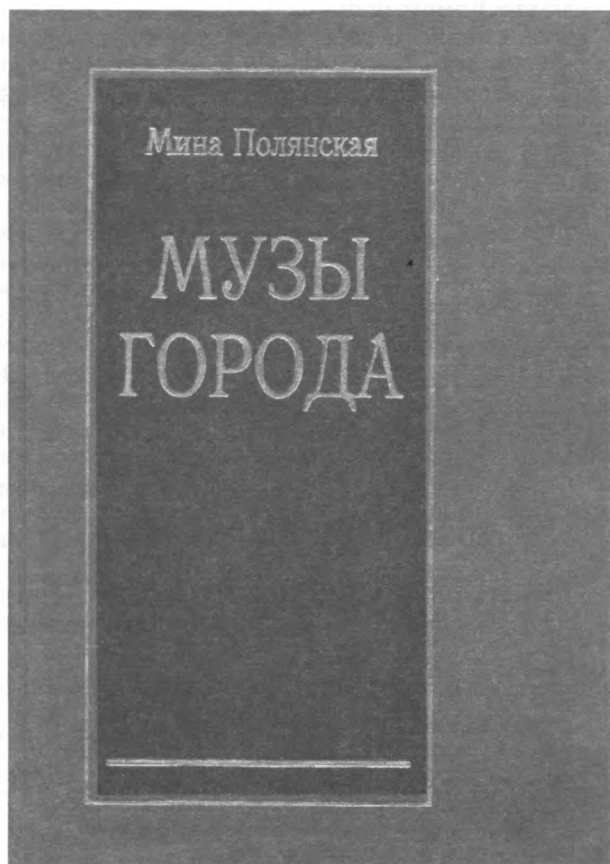
Так ли уж случайны даты рождения двух гениев? Не питая пристрастия к мистике, не могу отделаться от магии этих чисел: 1749 - год рождения Гете, 1799 - год рождения Пушкина. Оба родились накануне - полувека и века. Гете: золотое сечение, соразмерность, гармония. И все же на один градус, но сдвиг от центра симметрии. Пушкин: грань времени, конец и начало одновременно, начало будущего.

К Н И Ж Н Ы Й М А Г А З И Н

РАДУГА

S-Bhf.: Unter den Linden
 Bus 348: Behrenstrasse
 U-Bhf.: Mohrenstrasse

Tel.: 030/ 22 65 19 24; Fax.: 030/22 65 19 16
 Wilhelmstr. 89 10117 Berlin-Mitte



МУЗЫ ГОРДА

Мина Полянская

“Зеркало Загадок” при издательстве SupportEdition,
 Берлин 2000

В Берлине вышла книга литературного редактора “Зеркала Загадок” Мины Полянской “МУЗЫ ГОРОДА”.

Сборник очерков, посвящен творческой литературной среде Берлина и русским и немецким писателям, связавшим свое творчество с этим городом. Книга оформлена рисунками Ольги Юргенс. „Музы города“ можно приобрести в Берлине в книжном магазине „Радуга“, а также в редакции журнала „Зеркало Загадок“.

№ 4
1-й год изд.

НАКАНУНЕ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

Под редакцией Ю. В. Ключникова и Г. Д. Мирдцова

Четверг
30 марта 1922

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

Под редакцией Ю. В. Ключникова и Г. Л. Кирдецова
При ближайшем участии С. С. Луньянова, Б. В. Дюшен и Ю. Н. Потехина

Адрес Редакции и Главной Конторы: BERLIN SW 10, Bouthstr. 8.
Tel. Zentrum 765-768, 770. Telegrammadr.: „Nakanuna Berlin“.

Принимать по делам Редакции от 2 до 4 ч.

„Nakanune“

Russische Tageszeitung
Quotidien russe

Объемы работ при вилот Стрелка попарно 4 марки. При повторных
объемных — скидки. Для других стрел — цена по особому тарифу.

ЦЕНА 1 марка
PREIS 1 Mark

[illegible]

Почему в Берлине воробьи не чирикают.

Почему в Берлине воробьи
 не чирикают,
Почему не каркает ворон с пня?
Друг мой, хороший, посмотри-ка,
На безворобьиного, на меня.

Посмотри на меня, я такой
 сиротеющий,
Без кинжала, без шапки, без храпа
 коня.

Это я угонялся за вражьей шеей,
Чтоб арканом ее обнять.

А теперь тот же я, непокорным
 смиреньем
Полюбил чвики сереньких, черного
 карк.
Ведь и железо после белого калянья
Нежит отсветом синий нагар.

Так недавно мне все по другому
казалось,
И Москва, так недавно была не моей...
Друг мой, здесь брюхи заплыли салом,
А в России мой брат людоед.

Здесь, чтоб запеть медноперой птице
Нажимается только рычаг.
А я вот, никак не мог опьяниться
Неслыханной песней сгоряча.

Да и разве пьянеет когда-нибудь
пробочник?
Пусть я оттуда, где солнце - сыпняк,
Но у нас так радостно чирикают
воробушки,
И так жутко каркает ворон с пня.

Александр Кусиков
Берлин, 5.3.1922 г.

Стружки

Петр Великий в свое время посылал молодых людей учиться у Европы. Нынешние эмигранты российские, как оказывается, напротив того, - призваны научить Европу, как надо жить на свете.

Об этом свидетельствует в газ. "Время" г. Баян:
"Эмигрантская Россия, что парниковый ананас, спеет не по дням, а по часам... Если бы всю русскую эмиграцию собрать в один город, обеспечив ей минимальный достаток. -

город этот оказался бы пожалуй культурнее Парижа и Берлина. (!)"

Но "обеспечить эмиграцию" и проделать опыт сравнения с Парижем - никто не собирается, и г. Баян показывает исключительные достоинства эмиграции на примере существующих рассадников культуры:

"Одних лишь политических органов во всех частях света на русском языке основалось 104... Удельный вес эмигрантских органов прессы не уступает весу старых русских изданий, а даровитость их сотрудников представляется мне даже выше (!) Исчезли Меньшиковы, Розановы, Дорошевичи, но явилась фаланга искристых юных дарований, обожженных в огне страдания, как дорогой фарфор. Тоска по родине вызвала пафос любви к ней, лиризм воспоминаний умирающего лебедя. Эмигрантская публицистика стала художественной, трогательной, как песнь этого лебедя."

Там, где есть лебеди, - должны быть и верблюды, - справедливо полагает г. Баян. "Возле разбойников завсегда пустынные бывают. Так смешнее" - говорила героиня еще у Островского: В эмиграции -

"- русский талант пересаживается, как породистая яблонька, набирает запас вдохновения, как верблюд воды. Сотни и тысячи таких верблюдов бредут теперь по Сахаре чужбины и у всех еще налицо запас вдохновения."

Но недаром старая частушка уверяла: "В моей милке шесть пудов, не боится верблюдов". Только что успел г. Баян мобилизовать своих верблюдов для доказательства гениальности эмиграции ("В Берлине и в Париже, в Праге и в Нью-Йорке, всюду, куда брызнуло Россией - брызнуло живой водой"), как в том же номере газ. "Время", бок о бок с г. Баяном некий г. Влад. Фехтнер взял да и заявил:

"Без родины, без цели и занятия, одинокие и ненужные бродят по всему миру русские беженцы. И близок уже день, когда наше хныканье и попрошайничанье надоест Европе и она скажет: "Зачем вам, господа, вообще жить?" Действительно, зачем нам жить? Вертимся как белка в колесе, топчемся на месте и, как четыре года назад, так и теперь, питаем надежду, что вот гляди и мы триумфально двинемся туда, домой: Ни на йоту мы не поумнели, ничему не выучились".

Так и бредут по картинному выражению г. Баяна "сотни и тысячи верблюдов", у которых "налицо запас вдохновения".

"Камо грядеши", вдохновенный верблюд эмиграции российской?

W

Чеколюб (басня)

Какой-то журналист, на "Руль" точивший
зуб

(Он на язык немного был неистов),
Серьезно уверял знакомых журналистов,

стр. 24



R U L

Preis 50 Pfennig

Подписчики из Берлина и Бергштрассе, ст. доставкою собственными размышлениями ежедневно на дом — 10 марок в месяц, при еженедельной непосредственной высылке бюллетеня — 12 мар. в месяц. Для военнопленных подписчиков в конторах „Рул“ за 1 мар. 5 мар.

Содержание: 3 мар. 30 пфен. за статью, компарии, спрос и предложение труда — 2 мар. за статью. Приказ об эвакуации и подписка в „Ullstein“, Berlin NW 60, Kischau, 12-36, и по почте городскому отделению Ullstein, в также и в редакцию газеты „Рул“, Berlin NW 60, Markgrafenviertel 75.

ВЫХОДИТ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ БЕРЛИНЪ

Редакция открыта ежедневно от 11 часовъ дня до 3-хъ часовъ веч. Редакторъ принимаетъ до понедельника, среда и пятница отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ дня. М М М М

Въ случае забастовки или другихъ чрезвычайныхъ, отъ редакции возмещаются, обстоятельства, позволяющие впереди рассчитывать на возможные убытки до 10 мар. 10 пфен.

При ближайшемъ участии Л. В. Гессена, проф. А. И. Мачински и В. Д. Набокова.

Чека в Берлине

Советские учреждения за границей, забившие на столбах своих органов тревогу о беззащитном положении русских граждан в иностранных государствах и требующие представления им монополии охраны прав русских за границей, уже приступили к своей охранительной деятельности. В частности берлинское советское представительство уже начало прием заявлений от лиц, желающих получить советские паспорта.

Любопытны условия, которые ставятся каждому желающему получить советский паспорт. Каждый обращающийся в советское "консульство" в Берлине должен прежде всего выполнить особый "опросный лист" — заявление для желающих получить паспорт". Вопросы, которые ставятся каждому, рискующему обратиться в берлинское советское консульство, живо напоминают анкеты заполнения, которые большевики не устают требовать от своих служащих в Советской России.

Вслед за обычными вопросами о фамилии, имени, отчестве, времени рождения и семейном положении, следует требование:

— Перечислить членов семьи и близких, родных, живущих на вашем иждивении с указанием точного их адреса <...> Затем следует вопрос, который должен установить буржуазное или "рабочекрестьянское" происхождение просителя <...>

И, наконец, целая серия чисто чекистских провокационных вопросов:

— Когда и как уехали за границу и почему? — Указать точно, чем занимались и в качестве кого: а) до 1905 года, б) с 1905 г. до марта 1917 г., в) с марта 1917 г. до октябрьской революции, г) после октябрьской революции до настоящего времени? <...> Такова большевистская "охрана прав" русских граждан за границей.

Полевевший

Не так давно и я был глуп
И поступал весьма нелепо —
Мечтал о гибели совдепа,
И на че-ка готовил зуб.

*

От красных нищим убежав,
Молол я "бредни" о бандите,
И — под защитой прочных прав,
Кричал Европе: Помогите...

*

От белых армий ждал чудес,
Желал удачи генералам
И жег сердца людей сигналом
Я — как Андреев — S.O.S.!!..

*

За компромиссы не щадил,
Затем что сам был камня тверже
И рот презрительно кривил
При разговорах о Ллойд Джордже.

*

Но — слава Богу — этих дел
Уже не ведаю я ныне:
Проживши целый год в Берлине
Я в сильной мере полевел.

*

Поняв, что белым не вернуть
Меня ни к деньгам, ни к каратам
Я перешел на новый путь,
Себя причислив к демократам.

*

Белогвардейским господам
Ярлык приклеив черной сотни,
Живу я птички беззаботней,
Завоевав Курфюрстендам.

*

И вновь на пальце солитер,
А у жены кулон на шее, —
(По убеждениям я эсер
И даже несколько левее).

*

Уже давно, не помня зла,
Простил я варварам свирепым
И, образумившись, с совдепом
Веду торговые дела.

*

Оно, конечно, спору нет
Совдепом дом мой обесчещен,
Но ведь давно простыл уж след
Коммунистических затрешин...

*

И счастлив я своей судьбой,
Живу, работаю, толстею,
Зову, поужинав, на бой
И все левею, да левею...

Лерк

Очередной скандал

Как нам сообщают, на днях г. Есенин и Айседора Дункан произвели в одном из пансионатов на Уландштрассе шумный скандал. Особенно бурным было "выступление" г-жи Дункан, чуть ли не побившей хозяйку пансиона.

В поезде

Я выехал давно, и вечер не родной
рдел над равниною не русской,
и стихословили колеса подо мной,
и я уснул на лавке узкой.

Что Гессен стал ужасный чеколюб.
- Как? Любит он Ч.К?
- Нет, чеки из Внешторга,
Как результат расчетливого торга.

Мораль сей басни так проста:
Хоть разные чеки случаются на свете,
Но лучшая чека, пожалуй, та,
Что на Ульштейновской карете.

Чох.

Два мира

Из Москвы в Берлин прилетели дорогие гости: знаменитая Айседора Дункан и Сергей Александрович Есенин, одна из самых ярких звезд русской поэзии.

Их встреча с массовой русской эмиграцией произошла в "Доме Искусств".

Увы, - она запечатлелась скандалом, устроенным по сигналу хроникера из "Руля".

Хроникер с его единомышленниками усиленно шикали, когда часть публики решила приветствовать гостей пением Интернационала, и гости приняли оживленное участие в исполнении пролетарского русского гимна.

Лицом к лицу, как на очной ставке, столкнулись два полюса, два мироощущения, два мира.

Широко открытыми недоумевающими и негодующими глазами смотрела гениальная артистка на непонятное зрелище, развернувшееся перед ней, и горячо вступился за революционную Россию ее вдохновенный певец, любимый и верный сын. <...>

Как странно, как трагично, что иностранка, знающая не больше десятка русских слов, видевшая Россию так недолго, - несравненно глубже и проникновенней понимает гигантский сдвиг русской психологии, чем "третья Россия", пребывающая на топких Вавилонских берегах эмиграции.

Но мы знаем, что истинную Русь, опаленную, вздыбленную, порвавшую вековые железные удила, ставшую новым светочем мира, способен выразить титанический взлет Есенина, а не презренное улюлюканье эмигрантского репортера.

Посторонний

В Доме искусств

Был в Берлине Дом искусств - благонамереннейшее учреждение. Всячески: и литературно, и политически, и гастрономически. Послушав речи писателей в Дому, Гейне сказал бы свое: "Все суп да суп и никогда жаркое. И клецки в супе тоже никогда". Роль этих клецок в гастрономическом вареве Дома Искусств играли Эренбург и Белый - однако, и они очень часто теряли здесь относительную свою плотность, растекаясь по ритмическим, вещным и антропософическим тонкостям, и растворяя берега свои в исконной стихии Минского - в абсолютной текучести. Когда литературная Москва задумала несколько поперчить берлинское варевое, они кинули в него - большой лавровый лист, Ремизова, и имажинистскую перчинку, Кусикова. Однако, лавры в Берлине пришлось не ко двору, а перчинка так и осталась непроваренной. Горькая, жалкая и - сама по себе...

Был в Берлине Дом Искусств и - оканчивается. Вы знаете то приятное расположение духа, с каким хозяева провожа-

НАКАНУНЕ

ПОДПИСНАЯ ТАБЛЕТКА
По имени М. В. ЕРШОВА, Г. А. НИКОЛАЕВА
При подписании учтите: С. С. ЛУКОВИЧ, А. В. ДУДКИН, А. М. В. ВОЛКОВ

ЧТОБЫ
30 марта 1920

ют в переднюю скучноватых гостей? Именно с такою приятностью собрались в минувшую пятницу привычные сотрапезники. Вечер отходил. Ал. Толстой дочитывал превосходные свои воспоминания о Гумилеве. В них хорошие - приподнятость и отрешенность от привычных мерил, юмор, глаз художника - глядящего на художника же. И вдруг - аплодисменты. Минский - восставший против себя самого - радостно возвестил: - пришел Есенин.

Хотя следовало сказать - прилетел. Ибо на юношески-дерзком лице и в растрепанных ветром кудрях нескрываясь сквозило выражение:

- Вы ходите, а я, вот, летаю. Хотя бы на аэроплане. Вам - не все равно, а мне все равно на чем. Только бы летать.

Температура варева поднялась мгновенно, заходил по залу Минский, уплотнился Эренбург, засияли лица издателей - одного толстого и белокурого и одного черного и худого. Чернотенный фон Дома почернел еще пуще и надулся - так надуваются отсыревшие за зиму обои. И еще раз кинулся к дверям Минский - вошла Айседора Дункан, вошла, улыбнулась и села. Волоокая, спокойная, такая чужая здесь - в этих клубах эмигрантского дыма.

- Интернационал - крикнул кто-то.

- Интернационал - сгрудился около Дункан белокурый Есенин, черный и худой из-

датель, перечно-ароматный Кусиков и группа сочувственников. А в ответ - свистки. В ответ - раздраженные лица. Благонамеренность отправилась свидетельствовать вешалки и пути отступления. Остроумнейший из наличных жрецов благонамеренности напомнил об участке - и только Минский приветливо смеялся, с выражением доброго старого кота, которого щекочат за ухом.

Группа вдохновенно профальшивила интернационал - можно быть добрым революционером и поэтом, но не обладать слухом. Свистки нарастали - и кто-то тупой и мрачный стал наступать на Кусикова, предлагая ему единоборство. И тут только проявилось, каким европейцем может быть наш пылкий черкесский поэт. Он не протянул руки вперед, спрятал их за спину. И мрачно - отчетливо промолвил:

- Убери руки, - застрелю, как щенка. Есенин вскочил на стол и стал читать. Что - прочтете на днях. Я не хочу рассказывать. На исконную русскую тему - о скитальческой, озорной душе. И свистки смолкли. Оправдан был вызов поэта, брошенный свистунам.

- Все равно - не пересвистите. Как засуну четыре пальца в рот и свистну - тут вам и конец. Лучше нас никто свистеть не умеет.

Старый Хроникер



рис. Ольги Юргенс

Мне снились дачные вокзалы, смех, весна,
и, окруженный тряской бездной,
очнулся я, привстал, и ночь была душна,
и замедлялся ямб железный...

По занавеске свет, как призрак проходил...
Внимая трепету и тренью
Смолкающих колес, я раму опустил:
пахнуло сыростью, сиренью!

Была передо мной вся молодость моя:
плетень, рябина подле клена,
чернеющий навес и мокрая скамья,
и станционная икона.

И это длилось миг... Блестя, поплыли прочь
скамья, кусты, фонарь смиренный...
Вот хлынула опять чудовищная ночь,
и мчусь я крошечный и пленный.

Дорога черная, без цели, без конца,
толчки глухие, вздох и выдох,

и жалоба колес, как повесть беглеца
о прежних тюрьмах и обидах.

Владимир Сирин

Вести из Константинополя

Бьют...

Бить советских представителей стало какой-то модой в Константинополе. Дня не проходит, чтобы не услышать о новых избиениях кого-либо из господ советских делегатов. Бьют их преимущественно в публичных местах: в ресторанах, кафе и кинематографах. Их бьют все: бьют офицеры, бьют просто беженцы, бьют даже дамы. В одном из ресторанов русская дама - жена английского офицера запустила в большевиков бутылкой с лимонадом, когда они нагло потребовали от оркестра исполнения "Интернационала". После всех этих избиений члены большевистской делегации переменяют ресторан за рестораном, но нигде не могут уйти от избиения благодаря своему наглому и вызывающему поведению. Дело дошло до того, что заместитель уехавшего Бронислава Кудиша, Аугенблик, должен был перекочевать в Стамбул, где и обедал в турецких ресторанах, переменяя их каждый день. Но и там он не избежал избиения: какой-то турецкий офицер, бывший в плену на Волге и узнавший там большевиков, в Стамбуле устроил мордобитие Аугенблику.

Советский автомобиль № 35-37 с кузовом ярко-зеленого цвета и с алюминиевой крышкой радиатора - хорошо теперь известен Константинополю. Всех особенно злит эта алюминиевая крышка, которую принимают за серебряную.

С таким автомобилем не скроешься, он у всех на виду. И когда беженцы узнали, что советские делегаты каждый вечер ездят на Рамазан, турецкое гуляние в Стамбуле, на их автомобиль была устроена засада. Автомобиль наскочил на баррикаду из камней и сломался, а большевики еле спаслись от побоев толпы в переулке.

"Дом артиста"

1-го декабря в небольшом помещении при Theater des Westens, где прежде ютился "Шалаш", открылся "Дом артиста" - русский театр-кабарэ.

Судя по первому спектаклю, новое кабаре - первое настоящее художественное начинание из существовавших за последнее время в Берлине русских предприятий, смело могущее конкурировать с немецкими театрами этого рода, которые, кстати сказать, стоят далеко не на высоте и лишь немногие из них не пользуются услугами русского актера. Поэтому хочется подойти к возникшему "Дому артиста" не с обычной "соотечественной" оценкой, а отнести к нему также серьезно, как к любому из немецких театров, с требованиями, которые выставляет зритель, привыкший к театрам Петрограда или Москвы.

В среде той части петроградской интеллигенции, которая еще сохранила способность рассуждать и интересоваться окружающим - после "мира на фронтах", образовались две группы. Одни поникли головой и совершенно перестали надеяться на избавление, другие наоборот доказывали, что только в условиях мирной обстановки советский строй обречен на скорую гибель. Это деление на "интервенционистов" и "антиинтервенционистов" несколько не связано с какими-либо партийными делениями и группировками и не имеет того принципиального характера, как в среде русской эмиграции. Вообще партийные деления и партийные антагонизмы, все это, в общем и целом отошло в область преданий - есть только одна партия - "униженных и оскорбленных" - которая объединена ненавистью различной степени (смотря по темпераменту!) к советскому режиму. Об отдельных партийных непримиренцах говорить не стоит - это действительно единицы. К началу нового года число сторонников "теории мирного крушения" стало заметно увеличиваться - и не только оттого, что

жить в советской России и не верить в избавление невозможно - иначе умрешь от ужасного тюремно-казарменного сумасшествия. Картина постепенно развертывавшейся экономической катастрофы становилась все ясней и определенней.



рис. Ольги Юргенс

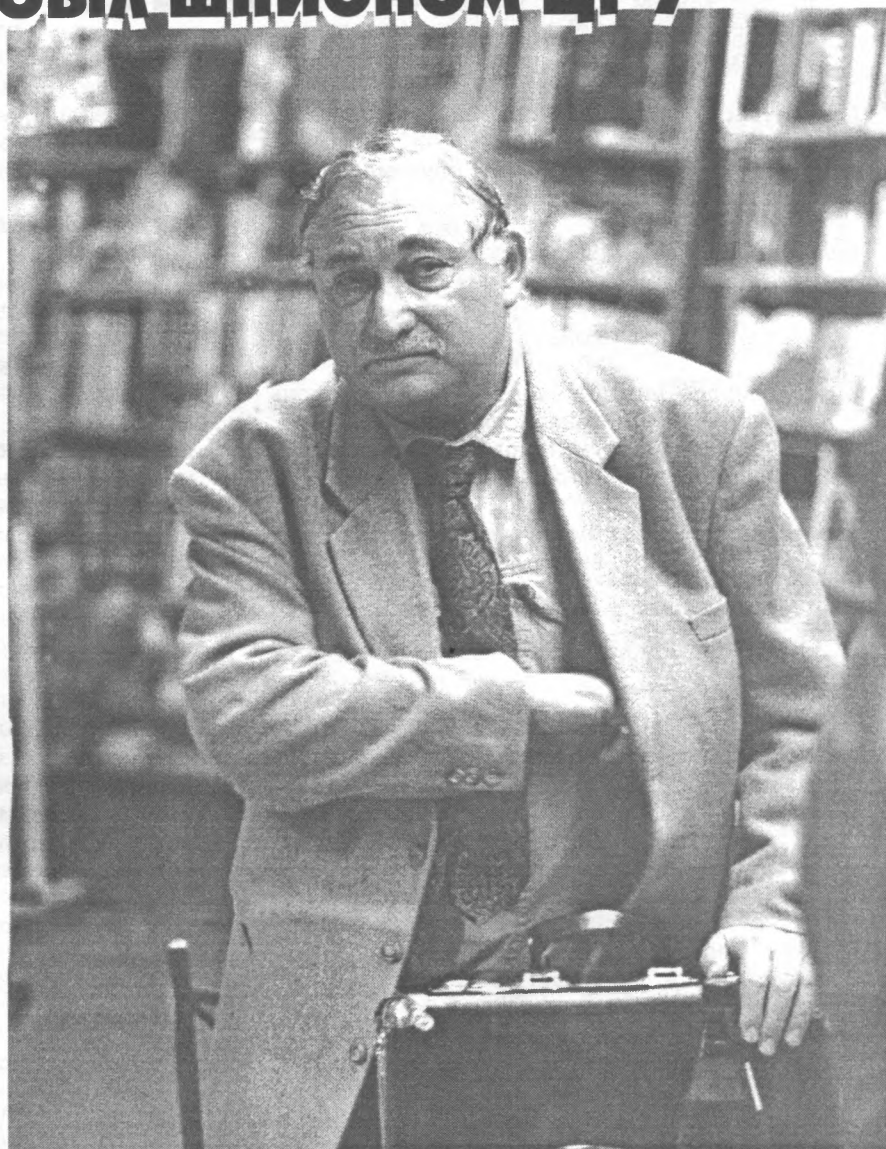
Как я был шпионом ЦРУ

Венские эпистолии

**Фридрих
Горенштейн**

Фридрих Горенштейн - писатель и киносценарист, автор романов "Место", "Псалом", "Искушение", повестей "Зима 53-го года" и "Последнее лето на Волге", пьес "Бердичев", "Споры о Достоевском", киносценариев к фильмам "Солярис" (реж. А. Тарковский), "Раба любви" (реж. Н. Михалков) и многих других произведений. Сегодня в России пьесы Горенштейна ставятся в крупнейших театрах страны. Практически все произведения писателя переведены на немецкий язык.

фото: © Morgenstern



Маленькое, но необходимое вступление. Начну с цитаты из книги Леонида Баткина "Итальянские гуманисты. Стил жизни, стил мышления": "Вещи, несовместимые с поздней точки зрения - риторические фигуры и подлинные чувства, античные реминисценции и свежесть, серьезность и игра, демонстрация эрудиции и суверенные мысли, публичность и интимность в гуманистической переписке были совмещены. Поэтому их эпистолии - письма и литература. Они писались для друзей и для вечности. Стилизация жизни и сама жизнь совпадали."

Не знаю, с какой такой поздней точки зрения все это несовместимо. Герцен писал подобные эпистолии из Парижа уже не в XVI, а в XIX веке, а я, как известно, большой любитель подражания великим и знаменитым, попробую так поступить в конце XX века. Конечно, Герцен писал из Парижа по горячим следам, я же из Вены - с опозданием на 18 лет, то есть письма из прошлого, но зато из того прошлого, которому уже известно будущее.

I

"Кто не умеет пользоваться унитазами, просьба спрашивать у сотрудников отеля. Матери обязаны следить за детьми! На тех, кто не будет соблюдать чистоты, мы вынуждены

направлять штраф и жаловаться в ХИАС (еврейская благотворительная организация - Ф. Г.). Не допускайте, чтобы ваша новая жизнь начиналась с неприятностей." Это - Австрия, Вена, осень 1980-го года. Вена, Wien, "Kling, kling, goldenes Wien", "Meine Mutter war Wienerin. Das ist mein Wien, die Stadt der Lieder. Wien, die Stadt der Lieder am schönen blauen Donauström." Немецкие патриотические песни.

Есть и русская победная патриотическая песня сороковых годов. "Бил я немцев на улицах Вены. В ней дворцы и сады хороши. Только Вена, скажу откровенно, дорога не для русской души." В той же песне и о других городах сказано в том же духе. "Бухарест - неплохой городок, но, признаться вам, братцы, по чести - мне милее родимый Торжок." Или: "Батальон наш стоял в Будапеште, он на мутном Дунае лежит, как мне вспомнится Матушка-Волга, так слеза на глаза набегит." И т. д.

Кто не испытывал патриотических восторгов в победном 45-м году? Однако, уже гораздо ранее 1980 года у меня лично патриотическое возбуждение миновало, и я бы тот патриотизм сдал, если б мог, как старую галошу, в утильсырьё за самое малое вознаграждение.

В древние времена в бывшем городе Бердичеве были чудные старики-старьевщики. Ныне город Бердичев надо было бы переименовать, например, в Гладкое Место, ибо он

теперь напоминает гладкое место гоголевского ассессора Ковалева из повести "Нос". Он, коллежский ассессор Ковалев, хотел взглянуть на прыщик, который вчерашнего вечера вскочил у него на носу, но, к величайшему изумлению, увидел, что у него вместо носа совершенно гладкое место. Так и бывший Бердичев без еврейских носов. Они столь перманентно нелюбимы были "коренными" Ганзями и Остапами, что Иван Кавун и прочие атаманы городской рады вели сделать городу пластическую операцию, чтоб изменить его внешний облик, еще при "москалях", которые национальным проявлениям в этом направлении никогда не препятствовали.

Снесли старинную водонапорную башню, красавицу из серого кирпича. Как и Храм Спасителя в Москве, она препятствовала движению автотранспорта в центре города, - так сказали. Крупному движению автотранспорта в городе Бердичеве препятствовала. А ведь та красавица-башня не случайно была построена более чем сто лет назад. Я читал в прессе, что теперь, когда вместе с самостийностью пришли энергетический голод и капиталистическая экономия свободного рынка, так, что насосами не слишком покачаешь, вода во многие городские районы подается по два-три часа в сутки. Что ж, на здоровье.

Уничтожили также и бульвары, тянувшиеся от вокзала к центру, вырубili старые каштаны, разрушили старые дома с их архитектурой барокко и рококо, поставили прямоугольные стекляшки. Такие дома барокко и рококо с ажурными балконами, в которых еще успели пожить Рахиль и прочие персонажи моей пьесы "Бердичев", теперь разве что в Берлине, Вене, Милане и прочих подобных городах увидишь.

Архитектура, или зодчество, есть искусство строить для различных потребностей человека здания удобные, прочные, изящные. А какое может быть изящество у атамана Кавуна? "На майдане коло церкви революция иде, хай чабан уси гукнули, за атамана буде". "Кавуны" в значительной степени поизносили мое патриотическое возбуждение, так, что оно превратилось в некое подобие старой галоши, которую я, как уже говорил, с удовольствием сдал бы в утиль, конечно, лучше за небольшое вознаграждение.

В бывшем городе Бердичеве, еще с башней, бульварами и домами в стиле рококо и барокко, чудные старики-старьевщики ходили по мощеным старым булыжным улицам и, к радости детвора, кричали: "Айн галош - а ферделе! Один галош - лошадошка!" И детвора сбегалась со всех сторон, несли старые галоши, старые башмаки, позеленевшие медные шпингалеты, ржавые замки... А в оплату получали глиняных лошадок, глиняных коровок, куколок, свистулек, сладких красных и зеленых петушков и рыбок на палочке, а кто был поразумней и поэкономней, брал копейку. Эта еврейская жизнь веками цепко, как растение у забора, цвела и цеплялась корнями, изо всех сил пила соки этой благодатной Божьей земли, невзирая на все погромы, порубки и злобу "коренных" дубов и колючих кустарников, желавших все Божьи соки пить самим. Эта многовековая жизнь была окончательно вытоптана, вырублена здесь и в подобных местах по повелению отпрыска австрийского мелкого чиновника. Как у Гоголя в "Ревизоре": "А там уж чиновник для письма, этакая крыса, пером только трык, трык, пошел писать."

Сын крысы, фюрер немецкого народа, и распорядился, правда, не пером, пером и он, сын крысы, не решился, а устно: "Вытоптать, вырубить!" "Führer, befehl! Wir folgen dir, eins, zwei!", - победный немецкий марш на слова Геббельса. Восьмого июля 1941 года, через 17 дней от начала войны и за два дня до моего отъезда танки немецкой дивизии победным маршем ворвались в Бердичев, "стратегически важный

объект", как обозначен был Бердичев на оперативных немецких военных картах.

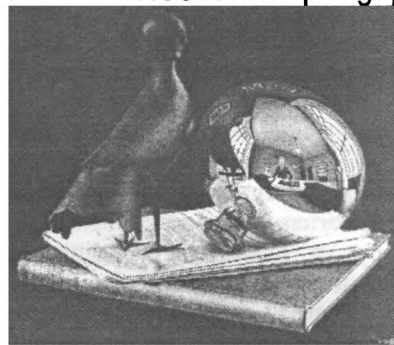
А стратегического было в Бердичеве - только старики-старьевщики и их клиенты. Веселые немцы, нажравшиеся и выпившие, ехали на танках и грузовиках, смеялись и кричали: "Juden kaputt!"

Все старики-старьевщики и их клиенты легли в ямы возле аэродрома, при активной поддержке и активном участии большинства "коренных". Правда, очень скоро "коренные" несколько разочаровались в "вызволителях вид жидив", поскольку оказалось, что немецкие "вызволители", немецкие "освободители", основную часть соков здешней земли намеревались потреблять сами, а "коренным" оставляли на пропитание лишь то, что положено рабочей скотине. Разочаровались во многих делах гитлеровских вызволителей, только не в уроках немецкой последовательной аккуратности и трудолюбия в деле искоренения еврейства.

Зерна этих уроков упали на благодатную, хорошо унавоженную почву и достигли нового качества, когда в послевоенное время слабые побеги еврейской жизни пытались возродиться. Чахлое это туберкулезное цветение окончилось где-то в конце 70-х годов. Ныне в "Новом времени" пишут: "Евреи уехали и пока возвращаться не собираются." Уже так обнищали "коренные" при своей самостийности на просторах СНГ, что иные задумались: а не вернуть ли еврейские носы, трасця их матери, на гладкое место, а с ними - и настоящие гроши вернутся, карбованцы. Шо за гроши! Золотые пятерки, або доллары - це гроши. Не все так задумываются, иные, наоборот, пользуясь демократичной самостийностью, норовят бомбу, смастеренную вручную из нашатыря и чего-то там еще, подложить в синагогу, где молится забытая Богом кучка стариков, или ночью на кладбище, запустевшем еврейском кладбище, надгробья перевернуть. Впрочем, такое происходит на всех пространствах бывшего Советского Союза. Однако, некоторые пузатые пацюки, любители галушек со сметаной, все ж задумываются, тем более сильно похудев на самостийных харчах: "Булы еврей, булы гроши!" "Скупый жидюга, дав бы гривню" - у великого кобзаря Тараса Григорьевича Шевченко.

Эта доктрина имеет под собой определенные основания. Когда в средние века всех евреев изгнали из Испании, Испания потеряла статус европейского финансового центра, который начал перемещаться вслед за евреями в Германию и Турцию. Да, деньги издавна играли в жизни еврейства особую роль. Лишенные равных прав, преследуемые и оскорбляемые, они видели в деньгах не просто богатство, а средство, хоть как-то уравнивать себя в правах, в достоинствах. Это порождало особые страсти, а страсти порождали характеры: шекспировский Шейлок, "Мальтийский Еврей" у Марло. "Скупой Рыцарь" у Пушкина - "проклятый жид, почтенный Соломон!" Именно рыцарь, которому коня, доспехи и оружие, все, что исчезло и было недоступно со времен библейских военных доблестей, заменяли деньги. Если христианская жадность и жажда денег - чисто материальные, то в еврейской жадности и жажде денег присутствует доблесть рыцаря-воина.

У Пушкина рыцарь Альберт говорит: "Не будь упрям, мой милый Соломон. Давай червонцы. Высыпи мне сотню, пока тебя не обыскали!" В средние, особо бесправные, века денежные евреи чувствовали себя рыцарями, вели борьбу золота



с булатом. "Все куплю, - сказала злато, все возьму, - сказал булат." И потому у этих "скупых рыцарей" презрение к бедным евреям было подстать рыцарскому презрению к плохим рыцарям, неумелым наездникам, дурно владевшим оружием. Это еврейское презрение к бедности и стыд за свою бедность стали частью еврейской психологии. Если бедные христиане часто выставляли свою бедность напоказ, бравировав ей, то бедные евреи старались ее скрыть, как плохой рыцарь старается скрыть свою немощь.

Подобные благородные заблуждения порождали в еврейской жизни чувство патологической неприязни к бедности, и еврейская благотворительность была более религиозна, чем полна сочувствия к неудачникам-беднякам. В новелле Стендаля "Еврей" главный персонаж рассказывает о себе: "Ко всему я еще был еврей, презираемый вами, христианами, и даже евреями, потому что я очень долгое время был чрезвычайно беден. - Как люди неправы, когда презирают! - Не затрудняйте себя вежливыми фразами! Сегодня вечером я расположен говорить, а я уж таков: либо молчу, либо говорю искренне. Должен Вам сказать, что в 1814 году я очень любил деньги. Это, в сущности, единственная страсть, которую я когда-либо знал." Таково было еврейское рыцарство, рыцарство Шейлока и Соломона. Такова была их Прекрасная Дама - золотая монета, во имя которой они сражались.

II

Александр Сергеевич Пушкин много писал на тему рыцарства в разных его ипостасях, может быть, потому, что в XIX веке рыцарство с его индивидуализмом, кодексом чести, турнирами, дуэлями уж было на исходе, и приближался XX век демоса, демократического большинства, толпы с ее вождями из дурного общества. "Скупой рыцарь", "Сцены из рыцарских времен", "Сраженный рыцарь"... "Чугунные латы на холме лежат, копье раздроблено, в перчатке булат, и щит под шоломом заржавым... Вонзились шпоры в увлажненный мох, лежит неподвижно, и месяца рог над ними в блистанье кровавом."

Лишь конь остается верен сраженному рыцарю, идущий же мимо пришелец толкает сраженного ногой. Рыцарство погибало, а оставшиеся в живых омещанивались. Рыцари булата, такие, как Альбер, становились благонамеренными штабс-капитанами и генерал-адъютантами. Старые рыцари золота, Шейлоки и Соломоны, становились баронами Ротшильдами или банкирами Рокфеллерами, потому что во времена демократического капитализма и среди христиан рыцари золота начинали преобладать.

Впрочем, и ранее было немало христиан-ростовщиков даже в монастырях. Просто Шейлоки и Соломоны выгодны были христианским проповедникам и поэтам, чтобы обвинить их во всех бедах низкой человеческой натуры. Хотя, если глянуть сверху, с птичьего полета, на историческое развитие, то денежный материализм ростовщичества, а следом банковское дело были явлением необходимым и натуральным. У Герцена: "Но возвратимся к экономическому вопросу. Считается чем-то подчиненным и грубым стремление к развитию повседневного довольства, стремление вырвать у слепой случайности и у наследников насилия (то есть, по сути, рыцарей булата, - Ф. Г.) орудия труда и скопившиеся силы, привести ценность труда, обладания и обращения богатства к разумным началам, к общим современным правилам, снять все плотины, мешающие обмену и движению. Считать все это материализмом, эгоизмом могут одни закоренелые романтики и идеалисты. По счастью, в наше время выводятся эти высшие натуры, бояв-

Als ich ein Spion des CIA war

Von Friedrich Gorenstein
(Auszug)

Ich lebte damals in Wien, Österreich. Was man nicht alles über Österreich und Wien erzählt je nach Bedürfnis und Verlangen. Die Stadt an der Donau in den Ausläufern der Alpen, nicht weit vom Wienerwald, der Stephansdom. Das Burgtheater, das Schloß Schönbrunn, die Wiener Oper, der Mondsee in den Alpen, der Achensee, der Zirknitzer See mit wechselnden Wasserständen, Baden bei Wien, die Fülle der Mineralwasserquellen, die Entbindungsheime, das Gehörloseninstitut, das Blindeninstitut, die Kunstakademie, die Hitler nicht aufgenommen hat... Hier in Wien, der zukünftigen "Perle des Dritten Reichs", "kennt jeder Stein den Hitler". Die Wiege, in der er groß wurde.

Das ist auch nicht verwunderlich. Denn so sah die Verteilung der Abgeordneten nach den politischen Parteien zu den Reichstagswahlen im Jahre 1907 aus: die Antisemiten und Klerikalen erhielten 96 Sitze, die Sozialdemokraten - 87, die Liberalen und Nationalisten - 64, die deutsche Bauernpartei - 20 usw.

Was man auch immer erzählt und was auch immer man sieht! Man erzählt nicht nur, sondern man sieht auch Verschiedenes je nach Wunsch und Geisteszustand. Die einen sehen die blaue Donau, wie in den Walzern von Strauß, die andern sehen die gelbgraue Donau, an deren Ufern die Schiffsräten hin und her laufen, wie ich sie im Herbst 1980 gesehen habe. Vielleicht hat Ippolit Ippolitowitsch recht, der Geschichts- und Geographielehrer aus Tschechows Erzählung "Der Literaturlehrer", der entweder schwieg oder davon erzählte, was alle schon längst wußten und für die objektive Wahrheit hielten. Selbst im Fieber erzählte er nur das, was alle schon wußten: "Die Wolga fließt ins Kaspische Meer. Pferde essen Hafer und Heu." Selbstverständlich, jedes Land hat seine Besonderheiten. Der österreichische Ippolit Ippolitowitsch würde im Fieber erzählen: "Die Donau fließt ins Schwarze Meer und hat ein Delta von 138,95 km Breite. Auf hundert Einwohner Österreichs kommen 6,81 Pferde."

Doch keinen Umschweif, nicht so flüchtig!

Vom Staub Odessas sprachen wir.

Staub - nun, man kann genauso richtig

Auch Unflat sagen, glaubt es mir.

(Deutsch von Theodor Comichau)

Indem ich das IX. Kapitel von Puschkins "Ewgeni Onegin" nachahmte, hätte auch ich genauso richtig vom Unflat Wiens erzählen können, eine bedrohliche Mitteilung über die Klosettbecken hinter den Türen der Hoteltoiletten, von dem giftigen Geruch nach Desinfektion in den Zimmern und auf den Fluren. "Ein Taxi wird nur für kranke, nervöse und alte Menschen gerufen". - Das ist eine Mitteilung des Jüdischen Wohlfahrtsverbands. So sieht die Kehrseite von Wien aus, das Wien von der Hintertreppe aus, die eher dem Status von Menschen wie mir entspricht. Die Sehnerven sind mit der Psychologie und dem Geisteszustand verbunden, darum habe ich die Kehrseite von Wien gesehen, von der Hintertreppe aus. Nicht ein Bäumchen, nicht eine Bank auf den Straßen. Bäume und Bänke gibt es nur in den Parks, doch wo sind diese Parks? Ja und was soll ich mit den Parks? Das ist kein Stadtgarten, Grün gibt es wenig. Das ist eine Stadt, behängt mit Würsten. Manchmal findet sich an einer Kreuzung der engen Straßen ein winzigkleiner Garten von drei Bäumen und vier Bänken, man kann sich ausruhen, nachdenken. Die Konditoreivitrinen, vor denen ich mit meiner Frau und dem an ihrer Brust hängenden, einen Monat alten Sohn die Schönheit des Gebäcks und der Pralinen betrachtete, unter dem bösen Blick der österreichischen Besitzer: wollen die etwas klauen?

Bei vielen Emigranten, die in Wien hängen geblieben waren, traf man einen erschrockenen, gedemütigten Gesichtsausdruck an. Nein, Wien erinnerte mit nichts an das freundliche, gute Städtchen, in dem man Chlestakow als eine bedeutende Person aufgenommen hatte. Wo ist er, der gute Flegel Gorodnitschi,

wo sind die guten kleinen Dummköpfe Dobtschinski und Bobtschinski, wo die dummen verschlagenen Kaufleute mit dem Weinkrug und den Zuckerhüten? Es dreht sich einem der spitzfindige Kopf, so wie die Hintertreppe sich mit ihren spitzfindigen intellektuellen Köpfen dreht. Jeder erstbeste schreibt.

Mein Don Quichote-Schild aus Papier und gewählten Worten ruft leichten Spott hervor. Eine Dame - Damen, Damen, überall nur Damen - sagte: "Hier werden sie kein Schriftsteller werden." (Ich hatte damals schon den "Platz", "Psalm" und andere Werke geschrieben, die als tote und staubige Papierlast in meinen Koffern lag, damals, als "unsere Schriftsteller" auf der Wiener Hintertreppe und in der ganzen Welt hin und her eliten. Schon damals war alles festgelegt: ein nettes Paar Genies mit einem halben Dutzend großer Talente, nun, und das mittlere Kaliber - ist nicht zu zählen.)

Wien - das Übungsgelände, der Aufmarschplatz für die intellektuelle Elite der Emigration. Hier haben die zukünftigen "Stimmen" ihre politischen literarisch-gesellschaftlichen Arien eingeübt, hier haben sich die "neuen Amerikaner" formiert, hier gab es die "Solisten im Duett", die man sich noch beim Zeitungskomsomolzentum angeeignet hatte, hier begannen sie mit ihrer "Saat", die dann später auf den Zeitungsfeldern der Emigration und wie Entengrütze in den Radiowellen üppig aufging.

(...)

Der IRC beschäftigte sich, wie sich herausstellte, hauptsächlich mit Überläufern, doch ich landete der Umstände wegen, obwohl ich kein Überläufer war, in diesem Fond. Offensichtlich hatten meine Gönner zu diesem Fond irgendwelche Beziehungen. Der Chef dieses Fonds war Doktor Faust. Die Gönner hatten mich als Moskauer Schriftsteller empfohlen. Kein Gott weiß, was für einer, kein berühmter, kein sensationeller, doch nichtsdestotrotz ein Schriftsteller. Es versteht sich, mit so einem Status mußte man recht lange im Wartezimmer rumsitzen.

FAUST. Mir ist's nicht möglich, ihn zu sehn.

MEPHISTOPHELES. Der arme Knabe wartet lange,
Der darf nicht ungetröstet gehen.

Komm gib mir deinen Rock und Mütze.

Und wirklich, nach einer halben Stunde Wartens empfing mich nicht Doktor Faust, sondern Meister Mephistopheles, der Seelenfänger. Ein Schild befand sich an der Tür seines Arbeitszimmers nicht, doch ich kenne dieses Publikum aus benachbarten Behörden, die sich zu der heiteren Zeit von Majakowski und Ostap Bender "ZentrAgAmt" oder "KomStaSi" genannt hätten.

Im Grunde genommen redete Mephistopheles wenig mit mir. Wahrscheinlich hatte er mich gar nicht zum Reden eingeladen, sondern nur, um mich, der "die Freiheit gewählt" hatte, mit seinen Agenten Augen zu betrachten. Anfangs schrieb er irgend etwas und warf ab und zu einen Blick auf mich, dann stellte er einige unwichtige Fragen, auf die er ohnehin schon die Antworten wußte: Vorname, Familienname, wo geboren, wo gewohnt, Beruf. "Schriftsteller" schrieb er mit ernsthaftem, beschäftigtem Gesicht auf, er nahm es ruhig und gelangweilt hin, nicht wie einer, der mit Ironie die Hintertreppe auf und ab eilt. Dann bot er mir etwas zu trinken an, nachdem er aus der Vielzahl der auf dem kleinen Tisch stehenden Flaschen eine zischende grünliche Flüssigkeit ausgewählt hatte. Ich dachte - Wein, doch es stellte sich heraus - Wasser, ja sogar noch irgendein widerlich süßes, wahrscheinlich das billigste. Augenscheinlich bekam man je nach Rang und Wert desjenigen, der "die Freiheit gewählt" hatte, aus den Flaschen in die Gläser eingeschenkt. Wahrscheinlich um leichter die Fingerabdrücke entfernen zu können, so denke ich.

Geschäft ist Geschäft, ob es nun billig ist oder teuer. Meister Mephistopheles gab mir einen Termin für den nächsten Tag, doch da empfing mich schon Doktor Faust...

шился замараться о практические вопросы, бегавшие в мир мечтаний от действительного мира."

О таком закоряченном романтике и идеалисте, бегавшем в мир мечтаний, наиболее чувственные, наиболее проникающие в суть рыцарства, донкихотства, стихи Пушкина "Жил на свете рыцарь бедный". Ибо что такое рыцарство по своей сути? Это не боевая доблесть, не мужество и даже не честь, все перечисленное - лишь производные от романтизма и идеализма. Рыцарь сражался во имя Дамы сердца. Чем выше идеал, тем выше доблесть, а наивысший невозможен без мечтаний.

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой.
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.
Он имел одно виденье,
Непостижное ему,
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему:
Путешествуя в Женеву,
На дороге, у креста
Видел он Марию-деву,
Матерь Господа Христа.
С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел,
И до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел.

Хочется для украшения своего текста привести это чудное стихотворение полностью, словно чужим драгоценным перстнем украсить свой палец. Однако, это уже сделал Достоевский в романе "Идиот". Культ Иисуса Христа аскетичен, культ Девы Марии эротичен, но эротичен чисто, не телесно, мечтательно. Хотя, по мнению цензуры, с которой можно согласиться, Пушкин переступил эту бестелесную грань любви к Божьей Матери.

В шестнадцать лет невинное смирение,
Бровь темная, двух девственных холмов
Под полотном упругое движение,
Нога любви, жемчужный ряд зубов.
Зачем же ты, еврейка, улыбнулась,
И по лицу румянец пробежал.
Нет, милая, ты, право, обманулась,
Я не тебя, Марию описал.

Это "Гавриилада", по которой было начато дело, так что Пушкин сначала отрекся от авторства, а затем, в личном письме к Николаю I, раскаялся в писании подобных кощунств. Но раскаялся неискренне, ибо аскетичная любовь бедного рыцаря к матери Христа слишком напоминает эротичные сны святых отшельников. "Проводил он целы ночи перед Ликом Пресвятой, Устремив к ней скорбны очи, тихо слезы лья рекой".

Как молитва спасает наяву терзаемого любовью отшельника, так война и кровь спасают терзаемого рыцаря. "Полон верой и любовью, верен набожной мечте, "Ave Mater Dei" кровью Написал он на щите. Между тем, как паладины, Встречу трепетным врагам, По равнинам Палестины Мчались, именуя дам".

Может быть, среди кровавых подвигов бедного рыцаря были и еврейские погромы, которые повсеместно совершали крестоносцы по пути в Палестину и в самой Палестине, так что, когда Саладин разгромил крестоносцев и выбил рыцарей из Палестины, арабов с восторгом встретили ев-

реи, во что сейчас трудно поверить. Однако, кровь не заглушила мечтательной телесной любви бедного рыцаря к матери Христа, а кровь и телесность - уже дьявольское. "Между тем, как он кончался, Дух лукавый подоспел, Душу рыцаря собирался Бес тащить уж в свой предел".

И только здесь, на пороге смерти, бедный рыцарь был удостоен ответной любви чистой женщины. "Но Пречистая сердечно Заступилась за него И впустила в Царство вечно Паладина своего".

Телесная любовь бедного рыцаря к Пречистой Деве была не только страстной, но и безответной. Лишь после утраты телесности бедный рыцарь заслужил ответную любовь женщины, потому что женщина, даже если она не любит (а за что ей, Пречистой, было любить разбойника-рыцаря?), женщина не может хоть ненадолго не покориться столь неизменной страстной верности и не полюбить в ответ. Однако, этой заgrabной любовью, как белой розой, брошенной на турнире Дамой Матеря, бедный рыцарь был награжден вполне, ибо Божья Матерь - не только вечная девственность, но и вечная молодость.

Цветы запоздалые - хоть и сердечные, но лишены блаженного аромата молодости. Они могут утешить, но не наградить. Нынешняя безнравственная технократическая цивилизация пытается заменить блаженство таблеткой, и миллионы старых самцов устремились в ворота аптечного рая, невзирая на "побочные явления", предпочитая ухудшение зрения или сердечную недостаточность импотенции. Я не понимаю, что плохого в импотенции, в телесном покое, если человек изжил свою молодость. Старость имеет свои радости, недоступные беспокойной юности: сладость раздумий, красоту познаний...

Да, "любви все возрасты покорны". Однако, я, конечно, высказываю свое личное мнение: мне неприятно видеть любовь пожилых людей и стариков, тем более влюбленность. Неприятно и смешно. Блестя глазами, старичок схватил старушку за бочок - такие стишки придумываются.

Какое-то тут есть нарушение природного, как цветение зимой. Дружба - да, сердечность - да. Но не любовь! Есть исключения: любовь князя к молодой прелестной Татьяне Лариной. В опере Чайковского князь подменен Гремидиным, который натужным басом поет прямо противоположное тому, что Пушкин изложил негромко, светло и печально. "Любви все возрасты покорны, Ее порывы благотворны", - басит Гремидин. "Любви все возрасты покорны, Но юным девственным сердцам Ее порывы благотворны, Как буря вешняя полям", - так у Пушкина. И далее у Пушкина: "Но возраст поздний и бесплодный На повороте наших лет, Печален страсти мертвый след..."

Тем чудотворнее исключения, например, у Гауптмана в драме "Перед заходом солнца". Жаль только, что Гауптман слишком заострил внимание на социальных проблемах такой любви, а не на нравственных и физиологических. Молодость - вот лучшая таблетка для пожилого мужчины и пожилой женщины. Конечно, жеребчий пыл восстановить нельзя, и юношеский пот восстановить нельзя. Сейчас, кстати, создается препарат, эликсир, нечто вроде одеколona, в котором - запах юношеского пота.

Но ведь любовь, даже и телесная - это далеко не всегда жеребчий пыл и юношеский пот! Я говорю об истинной молодой любви, о любви-награде, а не о бордельной любви, которая под стать таблетке. (В такой бордельной любви самая честная и дешевая - это панельная, а самая грязная - семейная: жена или наложница.) Я говорю о любви-награде, которую получил семидесятилетний Гете, о любви-награде Грибоедова. Восемнадцатилетняя красавица, грузинская княжна, жена Грибоедова после смерти мужа никого более

знать не хотела и на всю жизнь оказалась повенчана с гробовой доской.

Я понимаю, тема скользкая. Я не призываю к отмене золотых, серебряных, даже жестяных свадеб. Счастлив тот, кто сумел пройти земную жизнь, часто лукавую и опасную, с другой своей молодости. Однако, чем далее длится этот путь, тем менее вдохновения и тем более братской и сестринской любви. Такой теплоте не нужна сексуальная таблетка, такую теплоту таблетка оскорбляет. Пушкинское "Тьмы низких истин нам дороже" и т. д. можно толковать двояко. Можно толковать аллегорично: тьма - это много низких истин, но можно толковать и напрямую: низкие истины - это тьма. Туда не достигает Божий свет и господин там - отец тьмы дьявол, особенно, когда речь идет о телесных сексуальных низких истинах.

Он-де, Богу не молился,
Он не ведал, де Креста,
Не путем-де волочился
Он за матушкой Христа.

Достоевский не случайно использовал стихотворение о бедном рыцаре в своем романе "Идиот". Слишком уж князь Мышкин напоминает эротичного аскета. Только вот образ возлюбленной, созвучный Божьей Матери, у него двоится, как в эпилептическом припадке. Образ возлюбленной в романах Достоевского вообще раздвоен: чистая женщина и святая проститутка - персонажи бульварного романа. Катерина Ивановна и Груша в "Братьях Карамазовых", Аглая и Настасья Филипповна в "Идиоте", Дуня и Сонечка Мармеладова в "Преступлении и наказании" и т. д. Может быть, поэтому Достоевский не умел писать сексуальные любовные сцены. Его эротизм по-бульварному лубочен и надуман, как и религиозность. Даже смех в романах Достоевского лубочен и бульварен - чистые смеются "ха-ха-ха", нечистые - "хе-хе-хе". Но зато антитезы он писал превосходно. Антитеза вере - атеизм, антитеза любви - страдание. А страдание безответной любви требует идеала. Любишь не телесную женщину, а воздушный идеал. Какой может быть с идеалом секс?

Чистая женщина Аглая из романа "Идиот", дискутируя со своей матерью и прочим обществом о "Бедном рыцаре", которому это цензурное, церковное общество отказывает в уважении, говорит: "Потому глубочайшее уважение, что в стихах этих прямо изображен человек, способный иметь идеал. Во-вторых, раз поставив себе идеал, поверил ему, а поверив - слепо отдался ему всей своей жизнью. Это не всегда в нашем веке случается. Там, в стихах этих, не сказано, в чем, собственно, состоял идеал рыцаря бедного, но видно, что это был какой-то светлый образ, образ чистой красоты. И влюбленный рыцарь даже четки себе вместо шарфа повязал на шею."

Странное высказывание "чистой женщины". Аглая, далее полностью читает перед скептической публикой "Жил на свете рыцарь бедный" по тексту, который с некоторым цензурным изменением вошел в "Сцены из рыцарских времен", и как читает! "Глаза ее блистали, и легкая, едва заметная судорога вдохновения и восторга раза два прошла по ее прекрасному лицу." Как же при подобном вдохновении она не заметила идеал, который расшифровывается вполне определенно: "Матушка Христа"? Может быть, тут дело в ревности, которую испытывают у Достоевского "чистые женщины" к "святим проституткам"? А приходится признать "низких истин" ради, что у Достоевского идеал в большей степени, невзирая ни на что, отдан "святим проституткам", чем "чистым женщинам", таким, как Грушенька, как Со-

нечка Мармеладова, как Настасья Филипповна, и "чистые женщины" с горечью это сознают и с досадой признают: "Как бы то ни было, а ясное дело, что этому бедному рыцарю уж все равно стало, кто бы ни была и что бы ни сделала его Дама. Довольно того, что он ее выбрал и поверил ее чистой красоте, а затем уж преклонился перед нею навеки. В том-то и заслуга, что если б она потом хоть воровкой была, то он все-таки должен был ей верить, за ее чистую красоту копыта ломать." То есть речь идет о безответной неизменной любви, хотя бы и к падшему идеалу.

Но что такое "падший идеал"? Что такое "падший ангел"? Не из света ли во тьму упал любимец Бога Люцифер, став тем величайшей антитезой Бога? А какова великая антитеза Божьей Матери? Не жрица ли языческая, святая, развратная и несправедливая, именуемая Музой? Одних она одаривает ответной любовью, нередко даже и не слишком талантливых, другими же пренебрегает. Имеется в виду не талант. Это заблуждение, что Муза может одарить талантом.

Разве Грушенька или Настасья Филипповна способны воссоздать душевное богатство Мити Карамазова или князя Мышкина? Они способны лишь только влюбить в себя, и влюбив, мучить. Но, как говорит Аглая, "бедному рыцарю уже все равно стало. Довольно того, что он выбрал ее и поверил ее чистой красоте."

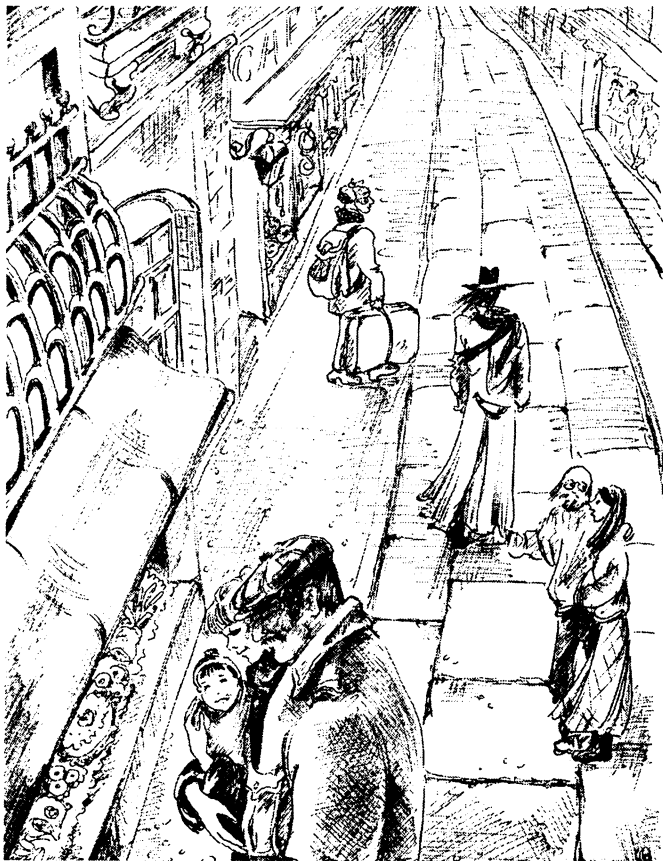


рис. Ольги Юргенс

Бедным рыцарем с бумажным щитом, на котором написаны были высокие слова любви к "святой проститутке" приехал я в Вену.

III

Итак, я жил тогда в Вене, Wien, Австрия. Чего только не скажешь об Австрии и Вене в зависимости от потребностей и желаний! Город на Дунае в предгорьях Альп, вблизи Wienerwald'a, St. Stefan Dom - Собор Святого Стефана, Бур-

гтеатер, замок Шенброн, Опера, альпийское Мондзее, Ахенское, Циркницкое с меняющимся уровнем воды, Баден близ Вены, изобилие минеральных источников, родильные приюты, институт для глухонемых, институт для слепых, Кунстакадемия, куда не приняли Гитлера... Тут, в Вене, будущей "жемчужине Третьего рейха", "каждый камень Гитлера знает". Колыбель, где он взрастал.

Оно и неудивительно. Вот распределение депутатов по политическим партиям на выборах в Рейхсрат 1907 года: антисемиты и клерикалы - 96, социал-демократы - 87, немецкие либералы и националисты - 64, немецкие аграрии - 20 и т. д.

Чего только не скажешь, и чего только не увидишь! Не только говорят, но и видят разное, в зависимости от положения и душевного состояния. Одни видят Дунай голубым, как в вальсах Штрауса, другие - желто-серым, по берегам которого бегают судовые крысы, как видел его осенью 1980 года я. Может быть, прав Ипполит Ипполитович, учитель истории и географии из повести Чехова "Учитель словесности", который либо молчал, либо говорил о том, что всем давно уж известно и принято за объективные истины. Даже в бреду он говорил то, что всем известно: "Волга впадает в Каспийское море. Лошади кушают овес и сено." Конечно, каждая страна имеет свою специфику. Австрийский Ипполит Ипполитович в бреду говорил бы: "Дунай впадает в Черное море и имеет в речной области 128,95 километров. На 100 жителей Австрии приходится 6,81 лошадей."

А где, бишь, мой рассказ несвязный?

В Одессе пыльной, я сказал.

Я б мог сказать: В Одессе грязной -

И тут бы, право, не солгал.

В подражание пушкинским "Отрывкам из путешествия Онегина" и я мог бы не солгать такое о грязной Вене - угрожающее объявление об унитазах на дверях гостиничного туалета, ядовитый запах дезинфекции в комнатах и коридорах. "Такси вызываются только больным, нервным и старым" - это объявление в ХИАСе. Такова изнаночная Вена, Вена с черной лестницы, соответствующая статусу мне подобных. Глазные нервы связаны с психологией и душевным состоянием, потому и видел я Вену изнаночно, с черной лестницы.

Ни одного деревца, ни одной скамейки на улицах. Деревья и скамейки - только в парках, а где эти парки? Да и до парков ли? Это не город-сад, зелени мало. Это город, увешанный колбасами. Иногда на перекрестке узких улиц маленький, в три дерева, огражденный садик, четыре скамейки, можно отдохнуть, подумать. Кондитерские витрины, у которых мы с женой и висящим у нее на груди одномесячным сыном смотрели на красоту пирожных и конфет под злыми взглядами австрийских хозяев: не украдут ли?

У многих эмигрантов, застрявших в Вене, испуганное, униженное выражение лиц. Нет, Вена ничем не напоминала милый, добрый городок, где Хлестакова приняли за важную особу. Где он, добрый хам Городничий, где дорогие дурачки Добчинский и Бобчинский, где глупые вороватые купцы с кузовом вина и сахарными головами? Головы кругом востроносые, так и кишит черная лестница востроносими интеллектуальными головами. Каждый первый пишет.

Мой донкихотский бумажный щит с высокими словами вызывает насмешки. Одна дама - дамы, дамы, кругом одни дамы - сказала: "Здесь вы не будете писателем." (Я уже тогда написал "Место", "Псалом" и прочие свои сочинения, которые лежали мертвым бумажным пыльным грузом в чемо-

данах, тогда как "наши писатели" сновали взад и вперед по черной венской лестнице и по миру. Уже тогда все было распределено: парочка гениев, с полдюжины больших талантов, ну, а среднего калибра - не счесть.)

Вена - полигон, плацдарм эмигрантской интеллектуальной элиты. Тут будущие "голоса" разучивали свои политические и литературно-общественные арии, тут формировались "новые американцы", тут "солисты дуэта", поднаторевшие на газетной комсомолки, начинали свой "Посев", которым впоследствии буйно заросли газетные поля эмиграции и, как ряской, радиопотоки. А когда метрополия одемократилась, то и там разрослось. Кулинарные обозрения и литературные мудрости, приводившие в восторг "прогрессивную интеллигенцию". А если пригласиться и прислушаться, то либо полуглупость, либо полум. То, что заслуживает внимания, заимствовано из чужих кулинарных либо литературно-критических книг. Однако, это не художественное заимствование Шекспира или Шиллера, превращавшее посредственное в высшее, а то самое, о котором школьники и студенты говорят прямо и ясно: "Передрал!" Но зато какой стиль, ох, какой стиль! Лихой галоп, звонкое цоканье по интеллектуальным мозолям мазохистствующей интеллигенции. Надо только понять вкусы и пристрастия потребителей. "Старший брат" "солистов дуэта", впрочем, по известной линии также родич Савенко-Лимонова, в свою очередь приглубленного "прогрессивными интеллигентами", сын свободного эфира, произнося свои полит-культуртрегерские речи, присасывает и прихлебывает, точно чаи вприкуску с блюдечка дует. "Прогрессивные" восторгаются!

Звуковой портрет русского - купеческое мещанское чаепитие с напмаженными лампадным маслом волосами, наподобие звукового портрета еврея - "кухочка". Такое обобщенное расовое портретирование - "портрет еврея", "портрет русского" - обнаруживает себя, как бы его ни оболачивать ворохом эссеистских умелостей, имеющих в основе философские глубины популярных брошюр или анекдотов за преферансом. Но интеллигенту-обывателю иные глубины не потребны. Привыкли плескаться в теплой пляжной прибрежной мелкости. А в общем нынешняя "литературная жизнь" вполне соответствует определениям Салтыкова-Щедрина столетней давности: "литературные клоповники, литературно-лакейские обозрения, литературные трущобы, литературно-политический нужник".

Но что такое прогрессивная культура шестидесятилетней интеллигенции? Это, прежде всего, "застольная культура". Она неотделима от коньячка, от охлажденной водочки, от сациви. Это застольные мелодии, не столько талантливые, сколько прилипчивые, которые хорошо не петь, а напевать.

"...Когда подступает отчаянье, Я в синий троллейбус сажусь на ходу, Последний, случайный..." - Окуджава. "Если шел за тобой, как в бой, На вершине стоял хмельной, Значит, как на себя самого Положись на него" - Высоцкий. "Облака плывут, облака. Не спеша плывут, как в кино. А я цыпленка ем табака, Я коньячка принял полкило" - тюремные мотивы Галича, очень далекого и от тюрьмы, и от сумы. "Я подковой вмерз в санный след, В след, что я кайлом ковырял. Ведь не даром я двадцать лет Протрубил по тем лагерям" - так поет Галич.

Эта культура, именно "как в кино", - по чувствам не всамделишная, но щипающая слезные нервы, это - "улыбочка" сквозь слезы. Конечно, Шнитке, Ростропович... Но их мелодии слушают с воскресным церковным напряжением - отдают дань. А естественно, по-каждодневному, расслабляются на своем, застольном...

Довлатов в сопровождении Гениса и Вайля. Если барды не столько поются, сколько напеваются, то Довлатов не столько читается, сколько почитывается. Я Довлатова ни в чем не обвиняю. Как умел, так и писал. Но этот представитель позднего шестидесятиничества как бы подытожил шестидесятиническую культуру, ту, с высоты которой "прогрессивный" интеллигент смотрит на разнообразную классику от "Горя от ума" до "Мастера и Маргариты", "Чайки", "Трех сестер", "Преступления и наказания", "Гамлета", "Годунова" - всюду шестидесятинический дух, всюду шестидесятиничеством пахнет, чувствами и мыслями облегченного типа. Не даром ведь в центре Москвы на бульваре, неподалеку от Пушкина Высоцкого поставили. Ныне великие поэты памятников не имеют. Иные - и могил не имеют, неизвестно, на какой свалке гниют кости. А тут "народная тропа" не зарастает, и эмигрантская газета в Америке с пафосом возвестила о совпадении великих дат: умер Александр Сергеевич Пушкин, родился Владимир Семенович Высоцкий.

Вот так препарируются классики, которые на общем шестидесятиническом фоне выглядят не памятниками, а скорее чучелами. Чучело Пушкина, чучело Достоевского, чучело Гоголя, чучело Чехова... Ибо главное в шестидесятинической субкультуре - не суть, не соль, не корень, а броская деталь, колесо кареты Чичикова... "Доедет - не доедет". "Скотопригоньевск" у Достоевского. О Чехове уже не говорю. Чехов особенно для такого препарирования пригоден. Есть знаменательные фразы, фразы-камертоны, создающие тон, звучание. "Уедете вы, и в этом городе не останется ни одного хорошего лица" или "человеческого лица". Точно не помню, не помню и откуда эта фраза. Впрочем, она такая "чеховская", что подходит к любому Чехову. Куда ни вставь - она на месте в той "чеховиаде", которая в чеховских персонажах, загримированных под О. Ефремова ли, под "Кешу" ли, под Юрского ли или иных подобных, десятилетиями господствовавших на российских, особенно, столичных, сценах и на телеэкранах, до лоснения, до сальных пятен износила тонкую чеховскую ткань. И уж не поймешь, где чеховский дядя Ваня, а где "Дамский портной" Борщоговского. Как лохмотья - пародия на пиджак, так и "чеховиада" - пародия на Чехова. С иным "классическим гардеробом" - не лучше.

Иные тети Моти и дяди Сени говорят о моей зависти, мол, так я пишу, потому что завидую. Конечно, я уже о том писал, зависть бывает и плодотворная, если она не ядовитая - не цианистый калий в бокал. Однако ядовитые чернила признаю. Ядовитыми чернилами написана "Божественная комедия", где мстительное перо подобно кинжалу. А мечь и зависть - родные сестры. Но вопрос в том - кому завидуешь и чему завидуешь. Да и сути это не меняет. Завидую я шестидесятиничеству раннему и позднему или не завидую, а рядом с Пушкиным на бульваре поставили они не Пастернака, не Ахматову и уж не Мандельштама или затравленную со всех сторон Цветаеву, а Высоцкого, к тому же объявленного страдальцем. И этот ваш позор перед потомством не прикроешь фиговым листочком, на котором по-кухонному возвещается о зависти моей и мне подобных к вашим успехам, идеалам, к вашему абсолютному духу. Впрочем, подлинный памятник писателю - не рукотворный, на голову которого садятся голуби, а тот, который лежит на столе или стоит на книжной полке. "Я памятник себе воздвиг нерукотворный", - писал Пушкин.

Мой же ответ, в который раз, заимствую у Герцена, ясности и цельности которого можно позавидовать: "Если я мыслю, если я страдаю, то для самого себя. Ваш абсолютный дух, если и существует, то чужд для меня. Мне незачем его знать, ибо ничего общего у меня с ним нет".

Таковы законы производства и потребления. Да, существуют определенные писательские законы. Я имею в виду не законы писательского мастерства, а законы писательского обряда, со своим иконостасом и со своим иезуитским уставом.

Есть писатели "в законе". Я же всегда был писатель незаконный, что-то вроде сектанта-архаиста. К субкультуре, созданной в начале 60-х бардами, "прогрессивными" театрами, твардовским "Новым миром", не принадлежу. Эта субкультура процветала, невзирая на цензуру, а, может, и благодаря цензуре. Эта субкультура и была для меня подлинной цензурой, а государственный центр, цензурное учреждение - лишь цербер у ворот, получающий просьбы-указания: впустить - не впустить.

Ныне, когда цербер исчез, и прогрессивные дамочки с мужичками сами занялись охраной, дела мои стали бы еще хуже, живи я в нынешней России. Нынешние дамочки и мужички уж не могут мне сказать о том, что я не буду писателем. Вредная, кстати, профессия. Не знаю, почему так многие к ней стремятся. Если всерьез работать, то это - для самоедов, питающихся собственными сердцем и мозгом. Лев Николаевич Толстой после пяти лет работы возненавидел рукопись "Войны и мира", разрушившую его нервную систему. Только отдых на философских трудах "О вреде курения" и прочих позволили ему несколько прийти в себя. К недовольству, кстати, Софьи Андреевны, желавшей от Льва Николаевича поточного производства романов типа "Война и мир", приносящих доход. И Данте "Божественная комедия" довела до инсульта. Он умер в пятьдесят шесть лет, окончив книгу.

Вредное производство, но уж я, что поделаешь, связан с ним. Вредное и затоваренное. Пройдите по московским книжным магазинам: все затоварено разнообразными переплетами. Тут и Токарева, и Тополь, и Радзинский, и Губерман, и весь шестидесятнический набор, и первый лауреат премии Букера Марк Харитонов, и, конечно же, многотомный Довлатов. О Довлатове один из редакторов издательства "Посев" сказал, по-моему, достаточно метко: "Пока читаешь - интересно, прочитал - забыл, о чем читал." Многоотомный Довлатов, сопровождаемый свистом и треском эфирных солистов-лакировщиков. Только моих книг в магазинах нет.

В 91-м году во время перестроечной неразберихи издали трехтомник, а более - ничего, кроме некоторых журнальных публикаций. Взялось московское издательство "Текст" с "ограниченной долей ответственности" издать мой двухтомник. Года три перекачивали туда-сюда, макет сделали. Нет, не издали! Я говорю деятелю тыла с ограниченной долей ответственности: "Как же так?! Вот - Окуджаву издали." "Ну, Окуджаву!", - отвечает.

Года два назад этот же двухтомник взялось издавать петербургское издательство с "ограниченной долей ответственности" "Лимбус Пресс", кстати, активный издатель Довлатова. Два года катали туда-сюда, к такому-то месяцу издадим, к такому-то, наконец, говорят: "В конце 97-го года оба тома сразу выйдут." И вот получаю, наконец, факс, который хочу привести полностью, как шедевр лицемерия. "Многоуважаемый Фридрих Наумович! Мы, конечно, виноваты, все ваши претензии справедливы, правомочны, обоснованны. Однако, по договору вы свободны уже давно, и, как ни печально, мы уже Вас не сможем выпустить. Мы любим Ваше творчество и высоко ценим Ваши новые произведения, но издательство, живущее в сложной обстановке нынешнего рынка, вынуждено считаться со сложной конъюнктурой. Мы провели всю редакционную подготовку, даже сделали оригинальный макет Вашего двухтомника (опять

макет сделали! - Ф. Г.) и долго ждали, что положение изменится (В каком смысле изменится? Начнут покупать неизданные книги? - Ф. Г.), однако прогнозы книготорговли (О каких прогнозах идет речь? Кто делает эти прогнозы и на основании чего? - Ф. Г.) не могут нам позволить издать Вас большим тиражом в ближнем будущем, а 1000 экземпляров влекут за собой для "Лимбус Пресс" большие убытки. (Конечно, если все магазины затовариваются "нашими писателями" в щегольских переплетах, а рядовой покупатель-читатель моих книг не видит, то он их и не знает, и не покупает! - Ф. Г.) С повинной головой возвращаем права на издание Ваших книг, чего сами так добивались. С уважением. Такой-то, генеральный директор "Лимбус Пресс". Более говорить не о чем. Спросил бы: "А Довлатов?" "Ну, Довлатов!" - ответил бы.

Тут еще один вопрос - достоин ли автор своих книг. Впрямь, подобное не ново. У Пушкина: "Ты, Моцарт, не достоин сам себя!" Если бы "Псалом" написал какой-нибудь популярный бард, а "Место" - какой-нибудь любимый представитель "ленинградской школы" или заведущий московского литературного ресторана, - "тогда б мы по-иному любили". Были бы газетные развороты, были бы ордена и медали. Но я уже писал, что для меня вся эта "запоздалая любовь" - то же, что пылкий поцелуй старухи. От нелюбви я более выиграю, чем потеряю. Ведь худших читателей для моих книг, чем воспитанных на "карманном диссидентстве" 60-х - 70-х годов Ершей Ершовичей и не найти.

А есть среди них особенные экземпляры. Вспоминаю некий экземпляр по фамилии Суконник (более к лицу была бы фамилия Сукотник). В 1987 году в Нью-Йорке этот сукотник, нью-американец, позвонил мне и извиняющимся заикающимся голосом попросил о встрече. А заодно он, мол, перевезет меня на своем автомобиле с одной квартиры на другую, поскольку случайно узнал, что я переезжаю. Создался образ какого-то жалкого, неуверенного, но деликатного человека. Тем более, что он напомнил о своем письме, которое написал мне по поводу "Бердичева" и о своей статье о "Бердичеве" в журнале "22". Действительно, было такое письмо, и была такая статья, где утверждалось, что пьеса "Бердичев" написана под влиянием Бабеля.

"Бердичев" написан под влиянием Бердичева, и одессит Бабель никакого к нему отношения не имеет. Однако письмо, да и статья были такие же заикающиеся и извиняющиеся, как и телефонный звонок Суконника.

Пришел. На лице улыбочка, но скорее развязная, чем деликатная. Раз пустили, можно несколько "развязаться". Обо мне он сказал, что я более похож на одесского биндюжника, чем на писателя (Суконник, кажется, одессит). Так пошутил. Однако особенно "развязался" и начал "шутить", когда я со своим чемоданом погрузился в его поношенную "Антилопу-гну", и мы поехали по Нью-Йорку.

- Ваши споры о Достоевском - коллаж. Ни одной самостоятельной мысли. Вы это нарочно? Что? Как? Шучу. "С кошелочкой" - холодный рассказ. Все на профессионализме...

Говорит, говорит... Английского языка я не знаю, выйти из его "Антилопы-гну" с чемоданом не могу. Он, конечно, учел, рассчитал и продолжал использовать ситуацию. Знал, что в другой ситуации я бы его слушать не стал, при мне так "опорожняться" не дал бы. В другом месте, при застолье себе подобных, на страницах "22" опорожнялся, но не при мне. Однако, по Нью-Йорку дорога не близкая, и, может быть, он даже кругом поехал, чтобы подольше в моем обществе находиться. Говорит, говорит... Начинает одно, не закончив, оборвав уже говорит другое. И все с улыбочкой.

- Я могу ошибаться, но вряд ли я ошибаюсь... Я вас читаю... Напрасно думаете, что я всем улыбаюсь. Это я сейчас улыбаюсь. Но часто я плюю в лицо... Да... Я с моей женой и моим другом до хрипоты спорили о вашем "Бердичеве"! Моей жене очень не нравится "Бердичев". Она считает эту пьесу антисемитской. Но я ваш "Бердичев" защищал...

Когда мы приехали, Суконник достал из багажника мой чемодан и услужливо подал его мне. Я протянул руку за чемоданом, но он вдруг поставил его на землю и торопливо пожал мою протянутую за чемоданом руку. Войдя в дом, я долго мыл руки...

Ко всему еще говорят и пишут бездарно. Бывает - говорят и пишут нечисто, даже гнусно, но талантливо. Такое случается. А эти - и нечисты, и гнусны, и бездарны. И те, кто пишет, и те, кто говорит, и те, кто читает.

Хороший читатель книгу обогащает, плохой читатель книгу портит не хуже книжного червя, если она ему по вкусу пришла. А если нет, то лишь слезы напустит, обслюнявит и не ест. Так уж лучше пусть слюнявит. Так обслюнявил некий Леонид Попов на страницах "Литгазеты" мою драму "Детобийца" о Петре I и спектакль, поставленный по ней в Александринке.

Я эту "Литгазету" не то что не читаю, даже и не вижу уже несколько лет. Надеюсь и дальше не видеть. Но одна моя приятельница увидела и прислала вырезку со статьей-рецензией "Александринка на дыбе". "Эту совершенно непригодную для сцены пьесу ставят в столичных театрах (т.е. в Москве и Питере) уже в третий раз", - начинает сетования Л. Попов. И далее: "На берегах Невы концепция Толстого невольно перевешивает концепцию Мережковского (Петр - антихрист), к которой восходит драма Горенштейна".

В драме Горенштейна противник Петра, духовник царевича Алексея Протопоп Яков Игнатов говорит: "Народ почитает его (Петра) за антихриста. Однажды оба мы с тобой, Алексей, образованные люди, понимаем, что царь Петр - не антихрист. Простой человек, и существование его должно прекратиться простым человеческим путем".

Литгазетчику Попову, залезшему в научное поднебесье, видно, не хватило школьной образованности, чтобы просто грамотно прочитать мою пьесу. А если серьезно говорить, то все подобные личности просто застыли на неподвижных идеях 60-70-х годов. У Достоевского в "Неточке Незвановой": "Страшно расставаться с неподвижной идеей, которой отдал в жертву всю жизнь". Жертвы подобных личностей, правда, не столь велики. Не жизнью жертвуют. Скорее, это жертвы гоголевского поручика Пирогова, которые могут быть утешены пирожком.

Но Чехов был - так считается - всеобщим любимцем. Кто не любил и не любит Чехова? "Меня окружает густая атмосфера злого чувства, крайне неопределенного и для меня непонятного. Меня кормят обедами и поют мне пошлые дифирамбы и в то же время готовы меня съесть. Если бы я застрелился, то доставил бы этим большое удовольствие девяти десяткам моих друзей и почитателей. И как мелко выражают свое мелкое чувство!" - из письма Чехова сестре от 14 декабря 1891 года. День рождения Ильи Эренбурга, который приводил эту цитату Чехова в своих мемуарах, добавив притом, что критик Буренин писал о Чехове: "Подобные средние таланты разучаются прямо смотреть на окружающую их жизнь и бегут, куда глаза глядят".

Но вернусь к черной лестнице, по которой эмиграция сновала. Конечно, дарвинизм, рога и копыта, но, скорее, не стадного, а стайного типа, потому что зубы показывают. Однако, невзирая на подобное, все же понемногу начало и у меня отчасти налаживаться. Нашлась и в Вене небольшая, но поддержка, нашлись доброжелатели и ко мне, и к

моим писаниям. Не то, чтоб "ах!", но переехал в пансион без клопов на Кохгассе 36, апартамент 23, второй этаж, получил и временную жиденькую материальную поддержку от фонда под названием "IRC": медная табличка, третий этаж, в глубине гулкого двора.

IRC, как выяснилось, занималось, главным образом, перебежчиками, но я, в силу обстоятельств, хоть я и не перебежчик, оказался в этом фонде. Очевидно, у моих доброжелателей с этим фондом была какая-то связь. Шефом фонда был доктор Фауст. Рекомендовали меня доброжелатели как московского писателя. Не Бог весть, какого, не знаменитого, не сенсационного, но все-таки писателя. Конечно, с таким статусом пришлось довольно долго посидеть в приемной.

Фауст. Сейчас я занят, он пришел не в пору!

Мефистофель. Я заменяю тебя, он ждет давно. Я в дом пушу его из коридора.

(Гете, "Фауст". Перевод Б. Пастернака.)

И действительно, после почти что получасового ожидания принял меня не доктор Фауст, а мистер Мефистофель, ловец душ. На дверях его кабинета таблички не было, но я узнаю эту публику из смежных учреждений, которые в веселое время Маяковского и Остапа Бендера именовались бы "ЦентрРазУпр" и "КомГосБез".

Собственно говоря, Мефистофель со мной мало говорил. Наверное, не говорить пригласил, а просто на меня, "выбравшего свободу", посмотреть своим глазом разведчика. Вначале что-то писал, время от времени поглядывая на меня, потом задал несколько незначительных вопросов, на которые и без того явно знал ответы: имя, фамилия, где родился, где жил, профессия. "Писатель" он записал с серьезным, деловым видом, воспринял спокойно и скучно, а не как спящие по черной венской лестнице с иронией. Потом предложил мне выпить, выбрав из множества стоящих на столике бутылок шипящую зеленоватую жидкость. Я думал - вино, оказалось - вода, да еще какая-то приторная, наверное, самая дешевая. Видно, в зависимости от ранга и ценности "выбравших свободу" наливали из бутылок в стаканы. Бокалов не было - стаканы. Наверное, чтоб легче было снять отпечатки пальцев - так думаю.

Дело есть дело, дешевое ли, дорогое ли. Мистер Мефистофель назначил мне встречу на следующий день, но принял уже доктор Фауст. Принял довольно быстро, без проводов и с длинной анкетой-протоколом. Переводила югославка, умевшая говорить по-русски не хуже жительницы лезгинского горного аула. Вопросы в анкете были самые разные. Интересовались даже годом и местом рождения моих дедушек и бабушек, а также отца и матери. Года и места рождения дедушек и бабушек я не знал. Очевидно, так и предполагали. Это была одна из проверок на честность (может быть) - отвечу ли честно или начну выдумывать. Вопросы анкеты одновременно были и тестом. О месте рождения матери я сказал: "Вы, наверное, не знаете. Городок-местечко такое - Уланов." "Как же, - сказала переводчица-югославка. - Знаю! Ульянов. Там родился Ленин." Спросили также, есть ли кто в Соединенных Штатах из известных людей, знающих меня и могущих за меня поручиться. Я ответил: Профер. О, святая простота! "Wer ist Proffer? Кто такой Профер?" - удивленно поднял брови доктор Фауст.

Наивный и провинциальный, несмотря на шестнадцать лет столичной жизни, до сего времени невыездной, я воспринимал чету Проферов из заштатного американского городка Анн Арбор, некоего подобия Уланова, известными в Америке и на Западе людьми. А известна была чета Проферов только "нашим писателям" и поклонникам. Многие туда

стремились, опубликоваться остренько, то есть на Западе, в мелком издательстве "Ардис", которое пропагандистскими усилиями "наших писателей" обращено было в русскую литературную столицу третьей волны.

Вторая волна - издательство "Посев": власовцы, полицаи из зондеркоманды, те, кто помогал гитлеровцам устанавливать "новый порядок", а в послевоенное время нашли прибежище в ЦентрРазУпре - как убежденные антикоммунисты, которые "выбрали свободу". За важных персон их, конечно, не принимали, но хоть по фамилиям знали, по крайней мере, некоторых. Профер - совсем иное. Либерал, борец за гражданские права, борец за мир во Вьетнаме, Камбодже и Лаосе. Они не говорили "борьба за установление Северным Вьетнамом коммунистической диктатуры над Южным, а Пол Потом - над Камбоджей", они говорили "борьба за мир". В общем, Профер - этакий мелкий Клинтон, отличавшийся лишь тем, что Клинтон тогда играл на саксофоне, а Профер играл в баскетбол. Что же касается масштаба деятельности, то тут многое определяет случай и жизненная хватка, если не сказать, наглость желаний. Определенную, а может быть, значительную роль в некоторой степени играли и "боевые подруги" - женщины, которые заменяют Мефистофеля.

Мефистофель. Да, каждый получил свою башку, свой зад, и руки, и бока, и ноги. Но разве не мое, скажи, в итоге, все, из чего я пользуюсь извлеку.

(Гете, "Фауст". Перевод Пастернака.)

Клинтон с женой употребили свою башку, свой зад и т. д., чтобы стать президентами Соединенных Штатов Америки, а Профер с женой - всего лишь на то, чтобы стать президентами издательства "Ардис" в провинциальном городке Анн Арбор. Все могло быть и наоборот, ведь исходные данные у них общие: Клинтон был бы президентом издательства "Ардис", публикующего Копелева, Соколова, Битова и прочих наших писателей, и тогда бы доктор Фауст спросил: "Кто такой Клинтон?"

То, что доктор Фауст не слышал о Профере, естественно. Здешний славизм - замкнутое болотце даже среди западного культуртрегерства, не говоря уже о ЦРУ. Но в пределах своего болотца, своей утиной заводи эти профессора-слависты главенствуют над литературным процессом. Мне в том, возглавляемом профессорами процессе, места не было. Профер отказался меня издавать по рекомендации своего консультанта, авангардиста Соколова, о чем я узнал впоследствии. И признали меня не профессора в тот период, а простой донской казак Мордухай Файволович Мордухаев.

IV

С Мордухаем Файволовичем Мордухаевым мы познакомились еще на аэродроме "Шереметьево", с советской стороны железного занавеса. Меня там очень тщательно и настойчиво обыскивали таможенные умельцы, так что это даже привлекло внимание других отъезжающих и провожающих. Сперва обыскивали публично, потом пригласили в отдельное помещение. Думаю, подозрения я вызвал у таможенных хитрецов своим ничтожным багажом. Все ехали в "новую жизнь" с горой чемоданов, баулов, мешков, ящиков, а я - с двумя небольшими сумками искусственной кожи

и плетеной корзинкой из-под крымского винограда, в которой сидела моя кошечка Кристенька. "Это - все ваше богатство? - спросил меня насмешливо молодой таможенник. - Молодцы!"

Когда самолет приземлился на венском аэродроме, нас встретил представитель израильского учреждения. Увидав мои небольшие сумочки и плетеную корзинку, он сказал в том же тоне и теми же словами: "Это - все ваше богатство?"

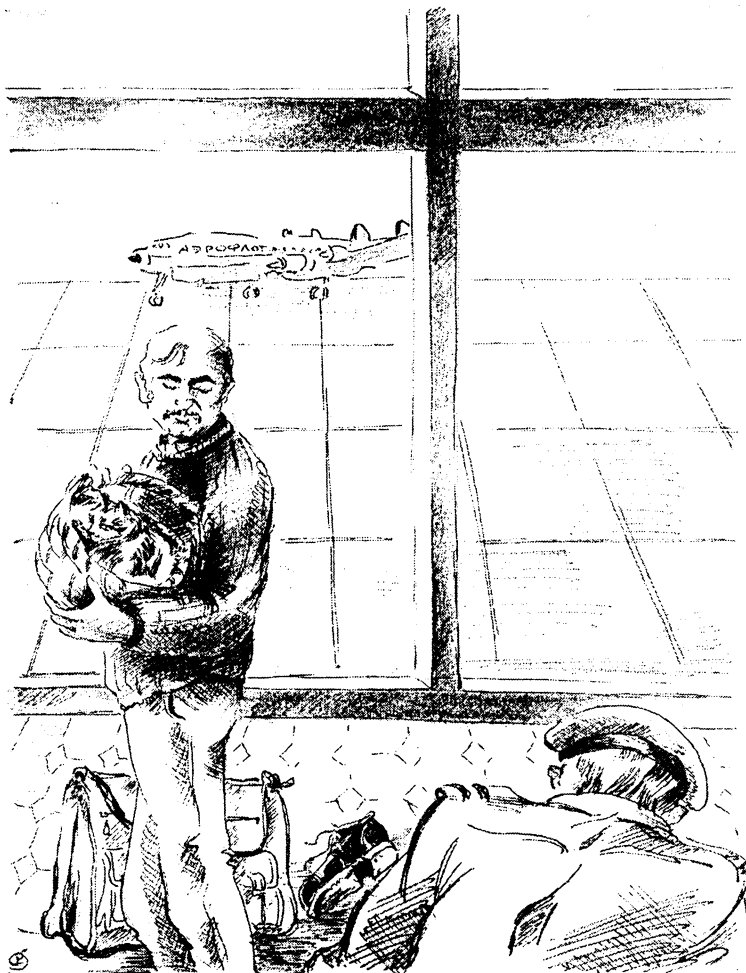


рис. Ольги Юргенс

Молодцы!" Однако, до этого счастливого момента еще предстояло попрощаться с "родными местами".

Есть лица, которые видишь недолго, а запоминаешь навсегда, лица-символы. Задолго до того, году в 60-м, поехал я автобусом из Киева в Бердичев к родичам, несколько передохнуть от своей штормовой полуголодной жизни среди тарас-бульбовцев и тарас-бульбовских Янкелей. Красивые, скажу, места, красивая дорога. По обе стороны шоссе - лесочки, холмики, поля, пасется скотина, вода журчит в речках и прудах, воздух опьяняет, птицы веселят. Сейчас эти места загрязнены, отравлены Чернобылем, а тогда одним своим видом исцеляли нервы, раненные в рыцарских боях с пастухами и мельницами. Я видел рисунки детей, переживших Чернобыль. Что-то в них общее с рисунками детей Холокоста, что-то роковое, какое-то великомученичество, но бытовое, привычное. Жаль, что когда по этой красивой, богатой местности рыскали в 41-м году немецкие зондеркоманды, перед здешними украинскими обитателями не возник призрака Чернобыля, массового слепого несчастья. Может, задумавшись о своей грядущей беде, не радовались бы чужой и не соучаствовали бы в ней с таким рвением.

Мне эта радость хорошо известна, причем из первых рук. Антисемитизм - антисемитизмом, но служилое еврейство, тарас-бульбовские Янкелы, могли укрыться от него за стенами своих дач, в глубине своих квартир, а то и замаскироваться всяческими "-измами". Я же был один на виду, и потому служилое еврейство меня так не любило и по-прежнему не любит: я их демаскировал, и из-за меня они могут пострадать.

В детстве, где-то в 12 лет, пришлось мне напрямую столкнуться с такой нелюбовью, преследуемому погромной радостью славянских деточек. Они совершенно по-палестински начали забрасывать меня камнями. Мой товарищ пришел мне на помощь. Я тогда занимался спортом, который хоть как-то, наподобие крещения, увеличивал шансы равенства. И вот, вдвоем с приятелем, мы этих славянских палестинцев отогнали негуманно, по Моисееву закону: око за око. Но поскольку численное преимущество было все-таки на стороне славянских палестинцев, мы вбежали на крыльцо какого-то дома, одноэтажного, помню, с занавесочками, и за занавесочками даже бутылки наливочки. Чтобы сзади не зашли, не обошли с тыла, вбежали. И тогда открылась дверь и выглянуло лицо. Я даже не понял тогда и не помню теперь - мужское или женское. Как говорят и пишут в прессе, "лицо еврейского происхождения". Оно отворило дверь не для того, чтобы впустить нас и спасти от града камней славянских палестинцев. Оно произнесло почему-то в третьем лице: "Пусть эти мальчики (то есть я с приятелем) уйдут. Тогда те тоже уйдут".

Видел я пакостные лица стукачей, провокаторов-хулиганов, антисемитов высшей пробы, но хуже этого "лица еврейского происхождения" из детства моего в проеме двери - не видел. Коллективное лицо. Кого только нет в этом лице. Разнообразные ипостаси от бердичевских обывателей до израильских "прогрессивных" политиков. Это лицо - худший и позорный продукт несчастной еврейской истории. Разнообразен и диапазон борющихся за свои права - от тех, кто бросает камни, до тех, кто пускал газ в камеры или стрелял в Бабьем Яру.

Но не от борющихся за свои "права" главная угроза. Врагов можно пережить, отбросить, уничтожить. В конце концов, враги - это наружное. А как избавиться от своего "лица"? Много подобных "лиц" видел я в моей киевской жизни. Чтобы передохнуть от этих "лиц", созерцал я в далеком шестидесятом еще не отравленную Чернобылем чудную местность: поля, леса, холмы, речки. На остановках пил колодезную воду и на скудных свои "гроши" покупал пахучий ржаной сельский хлеб. Но на обратном пути имел с собой сумку с продуктами, подаренную тетками. Коржики, банку гусиного жира со шкварками и жареным луком, банку свежесваренного варенья из крыжовника и, конечно же, "кухгочку".

Приехал на конечную киевскую остановку в задумчивости, размышляя о своем будущем. Вышел - сумку оставил в автобусе висющей на крючке. Минут через двадцать спохватился, бросился назад. Автобус еще стоял на том же месте.

- Сумка тут висела! Сумку забыл!

- Шо? Не бачив.

И другой, рыжий, веселый:

- Вин по-українски не разуме? Вас зогст ду?

Есть такие рыжие славянские типы с еврейским оттенком. Наверное, выкресты в каком-то поколении. Они-то - особенно яростные. Но "кухгочку" любят. Он-то, наверное, кухгочку и поел. До сих пор жалко! Коржики, варенье, гусиный жир, "кухгочка" - усэ украинци поили. Помню я тебя, ненько! "Чуден Днепр при тихой погоде".

"Жидов расхватили по рукам и начали швырять в волны (то есть в "чудный Днепр" - Ф. Г.). Жалобные крики разда-

вались со всех сторон. Но суровые запорожцы только смеялись, видя, как жидовские ноги в чулках и башмаках болтались в воздухе". Такое вот гоголевское вдохновенное описание казачьей гулянки, такое казачье волчье веселье. Думаю, попади в хищные казачьи руки апостол Андрей, еврей из Вифании, то и его бы швырнули в "чудный Днепр".

А либералы? Булы и либералы. Сам Тарас Бульба слиберальничал, спас Янкеля, выкупившего прежде тарас-бульбовского брата Дороша из турецкого плена за восемьдесят цехинов. "Жиды будут всегда время повесить, когда будет нужно. А на сегодня отдайте его мне, - сказавши это, Тарас повел его к своему обозу, возле которого стояли казаки его. - Ну, полезай под телегу. Лежи там и не пошевелись. А вы, братцы, не выпускайте жиды". То есть, этакое запорожское подтележное гетто.

Так путем тарас-бульбовского искусственного отбора создавалось тринадцатое колено Израилево - нынешние еврейские миролюбцы, прогрессисты, интернационалисты и прочие "полезные евреи". Все из колена Янкеля, все они вышли из под гоголевской телеги. Но панически суеверный страх свой перед антисемитами взяли с собой. Слово "жид", а тем более кобзаревское "жидюга" загоняет их души в ячичники, а иной раз - и вовсе гонит вон из тела. Кто бы они ни были, какие бы высокие орлиные или львиные должности ни занимали, страх перед словом "жид" великого ли кобзаря, последнего ли мелкого пропойцы не оставляет их.

"Я по национальности не еврей, я по национальности интернационалист". Если так мог сказать Троцкий, этот лев с орлиными крыльями, энергия и талант которого восстановили в 1918 году Россию и ее развалившуюся опору - армию, то что говорить о мелких еврейских "интернационалистах". На Украине, этой исторической родине колена Янкеля Подтележного эти интернационалисты особенно препаскудны и сердиты на тех, кто, по их мнению, антисемитов раздражает и возбуждает. А я антисемита всегда особенно возбуждал и раздражал, даже того не желая, своим видом и существованием. И эти Янкелы Подтележные меня особенно не любили, да и теперь не любят.

Я думаю, что антисемиты меня особенно выделяли и не любили по той причине, по которой черти не любят художников, изображающих их. Эта тема проходит в "Портрете" Гоголя, это - тема Врубеля, которого черти довели до сумасшествия. Изобразить черта - значит понять его. А понять - значит преодолеть. Антисемит ведь тоже труслив, как черт, боится заклатья. Особенно же знаком мне украинский подвиг антисемита, среди которого вырос. Понимаю его внутреннее устройство и могу влезть под его свиную кожу.

Последний привет получил я от украинского антисемита в 1964 году уже в моей московской эмиграции, когда "Юность" опубликовала мой рассказ "Дом с башенкой". В подробном предисловии от редакции было сказано о моей работе в Кривом Роге, а потому именно от криворожского казака пришло письмо в "Юность". Он и в "Правду" тоже написал. Не помню фамилии криворожца. Но помню - с родовитым украинским бубликом на хвосте, какой-нибудь "Зубенко".

Такова была чертова злоба громадянина "Зубенко", что даже издавшие виды зав. отделом прозы М. Озерова и присутствовавший в редакции писатель Борис Балтер ужаснулись этому антисемитскому бешенству в мой адрес. Перевернув место моей бывшей работы, "Зубенко" утверждал, что знал меня, сопровождая это утверждение руганью на грани бандитской петлюро-бендеровщины. Я знал других подобных, но "Зубенко" не знал. А жаль, пригодился бы для лекции. "Зубенко" писал-доносил, что я сбежал с шахты, и хорошо бы, чтобы умелый журналист "копнул" мою подноготную. Это "копнул" я запомнил.

Я работал на руднике имени Розы Люксембург, "Зубенко" же называл совсем другое место, в котором я никогда не был. Во время аварии, чудом уцелев, я повредил ногу, и медкомиссия обязала начальство предоставить мне работу в конструкторском бюро или в управлении. Но, поскольку начальство держало эти места для своих, мне предложили подать заявление об увольнении по собственному желанию.

Так я оказался в Киеве с трудовой книжкой, но без работы. Так. А не так, как ты написал, громадянин криворожский казак "Зубенко", поганый хохлюга! Все "гукалы" в виршах великого кобзаря или в писаниях "Зубенко", "шо вильну украинску землю" жидюги поработить хотят. Все думали и думаете, что Бога нет, который все видит и слышит, а есть только поп в церкви. И знамение Божье, первый звонок черновыльський прослушали. Непотребна ваша земля. Еште на ней галушки с черновыльської радіацією. А не поймете Божьего предупреждения, не миновать вам участи Содомы и Гоморры.

Слово "жидюга" тринадцатое колено воспринимает с привычным устоявшимся трусливым чувством как данное и должное. Но слово "хохлюга", думаю, особенно испугает и по-интернациональному возмутит. А что ж так, Янкели и Янкелихи Подтележные? В жестокой словесной войне то и другое слово содержит в себе фольклорный украинизм, то и другое связано с украинским бранным обрядом: в виршах ли великих кобзарей, в антисемитских ли панегириках великих повествователей, в частных ли письмах, книжечках и брошюрках антисемитской мелкоты. А мышление великих и мелких, их уровень проповедуемой христианской морали, уровень гражданской честности совпадают.

В современной антисемитской брошюрке некоего Б. Зубенко "Украина, кто нею правит и хочет править" утверждается, что евреи помогали полякам и русским поработать Украину. В другой подобной брошюрке утверждается, что само слово "еврей" насильно навязано русскими, тогда как по-украински правильно говорить "жид", производное - "жидюга". Б. Зубенко и ему подобные нацисты-письменники и нацпрохвессора - из тех, кто с собачьим рвением помогал превращать Украину в колониальный немецкий протекторат, а украинцев в крепостных для свиноферм немецких "панів".

Однако, так силен фольклорный антисемитский жар про "жидюг", что это игнорируется, и не менее девяносто процентов стоит за такими паршивыми книжечками и брошюрками, тем более, согласно свободе печати, широко распространяемыми на книжных развалах современной Украины "вид Киива до Лубэнь".

А обижающимся украинским интернационалистами, если таковые имеются, скажу: обращаетесь не по адресу. Обращайтесь к своим братьям и сестрам. Пока будут у них "жидюги", будут и "хохлюги". По крайней мере, у меня, ибо одностороннего гуманизма и интернационализма не признаю.

А ты, "Зубенко", сколько ни показывай свои зубы, а не укусишь больше безнаказанно, не растерзаешь в богданхмельницких и прочих своих стаях. Зубы уже частично потерял. А будешь яриться - и остальные выбьет Божья рука. Ведь что такое Чернобыль? Это форма слепого геноцида против всех. Но и против тех, кто радовался геноциду, думая что такое несчастье их постигнуть не может. Страшно проклятие против человека, еще страшнее против народа, но самое страшное - против Земли. Двадцать тысяч лет, а может, и более будет отравлять Землю черновыльська радіація.

Пример нелюбви к своей родине показал равноапостольный Данте Алигьери. У немецкого поэта Эммануэля Гейбеля:

"Видишь - Данте Алигьери, побывал он в безднах ада,
На челе его высоком - гнев и горькая досада.

Столько ужасов он видел, столько скорби душу гложет,
Что, наверно, улыбаться никогда уж он не сможет".

Дант, услышав, обернулся: "Разве нужно непременно,
Чтобы позабыть улыбку, опуститься в мрак геенны?

Все, что пел я, все страданья, боль и ужас нашей жизни,
Видел я на этом свете, во Флоренции, в отчизне".

(Перевод Е. Эткинда)

Но если можно не любить блистательную Флоренцию, которая, всего-навсего, приговорила заочно Данте к сожжению, а потом выпрашивала его кости у Равенны, то что сказать о Киеве с его Тарас-Бульбами и тарас-бульбовскими Янкелями, по-волосьи убогом Киеве, который годами жег меня на медленном огне! Но сжечь не смог. И костей моих в вязкие кирпичные глины Бабьего Яра не получил. Ни ноги моей, ни костей моих в этой ныне заразной земле не будет. "Эх, танцевала рыба с раком, а петрушка с пастернаком, а цыбуля с чесноком, а дивчина с казаком..."

Жизнь в лицах, история в лицах. По этим "лицам", как по болотистым кочкам - назад в Шереметьево, к таможенному "лицу" по фамилии Маканин. Фамилию я узнал, потому что сослуживец окликнул - "Маканин?" "А?" - и пошел у коллег между делом веселый бытовой разговор. А дело - обыск. Тщательно меня обыскивают, и кошечку Кристенку тоже. "Выньте, - говорит, - ее". Вынул, держу в руках. Она дрожит, боится, а они все прутья плетеной корзинки перещупали, всю подстилку перетряхнули. А между делом про какую-то Нинку-Зинку говорят, да про ихнее застолье. Гуляки, видать. А Маканин из таможни, как мне показалось, действительно на писателя Маканина похож. По крайней мере, внешне, об остальном не знаю. Чего не знаю, говорить не буду. Велел мне снять Маканин (таможенник) туфли. Я стою в носках, а он острой отверткой тычет в каблучки, в подошвы, в подметки. Ну, - думаю, - порвет обувь, босиком поеду "свободу выбирать". Тщательно искал, но ничего не нашел. Однако старание показал нешуточное.

Посмотришь - сквозь железный занавес муха не пролетит недозволенная. Пролетит только дозволенная. А в самолете смотрю - женщина неподалеку выждала немного, пока высоту набрали, и давай золото и драгоценности изо всех мест таскать, укромных и не слишком укромных. Золотые кольца и перстни, драгоценные камни - на пальцы, диадему - в волосы, платиновое ожерелье - на шею. Эх, - думаю, - взыточник ты, Маканин с товарищи. На мне да моей кошечке рвение показываешь. Пропадите вы тут пропадом со своей советской моралью! А я "выбрал свободу".

Когда вместе с другими, "выбравшими свободу", после проверки я направлялся к самолету, подошла ко мне женщина пожилая, а с ней старик, как выяснилось, отец.

- Ух, - говорит, - как вас проверяли. Многие обратили внимание.

А старик спрашивает:

- Извините, пожалуйста, кто вы? Какая у вас профессия?

- Писатель, - говорю.

- Ну, тогда понятно, - говорит старик, - рукописи искали.

- Не знаю, что искали. Рукописи я с собой не везу.

(Часть рукописей вывез президент Профер, но, разочаровавшись в них по совету консультанта своего Соколова, любимца американского славизма, отослал их моим венским знакомым, тем самым, которые рекомендовали меня фонду доктора Фауста. Другую, большую часть рукописей и

блокноты передали мне через Финляндию. Не бескорыстно, конечно, денег заплатить не имел, но отработал натурой - пахал и сеял литературную ниву на барина.)

Старик спрашивает дочь:

- Какие у нас места в самолете? А, извините пожалуйста, у вас? В разных концах? А мы поменяемся, надо держаться вместе. Вы - писатель, а я и моя дочь Мирра - большие любители литературы. Она инженер-экономист, работала на кабельном заводе, и я там же работал в отделе снабжения. Извините пожалуйста, как вас? Это по паспорту, но писатели, особенно, извините, евреи выбирают себе звучные имена. Вы не выбрали? Ну, хорошо. А я Мордухай Файволович Мордухаев.

В самолете Мордухай Файволович с дочерью действительно оказались рядом. Поменялись с какой-то четой, которая рада была покинуть хвостовую часть, где сильнее качало.

- Вы как писатель не должны беспокоиться, - говорил Мордухай Файволович, - на Западе писателей, особенно диссидентов, встречают с распростертыми объятиями. Вы радио слушаете? Солженицын получил многие миллионы долларов и построил себе виллу, Бродский недавно получил полмиллиона долларов, "Премия гения", и купил ресторан. Так и называется - "Премия гения". ("Премия гения" в Америке существует, после Бродского ее получил некий грузинский публицист-диссидент. Кажется, его фамилия - Челидзе.) Конечно, - продолжал Мордухай Файволович, - Солженицын и Бродский многие годы провели в ГУЛАГе. Вы были в ГУЛАГе? Нет? Ну..., - задумался и несколько снизил градус восторга Мордухай Файволович, - все равно все будет хорошо. Главное - чтоб вокруг были хорошие люди. Кто знает, может быть, вам, известному, знаменитому писателю понадобятся такие люди, как я и моя дочь Мирра, замечательный бухгалтер. Вы, конечно, получите большие гонорары, и вам нужен будет бухгалтер.

Известие, что я не был узником, Мордуха Файволовича насторожило, как городничего мелкий промах Хлестакова. А я, признаюсь, начал немного вести себя, как Хлестаков в неких высказываниях и манерах. Потому что при таком долгом и тягостном непризнании и прозябании приятно побыть важной персоной хотя бы перед Мордухаем Файволовичем. Тогда много еще было невостребованных сил, еще не истрачена была и чудная молодая зависть, которая одна может поддержать в тяготах. Хотелось денег с полмиллиона, веночек гения, бронзовый или лавровый, в зависимости от сезона. Зависть - чувство молодое, как любовь. В старости только дураки завидуют, потому что зависть - это дорога в будущее.

О зависти написал роман Юрий Олеся, он так и называется "Зависть". О чем там в подробностях, не помню, но первую фразу помню: "По утрам он поет в клозете". Какой-то "модерный" натурализм. Первая фраза определяет стиль романа, а иногда и его идею. Если бы я писал роман о зависти, то выбрал бы другой стиль. Но вряд ли напишу такой роман, многое из того, что мог бы написать, не напишу. Все-таки, в чем-то "лица" преуспели, много отнято было у меня молодых сил. И потому даже такие явно корыстные поклонники, как Мордухай Файволович были к месту. А Мордухай Файволович имел, безусловно, корыстную цель пристроиться с дочерью возле меня, возле моего успеха, в который уверовал, особенно, когда увидел приглашение в Западноберлинскую академию, которое я ему по-хлестаковски показал, чтобы сгладить некоторое разочарование в отсутствии у меня ГУЛАГ-стажа.

- О, вы там будете на всем готовом, немцы платят большие деньги. Так может мы с Миррой тоже поедem в Герма-

нию? Если вас специально пригласили, так у вас там немало знакомых.

Мордухай Файволович так хотел мне понравиться. Когда железный занавес остался позади, ситуация пока все-таки не менялась. Израильское "лицо" встретило меня кисло, если не сказать - грубо. Увидев приглашение в Западноберлинскую Академию, "лицо" сказала:

- К немцам едете? Кто прислал вам израильское приглашение? Почему вы едете по израильскому приглашению?

- Мне отказали в советском загранпаспорте.

- Каково происхождение вашей жены? - и сделал отметку в списке.

- Извините пожалуйста, что я вмешиваюсь, - сказал Мордухай Файволович израильскому "лицу", - но этот человек - писатель, известный писатель.

- Писатель? - иронично перекосило рот израильское "лицо", - что ж, езжайте с известным писателем в ночлежку, - и подал нам какие-то талоны.

Мордухай Файволович все суетился рядом, не отходя от меня. Перед аэровокзалом нас ждал микроавтобус, и когда я садился в него, то, неловко оступившись, ударился головой о дверной проем. Не то чтоб очень сильно, но ударился.

- Ой вэй! Ой вэй! - крикнул Мордухай Файволович и, подбежав, погладил меня ладонью по ушибленному месту.

Даже дочери, инженеру-экономисту, стало неловко от такого рвения.

- Зачем ты так делаешь, папа? Что значит? Человек ударился.

В ночлежке, то есть в отеле с объявлением об унитазах на туалете и запахом дезинфекции, Мордухай Файволович сказал:

- Мы с Миррой не покинем вас. Мы будем рядом все время. Что это за Европа! Клопы! Как в каком-нибудь Хозрятине. Клопы - это ведь признак некультурности. Культура является определенным показателем степени развития человека. Это слова Михаила Ивановича Калинина.

Он вытащил из чемодана книжку "М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании".

- Мордухай Файволович, зачем вы привезли на капиталистический Запад эту книжку?

- О, это очень дорогая для меня книга. Мне ее подарили в день победы девятого мая 1958 года. А это для меня большой праздник. Мои ордена и медали мне взять с собой не разрешили. А книжку взять разрешили. Я ведь воевал. Смотрите, вот надпись: "Мордухаю Файволовичу Мордухаеву, участнику Великой отечественной войны. Дирекция, партком, профком кабельного завода".

- Где же вы воевали, Мордухай Файволович?

- Где я воевал? В Донской казачьей дивизии.

- Как же вы были в казачьей дивизии, Мордухай Файволович? Двадцать пять тысяч антисемитов!

- Не надо преувеличивать. Среди казаков их не больше, чем среди всех остальных, хотя среди остальных их, конечно, много. Но меня хлопцы любили. Они скакали от Москвы до самого Берлина. И я с ними. Шестого декабря 1941 года мы начали контрнаступление под Москвой. Снег был, мороз. Ох, какой мороз! Немцы были замороженные. Вы видели, как мясники рубят мороженное мясо? Так казаки немцев рубили шашками под Москвой. Вся техника тогда замерзла, а кони скакали.

- И вы, Мордухай Файволович, тоже скакали и рубили?

- Нет, я не скакал. Я ехал на повозке, я занимался снабжением людей и лошадей. Особенно трудно было угодить командиру. Командиры требовали коньяка, а кони лучшего сена. Но рядовой боец, казак, не был привередлив. Был бы сапог вдоволь - он и рад.

- Где же вы доставали самогон и прочее вдоволь, Мордухай Файволович?

- Где доставали? Грабили тоже.

- Да, я читал у Копелева, что в Германии грабили и совершали прочие преступления.

- Какое там в Германии! И в России грабили, и на Украине, и в Польше. Что поделаешь, война. А вы знакомы с Копелевым, - спросил он меня уже иным тоном.

- Нет, не знаком.

- Обязательно познакомьтесь - большой гуманист, борец за права человека.

- Это правда, за права человека они боролись хорошо. Ведь каждый из них - человек. А я за права человека боролся плохо. Вот попал в отель с клопами.

- Да, верно. Европа - и такая некультурность. Возьмите почитайте книгу Михаила Ивановича Калинина. Он очень хорошо рассказывает о клопах.

- О клопах?

- О клопах. Книга эта дорога мне как память о родине. Клопы - это позор. Почитайте, только потом верните.

Память о родине. В эллинском романе родина дается дважды - в результате рождения и - после ее утраты - в результате подвигов, борьбы, терпения. Подвигом считается не только борьба, но и терпение. На первой, данной мне рождением родине, я пережил много таких подвигов терпения, но первая ночь на второй родине была ужасна, и требовала подвига, на который уж сил не хватало.

Воняло дезинфекцией, дуло из окон, за дверью по коридору непрерывное хождение и голоса. А главное, свет погасить нельзя - клопинный зуд становится адским. Особенно этим посланцам ада нравилась младенческая невинная кровь. Погасишь свет - сразу мальчик начинает плакать, зажжешь свет - вереницами выползают из-под пеленок, ползут по горлышку, по личику. Говорят, самый злой - тамбовский клоп. Это те говорят, кто венского клопа не знает. Потому решил свет не гасить. Кошечку Кристеньку, ныне покойную, пусть земля ей будет пухом, клопы не трогали. Но ее после такого перелома судьбы все время мучила жажда и приходилось ходить в конец коридора к умывальнику с кружкой. Среди всей этой ночной суеты, когда становилось поспокойнее, а где-то ко второй половине ночи и вовсе затихли шаги и голоса, я не знал, что делать. Спать, конечно, не мог и ничего серьезного читать не мог. Да и не было ничего с собой. Поэтому начал читать книгу Калинина.

Всякая ситуация требует своих авторов и своих книг. Пошлый и тяжелый фарс свободы, который мне в первую же ночь довелось пережить, как нельзя лучше дополнялся книгой Калинина о коммунистическом воспитании. Читая ее, я почувствовал некоторое облегчение и даже надежду. Особенно, когда прочитал о клопах: "Клопы - это же нетерпимая вещь, это позор, а люди все время задают себе вопрос, каким должен быть человек при коммунизме, каким свойством будет отличаться. (Смех.) Люди разглагольствуют о воспитании детей, а себе в квартире устроили клоповник. Ну что это такое! Разве это культурные люди? Это дворянские тюфяки, сохранившиеся от старого русского обще-

ства. (Смех.)" Цитирую по книге, которую много лет спустя приобрел на "фломаркте" (блошином рынке) в Берлине. На книге овальная печать: "Humboldt-Universitaet Berlin. Bibliothek, Slavischer Institut". Даже указана дата приобретения: 4.11.1971. Печать перечеркнута накрест коричневым. Безусловно, после утраты ГДР-овской родины выброшена, подобрана старьевщиками и приобретена мной за марку.

Я так много останавливаюсь на этом эпизоде, потому что именно он дал мне толчок написать эти мои эпистолии. Идея давно мелькала, написать о первой осени на Дунае и связанных с ней мыслях и чувствах. Но все не мог собраться. Тайна творчества, как всякая тайна зарождения во второстепенном, иногда до смешного второстепенном. Увидел Лев Николаевич Толстой сломанный куст репейника, и возникло желание написать о Хаджи-Мурате.

Тему борьбы с клопами Михаил Иванович Калинин затронул среди прочих в своем докладе на собрании партийного актива Москвы второго октября 1940-го года. Время было перестроечное. Приходилось перестраиваться на дружбу и союз с бывшим идеологическим врагом. К приезду Риббентропа разыскивали на Мосфильме красное знамя с черной свастикой в белом пятне, которое до того использовали в антифашистских фильмах. В кратком философском словаре под редакцией евреев-активистов Юдина и Розенталя, выпущенном весной 1941-го года, есть понятия "троцкизм", "бухаринцы", но нет определений "нацизма", "фашизма". И сразу после "антипода" идет "антитеза", а определение "антисемитизма" отсутствует.

Дружба-то дружбой, мир миром, но даже последнюю бабу на базаре тогда тревожила угроза войны. Люди покупали в запас спички и мыло, пока еще было возможно. И не прибер ли Калинин к аллегории, говоря так много о борьбе с клопами? Почти следом за антиклопинными тирадами он говорит о "нынешней сложной международной обстановке": "Наш народ должен быть особенно собранным, подтянутым и напряженным в своей бдительности, чтобы наше социалистическое государство готово было встретить любую неожиданность, всякую случайность. В эту точку должны бить все наши общественные организации, литература, искусство, кино, театр и т. д. Это и будет, товарищи, действительно выполнением воли партии, указаний товарища Сталина и заветов Ленина по коммунистическому воспитанию масс в данный исторический период (бурные аплодисменты, все встают, возгласы "Ура!", возгласы "Да здравствует великий Сталин!")".

За чтением М. И. Калинина провел я первую ночь на Западе. А утром сделал первую свою на Западе покупку. У настоящего австрийского мясника с лицом из розового фарфора купил немного колбасы, говяжьей печенки для Кристи и булочек.

Так началось мое возвращение. Главный мотив в "Одиссее" Гомера - возвращение. Ибо, в отличие от модернистского романа, в эллинском все может изменяться, кроме цели и чувств.

(Продолжение следует)

РУССКОЕ РАДИО

106,8 FM

ежедневно

с 19 часов SFB 4 Multikulti. 106,8

ДВАДЦАТЬ ДВА

Общественно-политический и литературный журнал



Подписка: "22", Р.О.В. 44050, Tel-Aviv 61440, Tel.: 03-39 45 25

Беседы с Ефимом Эткиндом



Nature morte
В ВЕНКЕ ИЗ ЖИВЫХ СЛОВ

Фридрих Горенштейн

Горенштейн и Эткинд в Париже
фото: ©Lommatzsch

Nature morte - натюрморт - по-французски - неживая природа. Есть и немецкое определение натюрморта: Stilleben - тихая жизнь. Второе, немецкое, определение мне ближе. Однако, оба с разных сторон утверждают нечто противоположное некрологу: nekros - мертвый, logos - слово. Статья о смерти кого-либо, содержащая сведения о жизни и деятельности умершего. Статья, согласно определению жанра "некролог", написанная о мертвом, пахнущем ладаном, мертвыми словами - словами кладбищенского славословия и церковного благовещения над гробом или урной.

Но я не хочу говорить о Ефиме Эткинде мертвыми словами. Есть красивые бумажные цветы для мертвых, но есть и красивые искусственные слова для мертвых.

Никто не знает, как далеко уходят от нас те, кто нас покидает, навсегда застывая в памяти картинками неживой природы или тихой жизни без слов. Вход оттуда сюда закрыт, и никто о том рассказать не может. Но вход отсюда туда открыт постоянно, значит, открыт он и мыслям в духе и во плоти - то есть живым словам.

Древние греки называли место, куда от нас уходят те, кто нас покидает, Елисейские поля, Elisium, где цветет вечная весна, веет вечно прохладный Зефир, нет забот и раздоров. Наверное, потому парижане, до чванства гордящиеся своим городом, назвали главную парижскую улицу этим гомеровским именем.

Я неоднократно встречался с Ефимом Эткиндом в Париже, но если и гулял с ним на Елисейских полях, то вряд ли мы беседовали там, как случилось нам беседовать в местах иных - с заботами и раздорами.

Слишком светливы парижские Елисейские поля, слишком кокетливы, как накрашенная красавица, слишком требуют внимания к своей внешности и отвлекают от дел превратных и личных.

Отношения людей, особенно близких и нужных друг другу, при всех заботах и раздорах, а может быть, благодаря им, имеют свой сюжет, так же, как в романе или ином художественном жанре. Есть исходная точка сюжета, и есть его финал. Именно такие две точки нашего с Ефимом Эткиндом сюжета хочется мне кратко сейчас вспомнить.

Исходная точка в Вене, осенью 1980 года. Я жил тогда в пансионе на Кохгассе. Это были мои первые дни на Западе. Вдруг мне, расстроенному переменами, непривычной, не-

знакомой и даже разочаровывающей заграничной жизнью, позвонил по телефону Ефим Эткинд. Я услышал молодой, полный уверенности голос. Позвонил и сразу передал мне часть этой своей уверенности, в которой я так тогда нуждался. А минут через десять Ефим Эткинд уже стучался в дверь моей комнаты, потому что жил недалеко - в одной из квартир Венского университета, в котором читал тогда лекции. Это и на вид был крепкий, веселый, еще не старейший, лет пятидесяти (на самом деле - шестидесяти двух лет) человек в спортивном костюме и кедах, ибо совершал утреннюю пробежку и гимнастику. Содержания беседы не помню, но если говорить о моей биографической жизни, то эта исходная точка нашего с Ефимом Эткиндом сюжета безусловно была важна для моего нового биографического времени.

И вспоминаю последнюю встречу у меня на квартире в Берлине осенью 1998 года. Я по просьбе Ефима читал финальную сцену "В книгописной монастырской мастерской" из моего многолетнего труда "Драматические хроники времен Ивана Грозного". Ефим остался очень доволен финальной сценой. Я помню его слова: "Хорошо, очень хорошо." Был доволен и я. Не то, что бы я был ориентирован на чужое мнение, зависим от чужого мнения. В целом я хвалю и ругаю себя сам. Но в данном случае был многолетний, давящий на меня одного труд, и был Ефим Эткинд, вкусы которого я, несмотря на те или иные разногласия, высоко ценил. Потому так обрадовала меня его похвала и даже подумалось: теперь и Ефим взял на себя тяжесть многолетнего моего труда, облегчая мне ношу.

Я пишу "Ефим", ибо сам Ефим Григорьевич попросил так себя называть, хоть нас разделяло солидное временное пространство. А теперь нас разделяет и солидное географическое пространство. Где эта земля Элизий - Елисейское поле Гомера? Если верить Гомеру, то на западном краю Земли, на берегу реки Океан. И теперь уж придется беседовать Ефимом Эткиндом только там, на гомеровских Елисейских полях. Эти беседы нужны мне, ибо уход Ефима Эткинда из наших краев - большая для меня личная потеря. Но уверен - они нужны и Ефиму, ибо ему скучновато там, в своем нынешнем блаженном существовании, и он жаждет новых забот и новых раздоров. Поводов для таких забот и раздоров предостаточно. И материала тоже. Ибо Ефим Эткинд оставил нам свои книги, подобно тем ушедшим, с которыми наши беседы не умолкают. Книги - это слова, слова - это беседы, а беседы - это жизнь.

Поэтому я не говорю "прощай", как принято писать в некрологах. Нет никакой разлуки, будем, дорогой Ефим, и далее беседовать, а значит, и далее жить вместе. Теперь уже в новом веке и новом тысячелетии.

Берлин, 01.01.2000

Речь в Гейдельберге

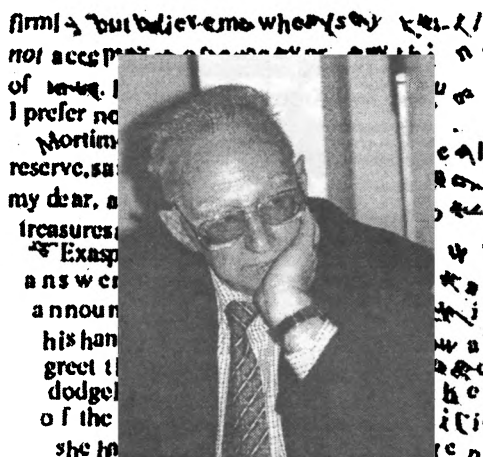
Борис Хазанов

Борис Хазанов родился в 1928 г. в Ленинграде, изучал классическую филологию в Московском университете. На последнем курсе был арестован по обвинению в антисоветской агитации, приговорен Особым совещанием к 8 годам заключения в лагере. После освобождения окончил медицинский институт в Калинин (ныне Тверь) и работал врачом в деревне и в Москве. Кандидат медицинских наук. Был долговременным сотрудником подпольного самиздатского журнала "Евреи в СССР". Под угрозой повторного ареста эмигрировал в 1982 г. из СССР в Западную Германию. В 1984-1992 гг. редактировал журнал "Страна и мир" (Мюнхен) и был его соиздателем. Автор статей, новелл, романов, опубликованных в России, Германии, Франции, Италии и США. Член интернационального ПЕН-клуба. Живет в Мюнхене.

От одного старого сидельца я слышал, что в двадцатых годах известная всем Бутырская тюрьма, чье древнее название так же неотделимо от Москвы, как Большой театр, как Чистые Пруды или Тишинский рынок, была премирована на международном конкурсе пенитенциарных учреждений за образцово поставленное хозяйство. Сейчас тюрьма пришла в упадок. Железные лестницы, железные воротники на окнах проржавели, в коридорах валится с потолка штукатурка. В переполненных камерах невообразимая грязь. На ремонт нет денег. И можно понять ностальгические чувства, с которыми старые надзиратели, если они еще живы, вспоминают золотой век благополучия и порядка. Можно представить себе, как они говорят: а люди? Какие люди у нас сидели! Не то что нынешняя сволота.

В мое время порядок еще сохранялся. Никакой связи с внешним миром, ни газет, ни радио; самое существование застенка было окутано глубокой тайной. Но зато тюрьма располагала превосходной библиотекой. Непостижимым образом в абсурдном мире следователей, ночных допросов, карцеров, фантастических "дел" и заочных судилищ сохранялись реликты старомодной добросовестности. Раз в две недели в камеру спецкорпуса входил библиотекарь. Арестанты могли заказывать книги по своему выбору.

Из обширного ассортимента наказаний, какой могло предложить своим обитателям это учреждение, худшим было лишение права пользоваться библиотекой. К счастью, следователи прибегали к нему нечасто. Возможно, они не могли оценить его действенность, так как сами книг не читали. Нетрудно предположить, что в эпоху расцвета тайной полиции, в те послевоенные годы, когда страна испытывала особенно острый недостаток в тюремной жилплощади, в нашем корпусе, битком набитом студентами, врачами, профессорами, евреями и тому подобной публикой, библиотека не могла пожаловаться на недостаток читателей. Бывало так, что заказанного писателя не оказывалось на месте. Библиотекарь приносил что-нибудь выбранное наугад им самим. Это могли быть совершенно необыкновенные сочинения, диковинные раритеты, о которых никто никогда не слышал. Попадались даже, о ужас, сочинения врагов народа. Имена, старательно выскобленные из учебников литературы, писатели, одного упоминания о которых было дос-



She had no...
Mortimer was a...
extreme...
practicality and...
always with...
had decided...
from the...
later he...
him to...
law student...
Maggie but...
Maggie! Mortimer...
and he...
and you...
and his...
to know...
on her...
wrenched...
hand...
much force...
who had...
called...
ostensibly...
necessary...
cheek...
John...
door...
for the...
is wrong...
leave...
I would...
Mortimer...
for her...
"doesn't...
to become...
"She's...
what she...
world."...
John took...
"We've...
Morty and...
must ask...
You're...
patient...
one day...
And...
Not even...
John had...
time and...
Not even...

таточно, чтобы загнать туда, где обретались мы, и... получить возможность их прочесть. Тюремная библиотека пополнялась за счет литературы, изъятых при обысках и конфискованной у владельцев. Книжки отправлялись в узилище следом за теми, кто их написал.

Дожив до двадцати одного года, я многого не удосужился прочитать. Я не читал даже "Братьев Карамазовых". Теперь их принесли в камеру, два тома издания 1922 года, перепечатка с дореволюционных матриц. Старомодная печать, старорежимная орфография. Архаические окончания прилагательных. Буквы, вышедшие из употребления.

С тех пор утекло много воды. Достоевский перестал быть в России полузапретным автором, но для меня он так и остался тюремным писателем. Он остался там, в старых изданиях, потому что в новых изданиях я не умею читать его с былым увлечением. Новый шрифт и современное правописание высушили эту прозу, уничтожили ее аромат. Перелитое в новые меха, вино лишилось букета. Я убедился, что печать заключает в себе часть художественного очарования книги и даже нечто от ее содержания; я утверждаю, что орфография и набор составляют особое измерение текста, новый рисунок букв меняет его смысл. Отпечатанный современным шрифтом, классический роман странно и невосвратно оскудевает. Совершенно так же, как женщина, остриженная по последней моде, одетая не так, как при первой встрече, неожиданно теряет всю свою прелесть, таинственность и даже ум.

Est opus egregium sacros iam scribere libros. Славен труд переписчика священных книг. Этот гексаметр начертан над входом в скрипторий монастыря св. Мартина в Туре. "Переписанное вами, братья, и вас делает в некотором отношении бессмертными... Ибо святыне книги, помимо того, что они святы, равным образом суть постоянное напоминание о тех, кто их переписал", - сказано в сочинении гуманиста Иоганна Тритемия, которое так и называется: "Похвала переписчикам".

Быть может, 42-строчная Библия Гутенберга, оттиснутая на станке с подвижными литерами, не вызывала восторга у читателя рукописных книг; быть может, он испытал такое же чувство, как и ученый александриец третьего века, впервые увидевший вместо папирусного свитка пергаментный фолиант. Старый текст в новом оформлении неуловимо изменился.

Я люблю письменность; я люблю типографские литеры. С отроческих лет меня зачаровывала фрактур, так называемый готический шрифт; я разглядывал твердые тисненные переплеты и титульные листы немецких книг, любовался таинственной красотой хитросплетенных, изогнутых заглавных букв с локонами, и с той поры "Фауст" для меня немислим, невозможен вне готического шрифта. В новом облачении пресной, будничной латиницы доктор и его спутники стали выглядеть словно разгримированные актеры; все, что пленяло и поражало воображение, манило и завораживало, как знак Макрокосма, в который впяляется Фауст, сидя под сводами своего кабинета, предчувствие тайны, предвестие истины - все пропало! Трезвость печати уничтожила мистику текста.

Я любил изобретать алфавит, рисовал пальцем в воздухе закорючки и закругления, исписывал бумагу сочетаниями невиданных букв, придумывал надстрочные знаки и аббревиатуры, воображая, что в этих письменах прячется некий эзотерический смысл. И мне казалось, что письмо предшествует информации: не смысл сообщения зашифрован в знаках алфавита, но сами знаки порождают еще неведомый смысл. Отсюда, не правда ли, только один шаг до веры в магическую власть букв, до обожествления графики.

Возможно, - хоть я отлично понимаю, сколько самообольщения скрыто в подобных фантазиях, - возможно,

такое отношение к письменности передалось мне от предков, с младых ногтей протиравших штаны над книгой.

Возможно, я унаследовал эти фантазии от какого-нибудь кудрявого прадеда, похожего на вопросительный знак, седобородого педанта, который водил крючковатым пальцем по строчкам справа налево. Для этого фетишиста книги было бы непонятным противопоставление веры писанному закону, "духа" - "букве", ведь буква - это и есть дух. Вглядываясь в квадратные буквы с заусеницами, читая ученые комментарии и комментарии к комментариям, он погружался в грезы о тайном смысле написанного. Как известно, согласные в семитических языках детерминируют корень, а не гласные, которые чаще всего не пишутся. Гласные оживляют текст, человеческое дыхание дает ему жизнь, подобно тому, как Бог вдохнул жизнь в мертвую глину; до тех пор, пока этого не произошло, перед вами - мертвый код, нежившее тело Адама. Огласовка дает жизнь начертанному, огласовка сообщает словам и фразам разный смысл. Текст построен из букв, как дом из кирпичей, населить его живыми душами - во власти читающего.

В космогоническом трактате Sefer Jezira (Книга творения), который приписывался праотцу Аврааму, но на самом деле сочинен на переломе времен, между крушением Рима и началом Средневековья, сообщается о том, что универсум создан из десяти первочисел и двадцати двух букв еврейской азбуки. Алфавит предвечен, буквы существуют прежде всех вещей и прежде уст, которые способны их произнести.

"(Бог) измыслил их, придал им облик, составил из них слова, взвесил, перемешал и сотворил через них все сущее, а также все, чему надлежит быть созданным".

Но и сам Творец разве не представляет собою сочетание букв? Не следует ли из этого, что буквы алфавита - единственный способ его удержать? Если у нас нет языка, на котором может быть описан Бог, то не значит ли это, что ускользание Бога, небытие Бога - есть всего лишь невозможность сказать о нем?

Буквы суть элементы не только всего, что существует реально, но и того, что существует потенциально; подобно тому, как в алфавите скрыто все мыслимое многообразие текстов, включая те, что еще не написаны, - в нем предопределено, предсуществует все творение. Алфавит - это программа мира. Ибо творение не есть однократный акт, оно продолжается вечно. И вот, дабы приобщиться к акту творения, остается последний шаг: "взойти к Нему", как сказано в XXIV главе Книги Исход, - облечься в четырехбуквенное Имя божества.

Эли Визел рассказывает хасидскую легенду о "господине благого Имени" - Баал Шем Тов, - который решил воспользоваться своей властью, чтобы ускорить пришествие Мессии. Но время для этого еще не пришло, и Баал Шем был наказан.

Он очутился на необитаемом острове, вдвоем с учеником. Когда ученик стал просить учителя произнести заклинание, чтобы вернуться, оказалось, что рабби поражен амнезией: он все забыл. Ученик тоже забыл все, чему научился от мастера. Единственное, что он помнил, были две первых буквы алфавита - алеф и бет. Давай вспоминать дальше, сказал учитель. И они напрягли свою память, двинулись, как два слепца, держась друг за друга, по тропе воспоминаний, и припомнили все двадцать две буквы. Сами собой из букв составились слова магической формулы, и Баал Шем вместе с учеником возвратился домой. Мессия не пришел, но зато они могли снова мечтать и спорить о нем.

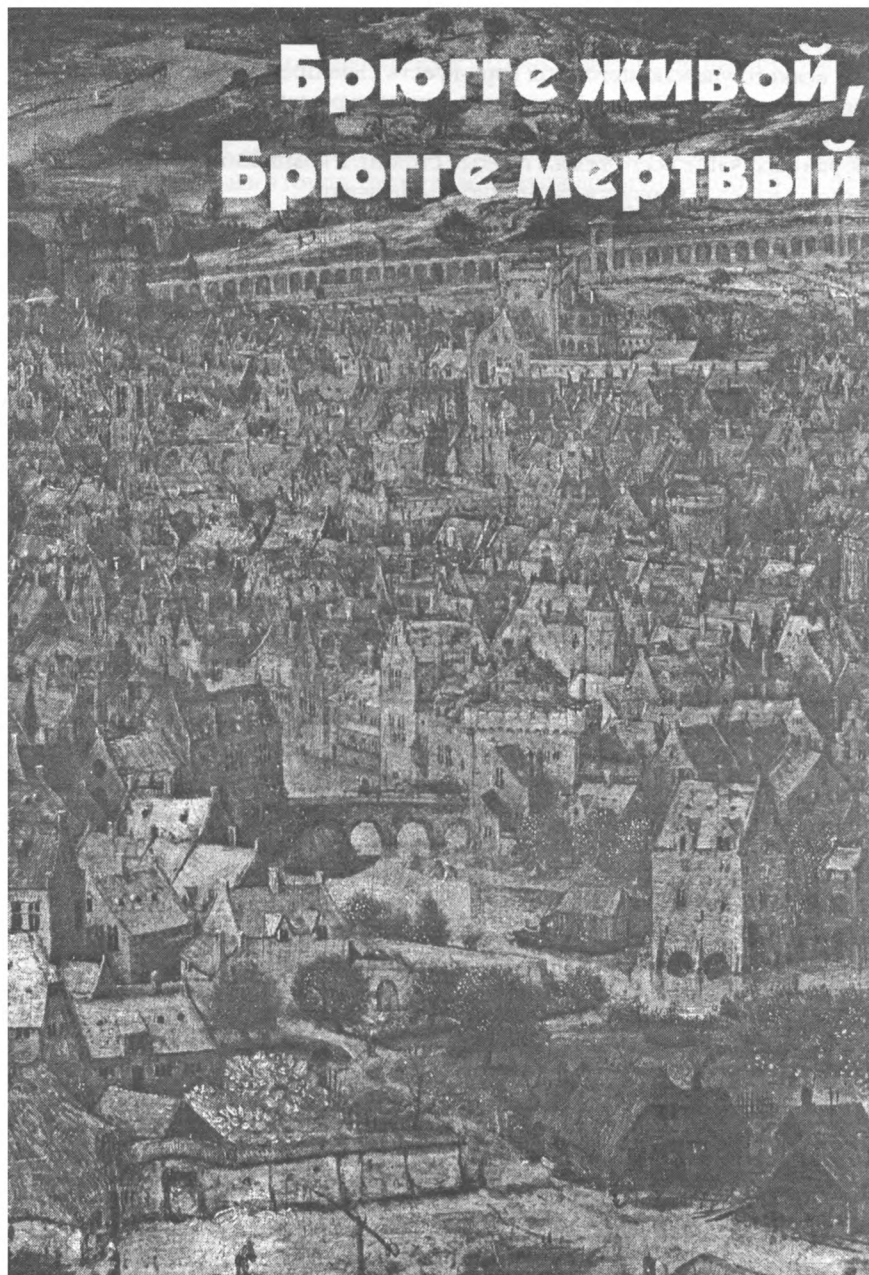
Из фраз и слов, из знаков алфавита построен мир нашей памяти, и буквы на камне, под которым я буду лежать, обозначат нечто большее, нежели чье-то имя, вырезанное на нем.

Михаил Городинский

путешествие с читателем в город-роман

Михаил Городинский родился в 1947 г. в Ленинграде, литературным творчеством занялся в 1966 - 1967 гг. Его первые публикации появились в конце 60-х годов в "Литературной Газете" и "Литературной России", а также в журналах "Юность" и "Аврора". В 1993 г. в журнале "Нева" был опубликован роман М. Городинского "Дети слов", в 1994 г. в Петербурге вышел сборник прозы "Позабудем свои неудачи". В настоящее время печатается в различных периодических изданиях России, США, Франции и других стран. С 1991 г. живет в Аахене.

Peter Bruegel, 1563



Читатель хороших книг если не всегда счастливый человек, то уж наверняка счастливый путешественник. Кайф по карману, маршруты бесчисленны, гиды умны, а то и генialны.

Где тут обстоятельства, в которых он родился, вырос, ушел в читатели и заодно в оппозицию к реальности, где природные свойства его ума и глаза, уже не разберешь. Но к путешествиям и даже просто перемещениям в пространстве, так сказать, реальном, и во времени, что называется, физическом, относится он обычно с ревнивым подозрением, будучи тайно уверен, что ничего стоящего столь резкой перемены образа передвижения на этом свете в общем-то нет. Пускаться в путь за крайне сомнительной ценности фактом "и я там был"? Не достаточно ли того, что там от наших (а именно в такой высокой кампании тайно числит себя данный читатель, и законно), например, Пушкин был? И отчитался, кстати, об итоге путешествия красноречивым резюме насчет меда, пива, усов и пустого рта, - наш читатель растолкует метафору-сигнал однозначно, в пользу сказки, Платона, стула, дивана, а не наоборот, как непременно сделал бы реалист. Не размыкавшись, благополучно круг

замыкается - книгой, где автор уже собрал себе или своему герою в дорогу сундук, саквояж, чемодан или кейс.

Но уж если сойдутся каким-то чудесным образом (что чудо - дитя смятенья и разброда, и настигает оно мгновенно, врасплох, наш русский читатель, конечно, всегда помнит, если даже вдруг и забывает) еще при его жизни дыра в железном занавесе, силы обмануться ее зиянием, время, виза, деньги, тотчас наложится в живом его воображении на географию физическую география литературная. И наконец-то отправится он не столько в пункт "Б", означенный в билете, сколько в прочитанный когда-то роман (рассказ, новеллу). А то и сразу в несколько романов, времен, эпох - тут все зависит от сцепления, совпадения тех двух географий. Положим, Рим, Париж, Лондон, Дублин, Петербург, Москва - столицы в обеих, чего не скажешь о множестве столиц и местностей прочих, - в географии литературной их часто попросту нет. Как нет и в географии физической Скотопригоньевска, Макондо, Чевенгура - вот уж бесспорных столиц литературных. Существой такая наука, и обычные наши географии были бы в ней разделами частными и не более существенными, чем, скажем, картография или топоними-

ка ада, рая, чистилища, графства Йокнапатафа, страны Касталии или планеты Солярис.

У всякого уважающего себя города есть свое предание, оно же приданое. Но *свой* мирового качества роман, хотя бы повесть, да еще с именем города в названии, - богатство избранных, чаще всего тех же гордых столиц, в компанию которых изредка ворвутся какие-нибудь Петушки.

Существует, однако, небольшой бельгийский город и с удивительным преданием, и с необычайно красивым романом. Может быть, единственный в своем роде, он и существует в сознании читателя исключительно, как город-роман: так глубока и неразрывна связь литературного произведения с реальным географическим пунктом. Из подобно упомянем "Медный всадник", "Белые ночи", "Петербург", "Смерть в Венеции", - все, заметим, попались вещи с видом на море, точнее, и что не менее существенно, на реку, впадающую в море где-то неподалеку, на залив, лагуну. Свободная стихия таится за этими медиумами.

Речь же у нас о Брюгге и романе "Мертвый Брюгге". В истории и трагедии этого ныне бельгийского города что-то человеческое, потому так странно живо волнующее. Естественный ход жизни прерывает тяжкая болезнь. Врачи и боги бессильны, исход предreshен, и нет виноватых, и вопрос "почему" гложет в гортани как погибающего, так и сочувствующего. Не забудем, однако, что и смерть - метафора, даже смерть человека.

Тринадцатый век от рождения Христова. Брюгге - резиденция графов Фландрии. Многочисленные привилегии и отпускная грамота, дарующая свободу торговли. Тридцать пять тысяч жителей - город по тем временам очень большой, просто большим считается двадцатитысячный (в огромном Париже проживает восемьдесят).

Фландрия - крупнейший производитель текстиля. Шерсть везут из Англии в порт Брюгге, стоящий недалеко от моря и соединенный с ним судоходными каналами - *грахтами*, приметим это фламандское слово. Высококачественный текстиль поставляют во Францию, Италию, Испанию. В году 1277-м швартуются первые галеры богатейших купцов генуэзских - проложен водный путь через Атлантику, Ла-Манш в Северное море, теперь важнейший в бурно развивающемся хозяйстве Европы. Итальянцы везут в ганзейский Брюгге шелка, кожу, пряности, изделия из золота. Из ганзейского же Новгорода корабли доставляют смолу, известь, воск, меха, нагружаясь в обратный путь шерстью, тканями, солью, железом, французским вином.

Красавец Брюгге богат и славен, в ряду самых именитых он рядом с Парижем и Лондоном.

Но морской песок забивает грахты, и в начале века 15-го город - мы уже читаем роман - "...погребен среди своих каменных каналов, жилы его коченеют, и уже не бьется в них живой и мощный пульс моря."

Над Брюгге висают символы: Время, Неизбежность, Красота, Смерть, Судьба. Идеальный полигон для мистических опытов дожидается своего мага или поэта.

Париж. Начало последнего десятилетия века 19-го. Роман "Мертвый Брюгге" среди бестселлеров. Его автор - бельгиец и парижанин Жорж Роденбах, тридцатисемилетний поэт с четырьмя книжками стихов, прочитан и оценен раньше, чем его соотечественники Верхарн и Метерлинк. Через семь лет Роденбах умрет от чахотки и, деваться некуда, эта ранняя смерть тоже символ: он покидает мир в предпоследний год века, в пору жесточайшего разочарования, пессимизма и усталости европейской интеллигенции. "...Было бы верхом безумия не отдавать себе отчет в степени того упадка, к которому мы пришли. Религия, нравы, справедливость - все разрушено... Общество распадается под напором цивилизации.

Современные страсти, удовольствия, ощущения, вкусы, истерия, неврозы, гипнотизм, морфинизм, политическое шарлатанство, преувеличенное преклонение перед философией Шопенгауэра - предвестники гибели..." (газета "Ле Декаэн", 1886)

Конец века, прозванного Артюром Рембо "тупицей", кажется концом времен. Так уже бывало на этом свете, и так будет, покуда не забудется апокалиптический символ, - мир вечен, и какой-то ведь будет всегда. Вот и мы знаем, что за "тупицей" последовал "волкодав". (И тогда уж фигура оккультиста-любителя: Рембо умирает в год рождения Мандельштама, в том же году пишется "Мертвый Брюгге". Числа: 1, 8, 9, 1.)

Хуго Вьянэ, герой романа, после смерти любимой жены-красавицы бежит из столицы в глушь, в захолустный городок Брюгге, что у Северного моря.

Нетрудно догадаться, что уже движется туда и наш читатель, вооруженный соответствующей визой и тонкой книжкой Роденбаха. Он глядит в окно. Человек вроде бы просвещенный, он сейчас искренне желает поверить, что географическая карта не выдумка учителя географии, и Земля в самом деле кругла. И еще надо расслабиться, забыться или, наоборот, так всецело опомниться, чтобы получить удовольствие, ради которого, собственно... Вот Европа, вот пейзаж, вот уют, вот покой, вот ты, ты едешь в тот самый Брюгге... - вновь и вновь напоминает он себе расклад мгновения, которым надо как-то посчастливее распорядиться. От реальности он умеет только убежать, она всегда неуют и угроза. Потому реальность, на каждом шагу не заявляющая о себе грубостью и угрозой, не возбуждающая того рефлекса побега, никакой реальностью и не ощущается. Так, декорация к милой пьеске, смысла которой никогда не поймешь, но которая все же вызывает на лице нашего подопечного невольную улыбку. Даже померещилось на миг, будто по первоначальной своей натуральной натуре он человек вполне "от жизни", и хроническим читателем стал вовсе не по своей воле, но в силу упомянутой нужды. Но чего только не померещится с первыми сумерками в этих мягоньких прозрачных поездках, вдруг останавливающихся где-то, и через минуту легонько отчаливающих куда-то, способных на перегонах соединять в одну баюкающую сладко подрагивающую, такую вдруг невероятно памятную негу две нигде более несоединимые фундаментальные грезы: о доме и о побеге из дома, ты дома и вместе с домом из дому бежишь...

Оказавшись в Брюгге, ступив в средневековый готический город, после первого обморока глаза, оказавшегося не готовым именно к красоте, или к красоте такого именно рода, наш читатель все же приступает к идентификации города с романом, ему предпосланным. Зачарованный, тоже как будто сочиненный, улочка за улочкой, канал за каналом он идет по следам роденбаховского героя, позабыв номер века. Город истоптан Хуго Вьянэ. Вся книга - его сомнамбулическое блуждание по средневековому Брюгге. Из страницы в страницу, из главы в главу, до наваждения, до звона колоколов в ушах и физического в костях ощущения сырости, сочащейся не то с небес, не то с потолка дивного каменного склепа. Вот цвета романа: серый (улицы), серый (улочки), темный (каналы, вода в каналах), черный (одежды церковников), белый (куколы монахинь), темнокрасный (дома). И низкие тяжелые облака, туманы, дожди, башни бесчисленных церквей, старухи, идущие в церковь или из церкви, мосты, ранние сумерки, пустые улицы, глухие ставни на окнах, дожди.

Автор знал, куда загнать своего сверхчувствительного героя, визионера и мистика. В провинцию, в европейскую глушь, в осень средневековья, в осень, в мертвую и мертвя-

щую красоту города, навсегда застрявшего в своем прошлом. Великолепный резонатор для чувств, воспоминаний об утраченном - любви, красоте, смысле. Густота символов и аллюзий такова, что закон необратимости не выдерживает их напора: из концентрата сумерек, воды, небес, сурового и мстительного католического духа, старинных фландрийских легенд, оплодотворенных меланхолическими грезами и видениями отшельника, является на свет красавица-танцовщица, двойник покойной жены героя. Впрочем, игра еще затайливее: двойник рожден двойником - оказавшись здесь, безутешный еще молодой вдовец, помышляющий о самоубийстве, обнаруживает роковое сходство Брюгге с потерянной любимой. "У всякого города свой дух: радости, счастливой любви, расцвета, усталости, отчаяния или отречения. Стоит встретиться с городом, и его дух входит в тебя." Оспаривать подобное невозможно, потому поищем нашего читателя, возьмем на пробу дух его.

Вот он, на мосту, неподвижен и смотрит вниз. Поза выразительна. Вспоминается средневековый запрет - выходить (выезжать) без нужды из дому; его нарушение сразу вело к несчастью, называвшемуся "начальной бедой". Он облакачивается на каменный парапет, и наша тревога растет. Вытаскивая его из дому, уж такого оборота событий, такого перевоплощения и вчувствования мы все же не ожидали, даже от читателя самого редкостного (кто еще возьмется нынче читать такой роман, дочитает!), даже от последнего. Или на этот раз на излете века смесь меланхолий роденбаховских, красот фландрийских, чудес российских оказалась столь роковой... Он медлит. Моторный ботинок с туристами вылезает из под моста, скребя пузом дно. Осторожно глянув через плечо нашего подопечного в канал, мы обнаруживаем маленьких тенистых рыбок, бесполезной стремительностью напоминающих отчую чухонскую кабзду и старую кинохронику, а также близкое дно. Глубина здесь метра полтора максимум. На душе резко легчает, да и самоубийца, плюнув наконец в воду, - вполне, впрочем интеллигентно, будто на память, - уже идет дальше.

О, броня крепка, и толщиной она с катастрофический век, обучивший его обитателей по крайней мере новочувствию. И дело тут не в цинизме, но в цинизме, что ли, инстинкта, нам - живущим дальше - нас диктующего. Естественный, так сказать, отбор, осуществленный-таки "волкодавом" под культурно-психотерапевтическим девизом "не к сердцу, но к сведению, или чувствовать - или жить", где частным случаем писатель, читатель, художник. Тончайшие переживания, соответствующие страдания (в романе ни тени иронии, гибель от любви и ее утраты была еще возможна, или еще возможно было писать об этом всерьез) фламандского отшельника способны взволновать нынешнего парижанина, фламандца, петербуржца примерно одинаково и едва ли сильнее, чем ужимки Фигаро. Найди, прочти, если до конца осилишь, оцени музейную красоту и... - достанет нынче и тебе, и такому роману! Тем более, что весенний день прекрасен, и мертвый Брюгге, в который заманила нас книга, неправдоподобно хорош собою... Это ли не шанс? Когда еще...

Но похоже, читатель в наших намеках и подсказках уже не нуждается. Его действия свидетельствуют: он и сам начал борьбу за свободу от гнета романа, без спросу город отпавшего. Засунул книжку поглубже в сумку, ускорил шаг, резко свернул за угол монастыря, совершил небольшую перебежку, снова за угол, остановился, огляделся, выдохнул, закурил. Хуго Вяанэ нет. Он остался там, на пятисотлетнем мосту. Теперь надо отлепиться от названия романа, вернее, избавить от него город. Тут ход размышлений довольно прост: мертвый-то мертвый, но ведь жил Брюгге и как-то дальше, как

жили после "смертей" своих Рим, Венеция, Петербург; стал резиденцией герцогов Бургундских, тут писали Ван Эйк, Мемлинг, Давид, а уж нынче... мне бы, по паспорту живо-му!..

Но метафора сильна, сильнее в брэнном мире не бывает. И ее когтями романтическая литература накрепко вцепилась в город, будто знает: такой добычи никогда больше не будет, отдашь, потеряешь - тебе конец.

Мятежник бредет дальше, продолжая свои медитации, и вот - о, чудо очередное! - натывается на небольшой рукописный плакатик, прилепленный к стене таверны. "*Дорогие гости, Брюгге - не мертвец!*", - медленно читает он со словарем, не вполне веря глазам своим. А когда через сотню метров попадается точно такой же плакатик второй, потом третий, читателя, наконец, осеняет догадкой: не он один, но сам город, восстав, борется с мрачной метафорой, будто Каин с божьей печатью! Схватка людей с романом? Жизни - с литературой? Или *за литературу* - ведь из миллионов туристов, ежегодно осаждающих город, о забытом романе Роденбаха, без сомнения, слышали единицы, но второе имя города размножилось в бесчисленных рекламных проспектах, брошюрах, книжках, призывающих некрофилов взглянуть на чудо-мертвеца...

Ну, Брюгге, что еще? Не вывесишь ли ты на следующей стене, на окне или на двери дома счет автору романа за нанесенный моральный ущерб? Или это будет *счет тебе* от Жоржа Роденбаха, которому ты обязан за нынешнее свое благоденствие? Так что же, на сей раз не стихия, как шесть веков назад, а книжица изысканнейших чувств круто изменила судьбу еще несколько десятилетий назад заштатного забытого бельгийского городка? Или хватило одного названия, чтобы туристы, пустившиеся поглазеть на сей прекрасный мир, рванули на звук и сработали на манер королевича Елисея из пушкинской сказки, - так приложились к гробу с красавцем, что тот ожил, окреп и даже вот позволяет себе пописывать всякие двусмысленные плакатики?

Если все это так хотя бы отчасти, то уж воистину никому не дано предугадать, как, когда, где и чем отзовется его слово. Впрочем, об этом мы знали, запуская в путь героя своего.

Он, кстати, заметно посвежел на атлантическом ветру, как-то распрямился, и улыбка на его лице уже не подневольная и пробная, но вполне законная, по праву, отчего с непривычки и кажется несколько глуповатой. Усталого раба чужого вымысла уже нет, перед нами счастливый зевака-турист, желающий за свои кровные получить свое. Пробившись к микеланжеловой "Мадонне с младенцем", замерев на мгновение, он тотчас оживает, глядит на часы и бежит на пристань, в очередь на моторку-ботик. На ней-то, вместе с группой японцев (их обычный каменный восторг, неотличимый от пламенной скорби, выглядит вдруг и уместным, и своевременным), он вскоре и исчезает за поворотом одного из грахтов, разумеется, даже позабыв на прощание помахать нам рукой.

Ольга Мартынова родилась 26 февраля 1962 г. в городе Дудинка Красноярского края. Выросла в Ленинграде. В настоящее время живет во Франкфурте. Стихотворные книги: "Шепот январских садов" в составе сборника "Камера хранения" (Четыре книги стихов), М., 1989; "Сумасшедший кузнечик", СПб., 1993; "Четыре времени ночи", СПб, 1998. Публикации в альманахах и периодике: альманах "Камера хранения", СПб. (в нескольких выпусках), альманах "Незамеченная земля", М.-Пб, 1991, Anthologie "Auf der Suche nach dem verlorenen Leid", Galrev, Berlin, 1994; журналы "Аврора" (Ленинград), "Континент" (Париж), "Сумерки" (СПб), "22" (Тель-Авив); газеты "Русская мысль" (Париж), "Вечерний Ленинград/Петербург". В настоящее время готовятся журнальные публикации на французском, немецком и английском языках. Рецензии и эссе публиковала в газетах "Русская мысль" (Париж), "Панорама" (Лос Анжелес) и др., многие из них были переданы по радио "Свобода". Пишет рецензии на русские книги для немецкой печатной и электронной прессы (DIE ZEIT, Гессенское радио).

Мейринк на озере

Среди ночи ясного неба
гроза над озером встала,
звездную карту чертит
молнией вверх и вниз,
наискосок и влево.

Сквозь снежные покрывала
Альп раскосые лица
почти не видны,
непонятны и смутны.
Мир разъят, грома разят,
капли крупные висят
на краю воздушных сфер.

Ужас в глиняных очах.
Мир - непонятная таблица,
ее столбцы - в других мирах,
в тумане утра, например,
когда чихают, просыпаясь, козы.
Но мы ведь этого не слышим,
мы слышим только ночь, ее непрошенные грозы.

За это в день суда
ночь пролетит над нами,
воротится сюда,
свернет исчирикканное небо в свиточек с письменами,
он уколет глиняное небо,
и встанет, сам в себе неволен,
Голем над твердью тихих волн,
Голем прекрасный над сияньем тихих волн.

Штарнбергерзее, Бавария



прозрачные дома входят друг в друга,
память рисует их нечетко и грубо,
холодное солнце коптит над невой.
все кто умер, пока меня не было дома,
как бы живы. по новенькой мостовой
мимо их домов я не ходила,
я не видела той пустоты,
что стоит наподобие пустоты от зуба.
как летучие мыши висят мосты,
сторожа моих мертвых, холодный чердак
мой город в ноябре. кого я не проводила -
все как бы живы. как бы не так.



BESAME MUCHO

Чисто-чисто вымыта Европа.

Только вчерашний ужас бежит поземкой.

Невидимый ужас - поземкой по тротуарам.

Я смотрю на карту (прошитую частой тесемкой,

Жгутом пограничным), кровью политую даром.

Я смотрю на карту: в мире разума и гигиены

Даже песни поются о разуме и гигиене,

Когда кругом воют сирены, ходят гиены,

На закате белыми крыльями стрекочут сирены,

Спокойными голосами

Зазывая на край Геенны.

Я смотрю на карту: мозаика позднего Рима,

На которой разные звери, сцепившись зубами, сплетаясь
хвостами,

столкнувшись боками, слепившись когтями, рогами -

будто бы неразводимо -

На мгновенье застыли, и так их поймал художник.

Когда этот клубок разлетится, парное мясо

Заполнит водостоки парижа, черепицы марбурга,

площади праги, черную невскую воду:

Тогда разум и гигиена покинут песни,

В заботе о хлебе насущном братья Эрос и Фобос обнимутся:

Целуй меня крепче, в переулках только свист безымянный,
на площадях полно незнамо какого народу, страшный запах
идет из болот, целуй меня крепче, снова придет Петрарка, не-
представимый в гигиеническом рае, снова девы не будут знать,
дождутся ли женихов, а мужья - дождутся ли их их жены,
звенят браслеты на смуглых запястьях, целуй меня крепче.



Вагум Фагин

У перевоза

Ну что там глобус с двойнею Америк?
Как перебраться с берега на берег
реки - на том сошелся космос клином
при немоте доступных смертным карт.
Написан Вертер и изучен Кант,
но нет проводника по нашим глинам.
На берегу тоскует музыкант -

сочувствую его лихой гармонии.
Фальшивит, спьяну. В гене иль в гормоне,
однако, что-то есть такое, право,
родное с ним, что свято берегу.
А он рожден на дальнем берегу
и тоже не отыщет переправы.
Доверься карте, сам себе солгу -

стократ учен, чтоб попадаться снова:
имел поштучного и развесного
довольно
просвещенного обмана.
Ждать от других подмоги - не с руки,
и пропадает время близ реки;
платя его из своего кармана,
я поступаю картам вопреки.

Из рода моего никто не жил в саду,
в диковинных цветах, как в книгах, понимая,
к тому же - на юру, а все же - на виду...
И если я теперь у входа в сад сойду
на незнакомом мне глухом витке трамвая,

то сразу чужака признают сторожа -
кто попадал в беду, не смоем отпечатка,
а может, даже им особо дорожа,
охране бросит смех, бесспорный, как перчатка.
Невидима, лежит во времени межа.

Недружелюбный взгляд почувствую спиной -
лакейская вражда тяжка, неизлечима, -
но женщина теперь пойдет (в саду!) со мной;
я объясню ей, чем хорош пейзаж земной -
и знаю, что уйду, и не важна причина.

Лицо журнала - не обложка,
но текст, оставшийся в уме;
во всем, что пишем, суть - в суме,
отнюдь не в сумме. Дегтя ложка
не портит мненья о зиме.

и белоснежная бумага
таит глубокую черту.
На откровений черноту
решиться - надобна отвага.
Журнал, как белый куст в цвету.

от моего прикосновенья
горит, когда назначен - тлеть,
оттуда - духовая медь
и водопад, рожденный ленью
(а недержанием - на треть).

То, что попало на скрижали,
и что витает в облаках,
синица в снах,
журавль в руках -
белы. Беды не избежали,
все растворяемся в веках.

Пеониг Бергичевский

Из цикла "Берлинские этюды"

Воздух влагой пропитан.
Сырость неумогу.
И дыхания ритм
задохнулся во рту.

Расплескались туманы.
Зябкий дождь моросит.
Бормотаньем шамана
беспокоит бронхит.

Морось кажется вечной.
Силуэтом дома.
В них читается нечто
наподобье клейма.

Может где-то в Ванзее,
Зевс, принявши штурвал,
на людей, свирепея,
непогоду наслал.

А она, как бацилла,
подчинившись ему,
Весь Берлин погрузила
в сероватую тьму.

* * *

Ветер*стонет во дворе неистово
скорость у него недюжинная...
Чайник на плите посвистывает -
зазывает свистом к ужину.

Как уютно здесь в тепле и сухости -
чай с вареньем подают черешневым.
(только форточка бестактно ухает).
Наслаждаюсь с толком жизнью здешнею.

Угощают щедро телевизором -
передача - ясно - иностранная.
Щеголяют лихо афоризмами...
Вот, немного, думаю, застряну я.

...Стены постепенно стали тесны мне,
даже посмотрел вокруг задиристей.
Вроде бы, и люди интересные,
показалось, грипп схватил я вирусный.

Распрощаться следует смиренхонько.
Может поклониться для приличия?
А хозяева мне ахают и охают:
"Ну, куда вам, дорогой, приспичило".

На устах улыбка скороспелая:
"Ветер на дворе еще занозится".
"Нет, спасибо", - вздрогнул ошалело я -
С языка крутое слово просится.

сентябрь 1999 г

январь 2000 г.

Российские гуманитарные науки на смене веков

Игорь Попянский

Тема публикуемой нами статьи М. Свердлова (стр. 49) на первый взгляд - "ученый спор" о древней истории России. Впрочем, круг вопросов, затронутых автором, гораздо шире и представляется нам особенно актуальным в связи с завершением ельцинской эпохи. Патриотизм провозглашен отныне новой российской идеологией. Напомним, что патриотизмом именуется любовь к родине и, прежде всего, ее историческому прошлому, а любовь, как известно, слепа. Вот почему небезынтересно именно сейчас заглянуть в "кузни" национального самосознания - университетские кафедры истории России и поближе познакомиться с "живописцами" прошлого.

Ни для кого не секрет, что во всем мире гуманитарные науки, и в первую очередь, история развиваются в рамках "политической корректности", принятой в том или ином государстве. Так, например, в Германии направление гуманитарных исследований, а во многом и их содержание, определяется Германским Научным Обществом (DFG) или частными фондами и концернами, которые, как, например, Сименс и Фольксваген, финансируют отдельные проекты, причем нередко с дальним политическим прицелом.

Механизм управления наукой доведен в США и Западной Европе до совершенства. Прежде всего это касается ФРГ, являвшейся долгое время фактически оккупированной страной. Главные принципы управления - выдвижение "нужных" и игнорирование "ненужных" тем. В результате "политически некорректные" направления остаются уделом маргиналов. Что же касается тем "востребованных", то благодаря жесткой конкуренции на рынке умственного труда их теоретический уровень повышается, и в конечном счете выигрывает не только государство, но и наука как таковая.

Вопрос о свободе и независимости науки касается, впрочем, не только ее взаимоотношений с государством. Существует еще и внутренняя несвобода науки, подчиняющейся автономным методологическим принципам, категорическому императиву, сломить который извне очень непросто. Именно поэтому власть вынуждена идти на "мирный договор" с научной автономией, влиять косвенно, обходными путями, а не требовать невозможного - откровенной лжи и подлога. Вот почему немецкую научную машину нельзя упрекнуть в систематической фальсификации фактов.

К сожалению, вышесказанное не относится к гуманитарным наукам сегодняшней России, где на фоне давней традиции сознательного искажения реальности, когда дело касалось государственных интересов, наблюдаются весьма опасные тенденции. За исключением некоторых "автономных" областей, таких, как история античности или археология, ситуация здесь строго обратная немецкой: жесткая внешняя зависимость от государства при методологической разнузданности и залихватской внутренней раскрепощенности. Идеальное сочетание для того, чтобы служить любому режиму, причем по первому же зову и без внутренней ломки.

Внешняя зависимость российской гуманитарной науки объясняется помимо прочего тем, что она остается коррумпированной, и те жалкие средства, которые на нее отпускаются, распределяются в интересах академического истеблишмента. (При этом удобным средством борьбы за выгодные позиции стали сегодня взаимные обвинения в приверженности марксизму.)

Причина беспрецедентной внутренней "свободы" многих российских гуманитариев также вполне объяснима. Это,

прежде всего, крах марксистской методологии, на место которой пришла путаная и поверхностно воспринятая эклектика постмодерна. Ученые старшего и среднего поколения, сохранившие ясность мысли и консистентность взглядов, все более оттесняются на периферию, а на первый план выдвигаются перешедшие на рыночную экономику юные дарования с нездоровым блеском в глазах или сенильные фантасты, пытающиеся угнаться за молодежью. При этом последними нередко нарушаются элементарные нормы научной этики. Университетский профессор, посвящающий свой научный труд митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому - только один из многих примеров.

В таких условиях обычными финансовыми вливаниями делу не помочь. Разумеется, повысить уровень жизни научной интеллигенции - одна из задач государственной важности. Иное дело - финансирование новых проектов. Если на российские академии в их нынешнем состоянии вдрут молитвами митрополита, упаси Бог, прольется золотой дождь, страшно даже представить себе, каких монстров они явят миру.

Требуется немалое мужество, чтобы осознать и признать некомпетентность, провинциальность и банкротство российской гуманитарной науки в области теории и методологии. Особенно нелегко это в стране, претендующей на роль супердержавы. Советский миф о "самой читающей нации", о передовой социалистической науке продолжает жить и действовать.

Нередко приходится даже слышать сетования, что "наших лучших специалистов-гуманитариев" якобы переманивают на Запад. Другое распространенное убеждение - на "Западе", в отличие от России, готовят слишком "узких" специалистов. Что ж, с этим нельзя не согласиться. "Запад" достоин сочувствия. Но стоит обратить внимание и на исключительную, чуть ли не метафизическую, "широту взглядов" российских гуманитариев, на болезненно-романтическую склонность к фантастическому синтезу и заманчивым аналогиям, на которые указал в своей статье М. Свердлов, приведя несколько примеров. Остается только надеяться, что когда-нибудь на место саморазрушающего высокомерия в российскую науку придет продуктивная эгоистическая скромность.

А пока что российские ученые, те, что помоложе, щеголяют друг перед другом "новомодными" терминами из области культурологии и структурализма, почерпнутыми из передач радиостанции "Свобода" и давно забытыми на "Западе". Другие - консерваторы - подобные новшества отвергают, а зияющую пустоту заполняют религиозно-культовым жаргоном и холодящими кровь рассказами о масонском заговоре. Есть, разумеется, и такие, которым удастся сохранить независимую конструктивную позицию. Но тем хуже для них - они подвергаются нападкам с обеих сторон.

Одновременно "ширятся" интернациональные контакты, монополизированные все тем же истеблишментом. Международные конференции, проходящие в России, являют собой нередко печальное зрелище. Обмен официальными приветствиями сменяется бесконечными перекурами на лестничных площадках. Во мраке и холоде, в сигаретном дыму российская научная "элита" обрабатывает "западных гостей", пытаясь "сбыть" им наспех составленные несбыточные проекты.

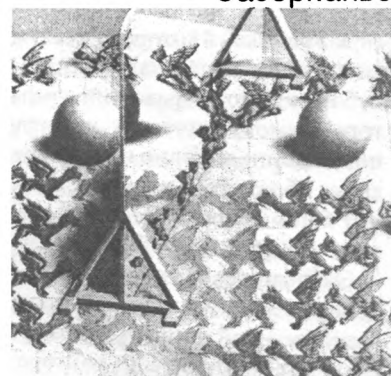
Подобно тому, как "отважный немецкий путешественник" восемнадцатого века Гмелин собирал в России жуков и бабочек - тульскую, рязанскую и подмосковную экзотику - теперь на российский Клондайк неразобранных архивов, в девственные леса нечитанных книг и неразрезанных газет ринулись французы, немцы и американцы. А в качестве ответной любезности русских ученых иногда приглашают на семинары и "workshops", вежливо выслушивают их не всегда внятные доклады и жалобы на тяжелую судьбу.

Печально, но факт: подобно тому, как в области экономики Россия является в основном экспортером материального сырья, в науке она превратилась в экспортера сырья духовного.

Многие российские историки - ослепшие - все еще ковыляют в ночи, ступая неверными шагами за верным, но одряхлевшим псом-поводырем - диалектическим материализмом. Иные - ослепленные - летят на "розовом коне" фантазмагории.

Среди подобных был историк Л. Гумилев - советский Шеллинг (разумеется, меньшего масштаба) - с его теорией

пассионариев и мутаций, заимствованной им у зоолога-натуралиста начала века Четверикова. Я не случайно сравниваю Гумилева с Шеллингом. В свое время Германия пережила расцвет романтической спекулятивной науки и мистики, ярким представителем которой был Шеллинг, когда эмпиризм эпохи просвещения был отринут. Характерно, что этот процесс шел рука об руку с ростом немецкого национализма. Возможно, что Россия переживает сегодня сходный этап. Вот почему нынешние ученые споры о истории России представляют для нас особый интерес.



А. А. Искендеров в зеркале современной российской действительности.

Михаил Свердлов

Михаил Свердлов, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Петербургского филиала Российского Института Истории РАН. Профессор кафедры Русской Истории Государственного Педагогического Университета имени А. И. Герцена. Автор более 160 опубликованных научных трудов.



Говорят, у китайцев есть страшное проклятие, смысл которого следующий: "Чтоб жить тебе в эпоху перемен!". Действительно, в

ло пустились в них плавать. Среди таких "пловцов" внимание привлекает А. А. Искендеров.

А. А. Искендеров прошел все стадии карьеры советского научного работника. И работы он писал "актуальные" - по истории социалистической мысли, по революционным, рабочим и национально-освободительным движениям в стра-

такое время обычно снижается жизненный уровень и обостряется социальное чувство. Значительно возрастает воздействие на общество партийности - приверженности как политическим партиям, так и отдельным "лидерам". За близкими тактическими целями теряются главные, гуманистические и научные, ориентиры, субъективное становится более важным, чем объективное. Некоторые торопятся высказаться, лишь бы "прозвучать", и не слышат друг друга, а кто становится в древнеримскую позу и произносит: "Sic volo, sic jubeo!" - "Я так хочу, так приказываю!". В обстановке крайней политизированности и идеологизированности горе тому, кто попытается разобраться в научной проблеме по существу, называя все имена и факты, не ориентируя полученные выводы на уже заранее сложившееся мнение.

На историческую науку в современной России накатились волны новой партийности. Некоторые из главных редакторов специализированных исторических журналов сме-

Академический журнал "Вопросы истории" не публикует возражений и разъяснений автора этой статьи, а главные редакторы российских "демократических" журналов корпоративно в этом соучаствуют. Поэтому приходится обратиться в независимое зарубежное издание. Может быть, "Зеркало Загадок" отразит "загадки" происходящих событий, оскорбляющих честь и достоинство.

нах Азии и Африки. Так что признанием его достижений в этих научных областях задолго до распада СССР стало избрание А. А. Искендера членом-корреспондентом АН СССР в 1979 году.

Но "года минули". Начался повальный переход партийных и советских функционеров в ряды демократов. Оказался в их числе и А. А. Искендеров. По "лучшим образцам" приватизировал он ведущий журнал российских историков "Вопросы истории", главным редактором которого он к тому времени стал. Разумеется, надо было продемонстрировать и демократическую научную позицию...

Автор этих строк не ставит задачей анализировать ее специально, хотя полезно было бы изучить такое "качание" маятника общественно-политической мысли и практической деятельности в России из одной крайности в другую, в результате чего мы имеем то, что имеем. Автор этих строк попал под такое "качание" А. А. Искендера и был подвер-

гнут "критике", в которой новая партийность заменила объективный научный анализ. А. А. Искендеров, разумеется, не публикует его возражений и разъяснений, а главные редакторы "демократических" журналов столь же недемократично, но корпоративно в этом соучаствуют. Поэтому приходится обратиться в независимое зарубежное издание. Может быть "Зеркало Загадок" отразит "загадки" происходящих событий, оскорбляющих честь и достоинство.

Экспозиция излагаемых здесь событий - в более чем тридцатилетней дискуссии автора этих строк с И. Я. Фрояновым, который прошел за это время все стадии научной карьеры от аспиранта до доктора исторических наук и профессора, а также все этапы административной карьеры - до заведующего кафедрой истории России и декана исторического факультета Ленинградского (ныне - Санкт-Петербургского) университета. И. Я. Фроянов последовательно архайзирует общественный строй Киевской Руси 10-го - первой половины 13-го века. Он обособляет ее от единого пространства средневековой Европы, утверждая, что на Руси существовал тогда общинно-вечевой строй, города-государства, "сходные" с древнегреческими. В таких идеях он полагает свое научное новаторство.

Укажем, насколько эти представления не соответствуют исторической действительности, напомним, например, что Русское государство было органично включено в систему европейских межгосударственных связей того времени, а между Русью и Германией заключались равноправные политические и торговые соглашения, в частности, киевский князь Ярослав Мудрый являлся союзником германского императора Генриха II, а его внука Евпраксия-Адельгейда Всеволодовна была замужем за императором Генрихом IV. Поэтому автор этих строк постоянно критикует подобные суждения, отмечая, что И. Я. Фроянов целенаправленно отбирает и интерпретирует информацию исторических источников в соответствии с уже существующим мнением. Впрочем, И. Я. Фроянов свободно высказывает критические замечания в связи с нашими исследованиями.

Одним из фактов данной дискуссии стала рецензия автора этих строк совместно с членом-корреспондентом РАН Я. Н. Шаповым на очередную книгу И. Я. Фроянова "Киевская Русь: Очерки социально-политической истории" (Л., 1980). В ней соавторы писали, что основные положения книги, мнение о существовании в Киевской Руси городов-государств не доказаны вследствие особенностей авторской методики, включавшей также научно некорректные сопоставления Киевской Руси с племенами и народами на стадии каменного и бронзового века, в более поздние исторические периоды в Азии, Экваториальной Африке, Полинезии, Австралии и т. д.

Казалось бы, последующая дискуссия должна была способствовать дальнейшей разработке сложной проблемы. Но в ход событий включился А. А. Искендеров. Для демонстрации своей новой, теперь "демократической" позиции ему понадобилась защита "мучеников" в советской исторической науке и кара "гонителям". А. А. Искендеров провел так называемый "Круглый стол", на который в качестве "мученика" был приглашен И. Я. Фроянов, тогда как упомянутая ранее рецензия (рецензентом указан только М. Б. Свердлов) на его книгу на том же "Столе" была названа "зубодробительной". Наше письмо в редакцию журнала, где отмечалось, что соавтором рецензии является также авторитетный российский ученый Я. Н. Шапов, а сама рецензия - критическая, но академическая по форме и содержанию (иначе она соавторами не мыслилась), опубликовано в журнале не было вопреки провозглашенным А. А. Искендеровым демократическим принципам (в "цивилизованных странах" такой от-

вет на критику в том же научном издании - обычная ситуация). Что касается И. Я. Фроянова, то он понял - обществу нужны "гонимые", и он эту роль охотно играл, приводя критику его размышлений как доказательство "гонений". Без сомнения, все его сочинения следовало печатать, чтобы они могли стать объектом научного обсуждения (в советский период одна из книг И. Я. Фроянова была задержана для печати, но еще в СССР в 1990 г. она была издана, что карьере его не повредило).

Публикация книги автора этих строк "Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII-XX вв." (СПб., 1996) дала возможность А. А. Искендерову опубликовать на нее рецензию. Эту задачу выполнил археолог В. П. Даркевич². Путаясь в том, что такое историография (история исторических идей) и что такое история (наука о человеческом обществе в прошлом), не учитывая, что тема рецензируемой книги - *общественный строй Древней Руси в русской историографии*, он упрекает нас в том, что "на периферии работы" остались "кардинальные вопросы становления государства у восточных славян, их расселения по Восточноевропейской равнине", "культурологическая тематика", "о христианизации и огромной роли христианства в судьбах Руси не сказано ни слова". Не надо быть историком, чтобы понять, что для историографического исследования данные вопросы являются действительно периферийными. Здесь же, "на периферии", указаны "социальная стратегия", "происхождение и роль городов". В первом случае - это обман, поскольку данная проблема - одна из основных в рецензируемой книге, во втором - тема городов рассмотрена как дополнительная, каковой она пока и является в исследованиях по истории общественного строя Древней Руси.

В жанре заказной очернительной "рецензии" В. П. Даркевич приписывает рецензируемой работе то, чего там нет: "часто анализируются не оригинальные произведения, а используются их пересказы в позднейших историографических штудиях", "конформистская академическая элита, задававшая тон в науке и жившая весьма комфортно, обрисована автором сочувственно" (в рецензируемой книге, "элиты" не "обрисована", а в равной мере анализируются исторические идеи всех авторов; понятия "элиты", употребляемого рецензентом, в книге, разумеется, нет), "Ленин остается для него высшим авторитетом" (в действительности, речь идет о взглядах Ленина на проблему, изучаемую в книге, а они, как известно, значительно воздействовали на историческую литературу советского периода), и т. д., и т. п. В худших традициях фальсификации В. П. Даркевич приписывает автору этих строк чуждые ему мысли, выражения и слова. Рецензенту непонятен основной вывод книги: во все периоды, включая советский, в русской исторической науке изучение общественного строя Древней Руси подвергалось воздействию социально-политических и философских идей, но в то же время разные школы историков расширяли и углубляли изучение древнерусской истории, открывая и исследуя обширные области исторической действительности. Критикуя подобным образом нашу книгу В. П. Даркевич поддерживает в "рецензии" суждения И. Я. Фроянова.

В тех же традициях очернительной "рецензии" В. П. Даркевич не сообщает читателям то, что в рецензируемой книге есть: новые методы комплексного историографического анализа, новые устанавливаемые историографические процессы и факты, использование архивных материалов, изучение кроме русской исторической литературы многочисленных трудов на французском, немецком и английском языках, поскольку русская историческая наука рассмотрена в

книге как неразрывная составная часть мирового историографического процесса.

Пользуясь правом главного редактора, А. А. Искендеров не опубликовал после годичной проволочки наше письмо в редакцию с подробным анализом "рецензии" В. П. Даркевича. В этом отказе проявились не только его авторитарная, недемократическая претензия на слово и мысль и реализация права на дезинформацию в "своем" журнале. В публикации в "Вопросах истории" "рецензии" В. П. Даркевича с вводной и завершающей цитатами из сборника статей "Советская историография" (М., 1996) под общей редакцией Ю. Н. Афанасьева выразилась очередная попытка введения в российскую профессиональную историческую литературу огульного нигилистического подхода к истории исторических идей в советский период вместо ее конкретного научного анализа. Это - новая попытка написания отредактированной истории России и русской историографии с "партийных" позиций в худших традициях сталинской поры с умалчиванием или, наоборот, с абсолютизацией отдельных фактов исторического и историографического процесса. Не в традициях нашей отечественной культуры, после Л. Н. Толстого и А. П. Чехова, такое стремление к однозначности.

Что касается "демократизма" тех, кто называет себя "демократами", вздрагивает и крестится при упоминании Маркса или Ленина (в рецензии, опубликованной А. А. Искендеровым, в числе прочих приписанных автору этих строк идей можно прочитать: "на деле автор пытается оправдать основанный на бесчеловечнейшей из утопий режим"), то им можно порекомендовать учиться реальному демократизму, например, у Социал-Демократической партии Германии, которая, если не ошибаюсь, обеспечивает работу в Трире дома-музея К. Маркса с мемориальной доской, находящегося в центре города на улице им. Карла Маркса.

Но это еще не все грани "загадочной души" А. А. Искендрова. Обличая нас посредством "рецензии" и не давая нам возможности разъяснить читателям "своего" журнала суть дела, он упорно молчит относительно вопиющих событий, происходящих в российской исторической науке.

Доктор филологических наук Ю. К. Бегунов (здесь и далее ученые степень и звание указаны только для того, чтобы отметить профессиональный, а не любительский уровень автора) отмечает якобы начавшийся в XVIII веке натиск в России внешних факторов - масонства, сионизма и социализма. Историю наступления политического сионизма он начинает с некоего "документа", написанного в Константинополе 21 ноября 1489 г., а завершает свой труд чернотелеными стихами Ю. Фанкина: "От моей славянской черной сотни на Руси проляжет белый след"¹³.

Ранее упомянутый профессор И. Я. Фроянов также утверждает, что внешние факторы оказали определяющее воздействие на русскую историю. Чтобы как-то объяснить исчезновение существовавшего, по его мнению, общинно-вечевого строя Киевской Руси с городами-государствами, "сходными" с древнегреческими полисами, он пишет о разрушении такого строя "татарским нашествием". Внешнее воздействие, по И. Я. Фроянову, определяет и дальнейшее историческое развитие России. В своей книге, посвященной "светлой памяти владыки Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского", ученый упоминает, подобно Ю. К. Бегунову, еврейскую общину в средневековом Константинополе и, обобщая "установленные" им результаты деятельности сионистов и их покровителей, пишет: "Удалось ликвидировать две мощные монархии в России и Германии, под обломками которых погибла австро-венгерская монархия. Следовательно, были пущены под откос три империи, стоявшие на пути установления "мировой заку-

лисой" (так! - М. С.) мирового господства. Но наибольший урон, как и планировалось, понесла Россия"¹⁴. В том, что И. Я. Фроянов посвятил свое историко-идеологическое обоснование антисемитизма в России и претензии на антисемитское объяснение всемирных исторических процессов "светлой памяти" иерарха крайне правого экстремистского направления, ничего странного нет, но удивительно то, что такая книга издана под грифом Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации, Санкт-Петербургского государственного университета, Межвузовской научной программы "Исторический опыт русского народа и современность". Поддержано издание государственной Программой "Народы России: возрождение и развитие". Самое удивительное и загадочное состоит в том, что все эти перлы национализма, ограниченности мышления появились в Санкт-Петербурге, созданном Петром Великим как один из символов общеевропейской принадлежности России.

Впрочем, научный руководитель Программы "Народы России: возрождение и развитие" профессор В. Т. Пуляев поддержал "научное творчество" (слова В. Т. Пуляева) И. Я. Фроянова, указывая в частности на исконное противопоставление Запада и России, на ее "вековые национальные традиции, в которых превалируют не индивидуальные, а коллективные ценности, где основополагающей является не частная собственность, разъединяющая людей, а общинно-государственная собственность, способствующая их объединению"¹⁵. "Научное творчество" И. Я. Фроянова поддержал и Ю. Н. Афанасьев. В изданном на грант Фонда Форда ранее упомянутом сборнике статей "Советская историография" указан в качестве научного достижения 1974 года "выход в свет монографии И. Я. Фроянова "Киевская Русь" с новой версией начального этапа российской истории"¹⁶. Но то, что эта "новая версия" (такая характеристика путает научное новаторство с мнимой сенсационностью) представляет собой соединение старых позитивистских, догматических марксистских и сталинских идей¹⁷, читатели не узнают ни из книги под общей редакцией Ю. Н. Афанасьева, ни из рецензии В. П. Даркевича на монографию автора этих строк (см. ранее). Видимо, новая партийность, а потому субъективность и мифологизация научного исследования подвели и Ю. Н. Афанасьева, провозгласившего свою демократическую позицию. Доктор исторических наук В. П. Даркевич и Г. В. Борисевич (ученые степень и звание последнего не указаны в опубликованной ими книге) поддержали реанимированную И. Я. Фрояновым давнюю мысль о древнерусском городе как вечевой общине, дополнив ее идеей о единой для этой общины духовной основе христианства¹⁸.

Впрочем, академик Российской Академии наук А. Т. Фоменко и кандидат физико-математических наук Г. В. Носовский иначе, чем И. Я. Фроянов, оценили значение Ордынского нашествия на Русь. Они считают, что Орда являлась не монголо-татарским войском хана Батыя, а с самого начала была русской по этнической принадлежности и русские воевали с русскими. Вспомнили они и давнюю идею известного народовольца Н. А. Морозова, что Орда - это крестоносцы, захватившие Русь с Запада¹⁹. В развитие такой теории историк Д. Калужный и С. Валянский пишут, что ордынцы были не татары, а тартары - "католические рыцари", которые "с территории Татр сваливались на окружающие народы"²⁰. В своей идейной основе эти теории совпадают с мнением Л. Н. Гумилева, согласно которому "погибель Русской земли" произошла в результате взаимных нападений "русичей". Другая сторона его концепции - все то же противопоставление Запада и России, Евразии²¹.

Эти и многие другие суждения мифотворческого содержания излагаются сейчас в бесчисленных разысканиях по средневековой русской истории (речь в нашей статье идет лишь о некоторых из них и только о периоде до 13 века). Их объединяют поиски внешних врагов и объяснение их деятельности историей России, разжигание ксенофобии, идеи религиозного фундаментализма, противопоставления исторического развития России другим странам Европы, что в наше время ведет к разделению и противопоставлению российских народов, к терроризму, к развалу изначально многоэтнической и уже более тысячи лет многоконфессиональной России, в истории которой восточнославянский этнос и православная церковь имели, разумеется, определяющее значение.

Но А. А. Искендерова не волнуют эти тревожные процессы в отечественной исторической науке, переходящие подчас, как видит читатель, в вакханалию вокруг истории России. Судя по рассмотренным ранее публикациям в "его" журнале, главному редактору "Вопросов истории" важно в соответствии с новыми партийными принципами, не разбираясь в научном содержании проблемы, "обличить" автора этих строк в том, что не соответствует действительности, лишить читателей возможности узнать в данной связи иное мнение. Но что это - произвол или некомпетентность члена-корреспондента Российской Академии наук - пусть на эту загадку ответят читатели.

¹ "Круглый стол": историческая наука в условиях перестройки // Вопросы истории. N 3. 1988. С. 17.

² Даркевич В. П. [Рецензия] "М. Б. Свердлов. Общественный строй Древней Руси <...>" // Вопросы истории. N 5. 1998. С. 159-162.

³ Бегунов Ю. К. Тайные силы в истории России: Сб. статей и документов. 2-е изд., дополненное. СПб., 1996. С. 22, 26-35, 417.

⁴ Фроянов И. Я. Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего). СПб., 1997. С. 102-103, 113-114.

⁵ Пуляев В. Т. Слово к читателю. В кн.: Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI-X вв.). СПб., 1996. С. 5, 7.

⁶ Советская историография. М., 1996. С. 564.

⁷ Об этом см.: Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII-XX вв. СПб., 1996. С. 287-292.

⁸ Даркевич В. П., Борисевич Г. В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995. С. 29, 48-49.

⁹ Носовский Г. В., Фоменко А. Т. Новая хронология и концепция древней истории Руси, Англии и Рима: Факты. Статистика. Гипотезы. 2-е изд., испр. и доп. Т. I. М., 1996. С. 23, 25, 193-218.

¹⁰ Устюжанин В. Незванный гость хуже тартарина // Комсомольская правда. 11 августа. 1998. N 147.

¹¹ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. Кн. 2. М., 1997. С. 59.

Эмигрантский синдром

Феликс Вуль

Записки психиатра

"Социальное самочувствие" эмигранта, анализируемое в добротной статье Нелли Фрейнкман ("ЗЗ" 1997 № 6, 7) определяется, по убеждению автора, прежде всего, эмоциональной самооценкой личности, рефлексирующей собственный статус в глазах окружающих. Фрейнкман рассмотрела проблемы эмиграции под углом зрения социальной психологии. Для психопатолога, однако, деление на группы, "волны" и другие признаки эмигрантской психологической эволюции малопримемлемо: психическим заболеваниям, как любви, покорны все.

Предмет психопатолога - явления, выходящие за рамки нормы, а потому и критерии здесь иные. Существуют общие построения психиатрической семиотики, и их толкование может помочь разобрать завалы, нагромождения неструктурированных, непонятых и потому патогенных состояний в душе эмигранта.

Принудительная, вынужденная или волеизъявленная перемена страны проживания, разрубленная или разорванная система уклада жизни, стереотипов, ценностей, надежд, планов в аспекте психопатологии ведут к тонким, вначале "бессимптомным" изменениям в представлениях психического возраста.

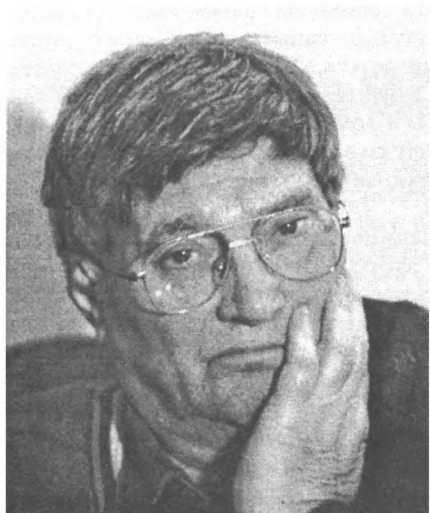
Начало "новой жизни" знаменуется - помимо всего - переменами в восприятии прошлого времени в сравнении с текущим и ощущением себя во времени. Иногда человек чувствует себя полным сил, помолодевшим "на сто лет", активным. Но чаще у эмигранта возникает все подавляющее ощущение старости - осознание глубокого возраста, пройденности всех этапов жизни и ее неминуемого окончания. "Активисты" первой группы нередко скоро увядают, оптимистическая тональность самовосприятия сменяется "похмельной", и они, обычно, сами того не замечая, переходят во вторую группу.

И здесь, конечно, главный вопрос - это вопрос занятости, фактор, компенсирующий отрицательные самоощущения. Бегство в работу - понятие уже психиатрическое, описанное во многих специальных руководствах и справочниках. Некомпенсируемость ситуации ведет еще к одному "бегству" - в болезнь, в поиски и выявление признаков как телесной, так и психической патологии. Это касается в особенности людей тревожно-мнительных, сензитивных, чувствительных. "В труде обрешь ты счастье свое..."

Да нет, не обязательно.

Многие эмигранты всех "волн" и поколений, пройдя через посудомоечные труды, бензозаправки, портовые разгрузки и расклеивание реклам, так и не нашли радости и счастья. Случайная и нетворческая работа душе отдыха не давала - только отвлечение и средства к ущербному существованию, что лишь усугубляло ситуацию. У людей творческих и живущих литературным трудом ситуация утяже-

Творческих пюгей в эмиграции ожи- дает, быть может, новая опасность, опасность страшная и, случается, нео- братимая. Это - интеллектуальная стерилизация.



Феликс Вуль - психиатр, психотерапевт, кандидат наук. Член союза журналистов СССР и Украины. Написал несколько книг, большое число научных и публицистических работ. В начале 80-х годов получил известность как правозащитник и "еретик": на 6-м Съезде психиатров и невропатологов в Москве выступил с заявлением о том, что партия и государство проводят политику спаивания и обирания малой народности ханты, подтвердив это материалами проведенного им социо-наркологического исследования. Пережил репрессии и тюрьму. Полностью реабилитирован (как утверждает, пожизненно). В настоящее время живет в Бремене.

ляется - без ответа, без читателя и слушателя, для работы в стол, под сукно или в корзину нужна железная воля или неистовый талант. Это дано не каждому.

И тогда начинается психическое самоедство, пережевывание тем и событий, оценка заново фактов, которые были или могли бы быть. Мазохизм души ищет и находит выход: меняется и странно молодеет психика, на смену мужественности, закаленности приходят так называемая *пуэрильность*, характерная пустыми реакциями протеста, истерическим, нарочитым поведением, психической хрупкостью. Конечно, это уже из области невротических расстройств: нарушения сна (бредосомния - укорочение сна, гиперсомния - удлинение), эмоциональная лабильность, неустойчивость настроения, снижение работоспособности. Все мерцает и все - плохо.

Психиатры обнаруживают также массовую личностную акцентуацию - усиление, утрирование, гротеск многих личностных качеств у людей, которые до перемен в адресе и судьбе не страдали психопатическими формами поведения. Характерный пример - диссиденты - одни из самых почитаемых людей страны. Во многом необратимое, хотелось бы думать, проникновение свободы в массовое сознание, непокорность диктату, сопричастность событиям в мире и "общественное дыхание" явились следствием их деятельности. У многих диссидентов "снятое" напряжение протестного поведения создавало незаполняемый душевный вакуум.

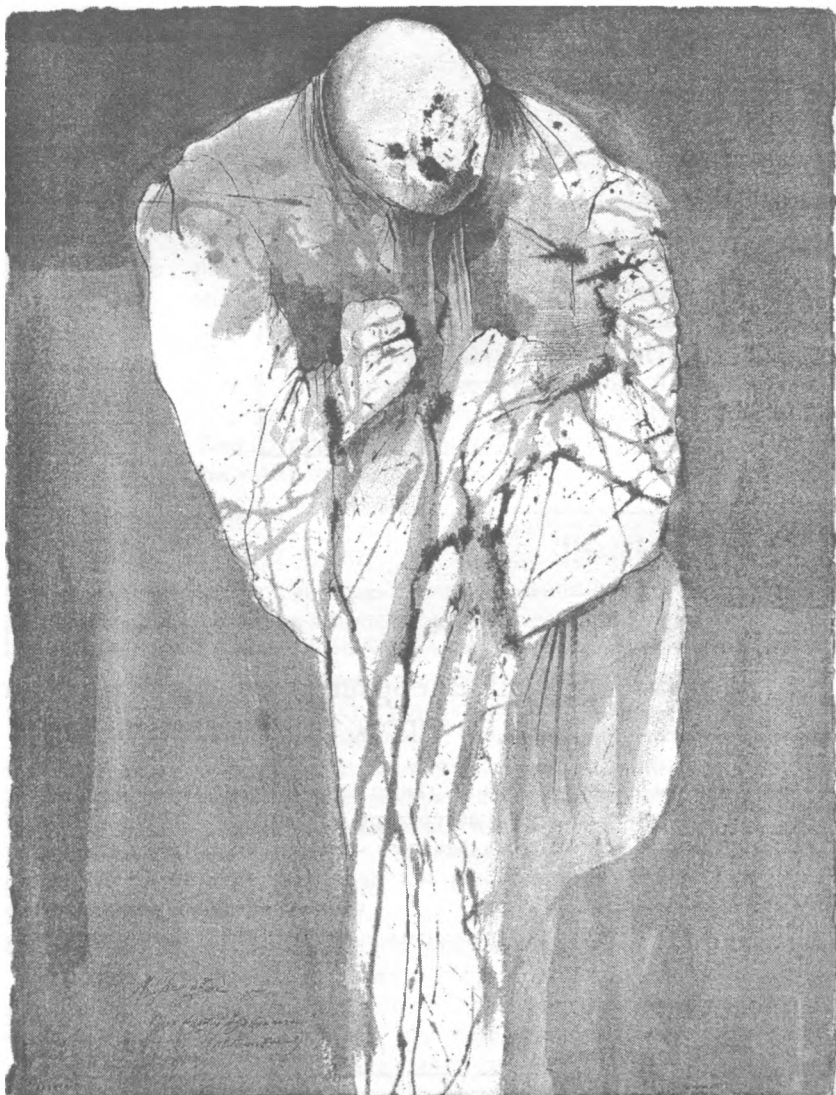
Нечто схожее отмечали и Вильгельм Майер-Гросс с соавторами, и Адам Букович у освобожденных узников фашистских концентрационных лагерей: инфантилизация психики, ригидность и "психическое окостенение", возбудимость, экзальтация, адаптационные проблемы. Многие диссиденты по истечении уже многих лет и изменений в окружающей их жизни, уже преодолев границы и океаны, сохраняют поведение лагерных "придурков" и косные тюремные ритуалы.

Наряду с вышеназванными, общим явлением для многих эмигрантов становится *виктимизация* - отвлекающие от собственной вины обвинения других людей. Главные постулаты в "идеологии" виктимизации: "А

чего ему (ей) можно...", "А что я, крайний...", "А почему мне..." и т.д.

И еще один признак - *рессентимент*, реакция личности на реальную или предполагаемую угрозу, "опережающая" агрессия, брутальность и аффективная неустойчивость, повышенные претензии, зависть - полная сковорода неприятнейших пороков (у рессентимента есть и "другое лицо", но это отдельная тема).

Михаил Шемякин, 1995



Творческих людей в эмиграции ожидает, быть может, еще одна опасность, опасность страшная и, случается, необратимая. Это - интеллектуальная стерилизация. Обилие проблем, тягостное ощущение "одиночества в толпе" и среди своих близких, непонимание, непризнание, чужой язык и не востребованность - вот коротко факторы, ведущие к утрате творческого потенциала.

И тогда на сцену выходит депрессия, печальная сестра творчества. И не только творчества. Депрессивная симптоматика - одна из наиболее постоянных форм психопатологии в эмигрантской среде. Чаще всего это депрессии в рамках невротических расстройств: снижение настроения, активности, гнетущее чувство психической тяжести, тоскливость, постоянное ожидание чего-то плохого, "засада со всех сторон". Это мягкая, "матовая" депрессия. Не зная, что такое состояние - болезнь, многие ходят с нею как с нарывом в душе, хотя встреча с психотерапевтом и назначение даже легких антидепрессантов способны в подобных случаях буквально на глазах изменить картину. Анозогнозия депрессивного горя (неосознавание болезни) тотальна. Да и идти зачастую не к кому и некуда: полное взаимопонимание дорого стоит, дешевое - не нужно.

Вторая форма - "нехорошая" депрессия видна издали: скорбная заостренность, сухие, глядящие внутрь глаза, заторможенность, обездвиженность. Особенно плохо больному человеку на рассвете, тогда и большинство суицидов.

И еще одна черная лента психиатрии, вплетенная в судьбу эмиграции, - *бредоподобность*, бред. Разрозненные фак-

ты обид, подлостей, ущемления, несправедливости, преследования вдруг начинают выстраиваться, как каре домино. Во всем ясно просматривается СИСТЕМА. Паранояльность требует доказательств, и бедняга находит их, нанизывая, как на шампур идеи, факты и домыслы, события и паралоги. Естественно, он убежден: со всем этим, с СИСТЕМОЙ надо бороться. И борьба начинается, утяжеляя и без того сложную судьбу эмигранта.

Если вся картина начинается и происходит в возрасте "первого снега" (или "второго", или "третьего"...), то есть тогда, когда определяются сосудистые, сперва инициальные, скрытые, а потом и явные расстройства, то на смену "околопсихозным" (паранояльным) нарушениям приходит *параноид*, психиатрический "танк", при котором логический ряд сводится к формуле: "Это так, потому что это так и есть." Естественно, что бредовая идея определяет поведение разрушительное и универсально опасное. Случается, что бред наваливается и на более молодых, у которых нет сосудистых стигмов, но зато в обилии реактивные обстоятельства, горе, невыносимость. Им на смену приходит, наконец, "прозрение", болезненное и оторванное от реалий. И логика здесь за горизонтом сознания.

Такова конспективно семиотика психических расстройств в эмиграции. Эмигрантский синдром скорее метафора, потому что в каждом конкретном случае он складывается из составляющих и ведущего признака. Знать это нужно и самому "переселенцу", и его окружению - чтобы вовремя помочь и оградить себя и своих близких.

РУССКИЕ КНИГИ

Большой выбор
книг и русских
видеофильмов
по самым низким
ценам в городе

Kantstraße 82 10629 Berlin
Tel.: 3 23 48 15

ЕВРОПЕЙСКИЙ ЛИТЕРАТОР



Ежемесячный журнал при союзе русских
литераторов в Германии

Редактор. Владилен Падшев

Adresse: Postfach 766003 Frankfurt an der Oder

Внимание!!!

Община Мессиянского иудаизма г. Берлина сообщает, что в связи с ростом нашей общины и увеличением числа посетителей наших собраний, с апреля изменяется адрес наших регулярных встреч.

За информацией обращайтесь, пожалуйста, по телефону: 030 625 44 13
или по адресу: **Beit Sar Shalom, Nogatstr. 23 12051 Berlin**

У нас Вы сможете получить также адреса мессиянских собраний в различных городах Германии. У нас есть богатый выбор духовной литературы. Некоторые книги, например Библию, Вы сможете получить в подарок.

Мы верим, что Иешуа хаМашиах - традиционно Иисус Христос - является обещанным Мессией Израиля и Спасителем всего мира. Мы - счастливые люди, потому что живем в мире и общении с Богом, и счастливые евреи, потому что знаем истинного Мессию.

Вы, наверное, слышали уже о нас. Может быть пришло время познакомиться?

Мы ждем Вас!

ШАЛОМ

Социальная символика в Германии

Создатель! какие странные характеры встречаются на Невском проспекте! Есть множество таких людей, которые, встретившись с вами, непременно посмотрят на сапоги ваши, и, если вы пройдете, они оборотятся назад, чтобы посмотреть на ваши фалды.

Н. В. Гоголь, "Невский проспект"

Кристина Краузе

Маттиас Шварц



Что такое социальная статусная символика?

В самом центре Берлина на Тауентцинштрассе, там, где русские эмигранты двадцатых годов мнили себя первооткрывателями Золотого Запада, ныне открылся первый в Европе универсам фирмы спортивных товаров *Найк*, названный так в честь греческой богини победы Ники.

Переступаешь порог магазина и оказываешься в храме. Длинный неф и капеллы слева и справа. Имеется здесь и алтарь спортивных богов, есть хоры и кафедра. Храм потребления, который более не скрывает своей культовой сущности. В прошлом маленький фирменный магазин для избранных превратился сегодня в огромный торговый центр. Впрочем, все здесь говорит о том, что, в отличие от "маленького человека" - посетителя магазинов ширпотреба *Кауфхоф* или *Каршадт*, прихожанин *Найка* приобретет нечто особенное и неповторимое. Исключительность, утерянная в массовых универмагах, кажется вновь возрожденной в Храме богини Найк, святилище спортивной мечты, где посредством инициации - покупки товара - приобретает право на вход в мифический клан спортивных звезд.

Найк и ей подобные фирмы "для богатых" являются типичными представителями той процветающей отрасли, которая специализируется на торговле "статусной символикой". С одной стороны, они призваны демонстрировать экономическую потенцию владельца и закреплять за ним определенный статус в социальной иерархии. С другой стороны - с тех самых пор, как на смену феодализму пришло буржуазное общество - одной лишь демонстрации богатства вовсе недостаточно. Помимо денег необходимо нечто еще, а именно - знание, как их правильно потратить.

Так например, зашнуровав по ошибке новые ботинки *Док Мартенс* белыми шнурками вместо черных, легко нарваться на неприятности. Дело в том, что ботинки этой фирмы в сочетании с белыми шнурками стали принадлежностью неонацистов, а в сочетании с черными - наоборот - символом немецких левых. Об этом же, кстати говоря, и анекдот про "нового русского", который покупает новый *Мерседес*, поскольку в старом переполнилась пепельница. Только "правильное" использование символа, в данном случае - *Мерседеса*, делает "нового русского" настоящим "новым русским".

Таким образом, символы статуса не только открывают путь в определенную социальную среду, но и являются коммуникативным кодом, подобным брачной раскраске тропических птиц, который - как и всякий код - должен быть однозначно расшифрован. Результат - включение одного из двух механизмов: приятия или отторжения.

Впрочем, статусная символика не ограничивается одеждой и автомобилями. Существуют и незримые символы статуса, закрепленные законом. Так, например, они регулируют государственную и административно-правовую классификацию индивидов на граждан и иностранцев, причем для последних в Германии придумана сложная иерархическая систематика. То, что эти законы также являются элементами статусной символики, наглядно подтверждает проходившая недавно дискуссия о двойном гражданстве в Германии. Кампания по сбору подписей, организованная ХДС в конце 1998 - начале 1999 гг. была направлена против того, чтобы выдавать "чужакам" немецкие паспорта. Пусть иностранцы сначала станут членами общества, ассимилируются и подлаятся. Таково было требование широких масс



ФРГ, которое можно интерпретировать и иначе: пусть иностранцы сначала научатся понимать и использовать *видимые* немецкие символы статуса, прежде чем их допустят к *невидимым*.

Существует целое множество документов, которые закрепляют определенный статус. Они незримо определяют социальные будни, открывают одним путь к государственной поддержке, а других исключают из определенных общественных областей.

Видимые же символы статуса, напротив, можно в нынешнее время найти там, где предполагается самовыражение. Обувь, машина, одежда - все это отличительные признаки, которые непосредственно указывают на принадлежность к какой-либо группе: школьной компании, деревне, учреждению или фирме. Подобное, впрочем, можно обнаружить не только в мире вещей, но также и в речи, даже в произношении. В конечном счете возникает целый конгломерат: комбинация из одежды, обстановки квартиры и поведения в обществе, одним словом - стиль жизни.

Однако так было не всегда. В сословном обществе даже еще в начале XX века видимые и невидимые символы статуса совпадали. Происхождение, профессия и должность определяли, какую одежду и символы должно носить, куда ходить, с кем и как поддерживать отношения. Фамильный герб, форменная цеховая одежда или орденовые знаки указывали на общественный статус, который был связан с определенными правами и обязанностями, а их неправомерное использование было наказуемо.

Знаменитые снобы, что в буквальном переводе означало люди "без благородства" (*s. nob.* то есть *sine nobilitate*), с XVIII века пытались подорвать устойчивые сословные ограничения и одевались и вели себя в обществе, подражая аристократам. Впрочем, их старания были напрасны. Буржуазное происхождение снобов быстро бросалось в глаза: сказывалось отсутствие так называемой "голубой крови",

то есть как раз то самое умение пользоваться статусной символикой, о котором уже говорилось. Изысканная речь и изящные жесты снобов производили неестественное впечатление, и потомственная аристократия презрительно называла их дешевыми франтами. Другим, противоположным явлением того времени были аристократические денди, которые своей экстравагантной одеждой и экзальтированными манерами бросали вызов собственному общественному положению и собственной статусной символике. Вот почему тот факт, что пушкинский Онегин был "как денди лондонский одет", означает нечто большее, чем обыкновенное следование моде.

И сегодня еще сохранились социальные "заповедники", законсервировавшие символы статуса прошлых столетий: это церковь с ее ритуальными одеждами, судьи с их мантиями и, прежде всего, армия с ее униформой и знаками отличия. К этой же категории относятся, как ни странно и "кузницы" научного прогресса - университеты. Титул доктора или звание профессора все еще определяют, хоть уже и не в такой степени, как раньше, авторитет и положение в обществе.

К подобным "пережиткам прошлого" присоединились сегодня новые символы, имеющие авторитет в широких общественных кругах или, напротив, действующие только в рамках небольших групп. А некоторые символы, например, мужской костюм, наоборот, потеряли прежнее значение.

Так по меняющимся символам статуса можно восстановить социальную и культурную историю общества. Они показывают, как находят свое выражение и *символизируются* социальные перемены. Большинство символов статуса имеет свою историю, правда, обычно, ее никто уже не помнит или не желает помнить.

Символы статуса в послевоенной Германии

После Второй Мировой войны в Западной Германии стремительно начала складываться новая статусная символика. Она была крайне необходима стране экономического чуда и поверженных символов прошлого. Немцам хотелось как можно скорее забыть о национал-социализме, при этом не принимая на себя ответственности за его преступления. Вот почему 1945 год вошел в массовое сознание, как "час ноль" и точка отсчета. Народ сосредоточился на личном, сконцентрировавшись на восстановлении в малом того, что не удалось "в большом".

"Старик" Конрад Аденауэр обустроивал дела политические, в то время как массовый обыватель без устали критиковал материализм американцев или бездушный рационализм французов, и одновременно сам материалистичнее и рационалистичнее всех американцев и французов вместе взятых приходил к личному обогащению.

"Отец" экономического чуда, а впоследствии канцлер Людвиг Эрхард сформулировал новое национальное самосознание словами: "Мы - снова кто-то!" И, казалось, все так или иначе стремились продемонстрировать и воплотить в жизнь знаменитые слова Эрхарда. В то время, как Эрхард блистал золотыми зубами и дымил дорогими сигарами,

"маленький человек" увлекся автомобилями и путешествиями.

Величина, скорость и цена автомобиля, длительность и экзотичность путешествия демонстрировали "новое богатство". О том, что эти пристрастия продолжают традиции национал-социалистического "народного общества" (Volksgemeinschaft), никому думать не хотелось, и эта мысль старательно вытеснялась. Ведь именно Гитлер в борьбе с безработицей заставил безработных за мизерную зарплату строить немецкие автострасы. Именно он в 1937 году создал "Город КДФ-автомобиля" (KdF: Kraft durch Freude, что означает "сила через радость") - сегодняшний Вольфсбург, где был собран первый истинно "народный" автомобиль - *Фольксваген*. Семейная загородная прогулка в собственной машине по прямой, как стрела автострасе - излюбленный мотив пропагандистских фильмов Третьего Рейха - олицетворяла новую свободу и новый досуг "чистокровных немцев". Вот почему не случайно, что именно *Фольксваген* стал "экспортным шлягером" и символом ФРГ в 50-е годы.

Также и у немецкой "охоты" на перемене мест" имеется своя предыстория. Наконец-то стала возможной автомобильная поездка по Западной Европе - по тем самым местам "боевой славы", где уже доводилось прокатиться на танке. Но теперь вместо пушек и снарядов предлагался иной символ статуса, который, возможно, единственный после войны еще имел общенациональное значение: немецкая марка. Для немцев за границей она являлась не только надежной валютой, но и олицетворением немецкой дисциплины, прилежности, честности, твердости, порядка и качества. Так с помощью марки бывшие солдаты, а ныне туристы вновь завоевали Европу. Австрия, Италия и Испания являлись наиболее популярными курортами в течение десятилетий. На Майорке, нередко называемой двенадцатой бундес-республикой, испанским властям даже пришлось издать специальный указ о том, чтобы меню в курортных ресторанах сопровождалось испанским переводом с немецкого. В Бундестаге ФРГ и сегодня часто говорится о так называемой надпартийной "тосканской фракции". (Имеются ввиду лево-буржуазные члены Бундестага, владеющие частными виллами в Тоскане.) Впрочем, в конце 90-х предпочтения немцев по части путешествий несколько изменились. Поездки на Майорку стали делом простых пролетариев. Что же касается "понимающих толк" в путешествиях, то они ринулись осваивать карибские острова и африканские саванны.

Со временем всеобщее распространение автомобиля как такового привело к его "девальвации". Обладание машиной больше не являлось приоритетом состоятельных слоев общества, и тогда на первый план выдвинулась марка машины. Так, например, *Опель Манта* и *Форд Эскорт* стали автомобилями для среднего класса, тогда как *Мерседес*, *БМВ* и *Ауди* или же спортивные *Феррари* и *Порше* - машинами для нуворишей. Что же касается настоящей знати, то она уже не могла удовлетвориться *Мерседесом* и *БМВ*, ей уже был нужен *Роллс-Ройс* или *Ягуар*, который "скромно" ставили в гараж, вместо того чтобы мыть его каждые выходные на виду у всех на улице.

Появились и новые типы автомашин, которые, словно по мерке сшитый костюм, должны были в точности соответствовать хозяину. Так например, "Купе" (Coupe) - синтез спортивного автомобиля и лимузина - создан для

- а) динамичного,
б) современного,
в) стремительно начинающего блестящую карьеру
молодого человека.

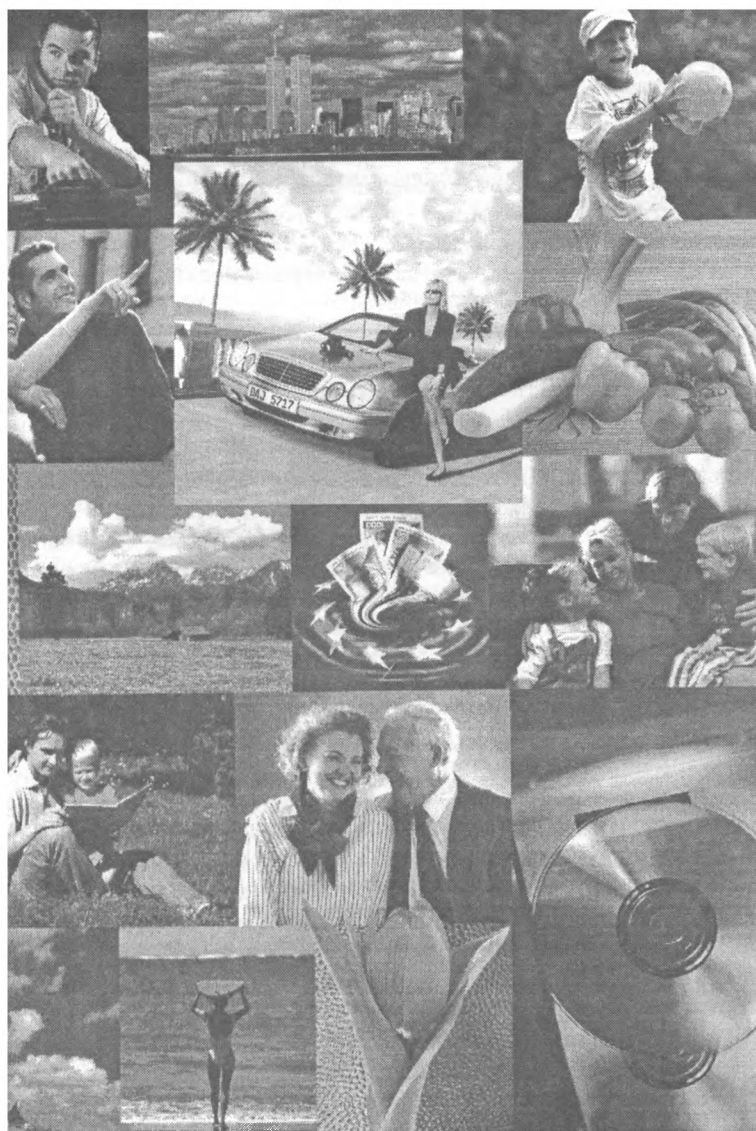
Иное дело - автомобиль-комби, вошедший в моду в 80-х годах. Он предназначен для

- а) образцового,
б) респектабельного,
в) состоятельного
семьянина.

Даже набирающее силу экологическое движение не смогло нанести автомобилю, немецкому символу статуса номер один, серьезного ущерба. Когда в 1989 году рухнула Берлинская стена, восточные немцы первым делом подчистую раскупили все рынки подержанных машин Западной Германии. Многие для этого в срочном порядке распродавали годами нажитое добро и в том числе земельные участки. И случилось так, что "западники" переехали в купленные за бесценок восточнонемецкие особняки, а "восточники" сели за руль западных автомобилей.

Разделение статуса и символа после 1968 года

Собственный дом и его обстановка в Западной Германии издавна являлись главными символами достатка. Тем, чем для мужчины являлся новый автомобиль, для женщины были снежно-белый холодильник - жемчужина кухон-



ного идеала, и, конечно же, стиральная машина. История бытовой статусной символики всегда была одновременно и историей техники: от морозильной камеры, телевизора, телефона, кофеварки, сушилки для белья, газнокосилки, музыкального центра до микроволновой печи, факса и видеомагнитофона в 80-х годах. Здесь, в частных домах, в гостиных 50-х годов, окопалась, однако, и мещанская затхлость немецких правил приличия и национал-социалистических представлений о благопристойности, когда выглаженное белье и военная подтянутость, чистые ногти и прилизанные волосы возводились в ранг высших духовных ценностей, и слово было серебро, а молчание - золото. Белоснежные холодильники стали последними бастионами уходящей, как казалось тогда, культуры.

Именно здесь, в обывательском раю западногерманской провинции, возникло противоположное молодежное движение, принесшее также и свои собственные символы протеста. По большей части они были заимствованы из Америки. Рок-н-ролл, "new look", *Лаки Страйк* и свободные прически - эти символы статуса хотя и определяли новый стиль, но еще не порывали полностью со старыми устоями, родительскими представлениями о чистоте и порядке. Радикальный разрыв произошел лишь в 60-х годах.

Насколько сильно он потряс Германию, продемонстрировала реакция общества - от истерической до брутальной - на, в общем-то, вполне безобидные, символические протесты. Собственно, именно эта "повышенная" реакция населения, та безумная паника, которая возникла в связи с новой модой, показала, что статусная символика все еще играет в Германии огромную социальную роль. Мужчины с длинными крашеными волосами, рваные джинсы и пестрые рубашки, love and peace в общественных местах - все это раньше было немыслимо.

Но вот что интересно, после того, как провалился мятеж 1968-го года, перечисленные символические формы протеста сами стали символами целого поколения. То, что эти бывшие "анти-символы" сказываются еще и сегодня, показывает, как велик был шок, когда они впервые появились.

Поп-арт пародировал и окончательно обесценил символы обывателя как предметы массового потребления, тиражируемые в любом количестве. Но одновременно с этим произошло невероятное - новые символы поп-культуры постепенно начали просачиваться в то самое мещанское общество, протестом против которого они изначально являлись. Че Гевара, Иисус Христос и Элвис Пресли стали равноправными и даже престижными "предметами искусства" в хорошо обставленной бюргерской гостиной.

В свете этого показательна блестящая карьера Йозефа Фишера, в прошлом таксиста, а ныне главы партии Зеленых и министра ФРГ, который совершенно сознательно "цитировал" символы протеста в начале своей политической биографии, более того, поставил их себе на службу, тем самым "символически" беря на себя роль бунтаря, таковым, разумеется, уже давно не являясь. Став в 1985 году в Гессене министром экологии, он был первым немецким министром, присягавшим правительству не в черном костюме и при галстук, а в спортивных ботинках и джинсах.

Но именно на примере Фишера можно наблюдать и начавшийся в 80-х годах поворот вспять, к традициям. В качестве министра иностранных дел Германии он заблистал повсюду своими элегантными костюмами "от кутюр" (модельера Вольфганга Йоппа). Что же касается его спортивных ботинок, то они оказались на витрине выставки "Пути немцев 1949-1999", проходившей в Мартин-Гропиус-Бау в Берлине. Так ботинки Фишера превратились в рекламный фетиш. "А помнишь, Йошк?" - вопрошал рекламный плакат,

и каждый понимал: "Да... в юности мы были жуткими бунтовщиками, но мы были свободны, независимы и счастливы. Теперь - иное дело. На нас лежит тяжкое бремя ответственности".

80-ые годы можно назвать началом новой эпохи, эпохи девальвации всеобъемлющей статусной символики. Началось "измельчение", дифференциация общества по "локальным" модам и кругам, так называемым сценам (Szenen). Бывшие антисимволы поколения 68-го превратились в символы статуса становящегося все более обеспеченным либерально-буржуазного слоя, с его неизменными атрибутами: никарагуанский (ни в коем случае не бразильский!) кофе, левая газета *taz*, французские сигареты *Голуаз* или *Житан* и иногда - кубинские сигары и кубинский ром.

Особенно экологическое движение породило множество символов: вязаные свитера (обязательно ручной работы), продукты из цельного зерна и так называемый "завтрак-мюсли" - адская смесь, определить состав которой мы не беремся. Сторонников этого движения даже стали называть "мюслисты" (Müslis), а самых отпетых среди них - Hardcore-Müslis. В моду вошли также длинные волосы (как особое выражение "естественности") и передвижение на велосипеде. "Здоровый образ жизни" и "охрана природы" стали ценностями, определяющими быт.

Альтернативные экологически чистые товары долгое время оставались новой формой протеста, пока в один прекрасный момент, как это уже не раз бывало в истории статусной символики, они не превратились в надоевший и общедоступный ширпотреб. Сегодня существуют *Öko-Pommes*, эко-гамбургер, эко-кола и торговля по эко-каталогам, а "здоровое" питание стало почти что национальным видом спорта. Так что это вовсе не случайно, что стареющие шестидесятники и сравнительно недавно появившиеся зеленые "экос" (Ökos) вдруг в конце девяностых годов превратились в страстных поклонников *Мерседеса*. Оно и понятно, как быть иначе, когда каждый второй пролетарий носит длинные волосы и серьгу в носу, а по утрам поедает знаменитые экологически чистые "мюсли". Увы, святыни поруганы, и пора возвращаться к традициям отцов.

Юппи (Young Urban Professionals) с толстыми кошельками, напротив, вновь обнаружили очарование костюмов, причем, уже не черных или серых, а самых невероятных расцветок. Некогда ненавистная мещанская гостиная вернулась в 90-х в облике огромной чердачной квартиры с романтическим выходом на крышу. С такими апартаментами может сегодня соперничать разве что гигантский цех бывшей фабрики, переоборудованный в скромную "однокомнатную" квартиру - последний "крик" моды. В такого рода помещении достаточно места для "творческого самовыражения" личности.

Человек девяностых годов уже не "против" или "анти". Он стал пионером прогресса: проигрыватель лазерных дисков, лэптоп, мобильный телефон, электронная записная книжка - все должно быть самое новое. Поколению реактивных самолетов (Jetset-Generation) 80-х пришлось на смену поколение техно. Что же касается "активистов" 68-го года, то они уже сегодня овеяны романтикой "доброй старины", а крупные концерны финансируют их ностальгические "парти-посиделки". В "исторических" местах Берлина на технических раритетах производятся все новые и новые музыкальные стили. Еще совсем недавно самым модным был так называемый аэро-рэйв, спонсированный фирмой *Кэмел*. Аэро-рэйв - это, когда все летят самолетом куда-нибудь, все равно куда, к Карибскому морю, в Индию или всего лишь в Лондон. "Разогревающие" танцы начинаются уже в самолете, по прилете на место - дискотека, а во время

обратного полета можно отдохнуть. Ходить в дорогие и экзотические рестораны снова стало признаком шика, а покупать одежду теперь предпочтительнее прямо в Лондоне или в Нью-Йорке.

Несмотря на кажущуюся прогрессивность - новая техника, новый стиль жизни - вышеназванные тенденции есть не что иное, как обращение в прошлое, назад к эксклюзивному и декадентскому, к вере в технику. Это движение происходит на фоне еще более реакционного развития, которое, возможно, когда-нибудь определит миф о создании Берлинской Республики.

Постскриптум

Десять лет спустя после объединения Германии, в двухтысячном году символы статуса кажутся обесценившимися, позволяющими произвольно заменять их один на другой. Тенденции и моды меняются так быстро, что у них уже практически не остается времени укорениться и прочно войти в общественное сознание, а это условия необходимые для возникновения статусной символики.

Увидев прекрасную незнакомку, фланирующую по берлинской Тауентцинштрассе в шубе и при золотых часах, мы сразу понимаем - прекрасная незнакомка из России. Ведь почти все немцы превратились теперь в "эстетов жизни". Что такое "эстет жизни", объяснить трудно. Пожалуй, это персон, желающая самостоятельно формировать свою внешность, причем не на основе профессии, состояния и происхождения, а по "индивидуальным" эстетическим критериям. Впрочем, мы уже видели это на других примерах, этим делом - "индивидуальным" самоформированием - занимается все большее и большее число людей. Поэтому, чтобы сохранить свою "единственность и неповторимость", приходится менять свой "лэйаут" все быстрее и чаще, так что уже даже специалисты по маркетингу не знают заранее, какой продукт станет завтра символом статуса. "Группы" и "круги", в которых люди чувствуют себя своими, становятся все уже и в то же время все многочисленнее.

Поскольку, однако, не существует социальных тенденций, которые не вызывали бы противоположных течений, одновременно с разъединением общества усиливается тоска по массовости и общности, по коллективу. "Общность судьбы" и "национальная ответственность" вновь приобретают значение. Берлин как новая национальная столица за последние годы не раз становился сценой массовых действий для народа. "Карнавал культур мира" для мультикультуристов и поклонников фольклора, "Парад любви" для молодежи и остающихся "вечно молодыми", "День улицы святого Христофора" для гомосексуалистов и сексуально эмансипированных, Рейхстаг для желающих приобщиться к большой политике. В подобных массовых представлениях истинный статус отдельного человека делается совершенно невидимым. Каждый может принять в них участие, независимо от того, как он выглядит, какая у него профессия и вообще есть ли она у него, откуда он, легально или нелегально находится в Германии. На этих карнавалах "Нового Центра" (Neue Mitte) новая Берлинская Республика символически демонстрирует себя, как якобы открытую всему миру, толерантную, мультикультурную, либеральную общность. Но в действительности она является таковой все в меньшей и меньшей степени.

Новый справочник: "Современные русские писатели в Германии" (составитель Е. Тихомирова).

(Russische zeitgenössische Schriftsteller in
Deutschland, Slavistische Beiträge 367, Verlag Otto
Sagner, München 1998. E. Tichomirova)

Мина Полянская

К середине 90-х годов русская эмиграция в Германии достигла критической массы, что ознаменовалось появлением множества газет, журналов и литературных альманахов на русском языке. Как утверждают социологи, настало время для объективного социального исследования. Уже появились первые научные работы, некоторые из которых дают мрачную картину этой, так называемой, "четвертой волны", утверждая, что она, "...не выдвинула сколько-нибудь имен, обогативших русскую гуманитарную и, в том числе художественную культуру" (Н. С. Фрейнкман - Хрусталева, А. И. Новиков, Эмиграция и эмигранты, Санкт-Петербург, 1995).

Думается, что серьезные выводы делать еще рано. Русская "эмигрантская культура", если о таковой вообще допустимо говорить, находится в стадии формирования, и до сих пор отсутствует достаточная информационная база, на которую подобные исследования могли бы опереться.

Важным шагом к ее созданию явился вышедший в Мюнхене в серии "Славистские записки" справочник "Современные русские писатели в Германии", составленный Е. Тихомировой. Он содержит подробную информацию о публикациях авторов, биографические данные, адреса и телефоны.

В среде немецких культурологов стало общим местом противопоставление нынешней русской культуры в Германии культуре 20-х годов. Как правило, произносятся при этом соответствующие имена, звучащие как некий код: Марина Цветаева, Андрей Белый, Владислав Ходасевич, Владимир Набоков. Картина, прямо скажем, эйфорическая и, в то же время, искаженная, поскольку отношения этих авторов с Германией носили в 20-х годах однозначно односторонний характер. Эти, ныне почитаемые здесь, выходцы из России, были тогда абсолютно проигнорированы наукой, литературой и средствами массовой информации Германии. (Как, впрочем, и других западных стран. Так, например, Британская энциклопедия не упомянула на своих страницах даже лауреата Нобелевской премии И. Бунина). Что же касается М. Цветаевой с ее особым личностным отношением к Германии, называвшей ее "Vaterland" ("Но как же я тебя отрину, Моя германская звезда"), то она и вовсе не была ею замечена. В 1922 году Мандельштам с грустью писал о "деликатном отношении", о равнодушии "мировых городов" к литературе вообще, не говоря уж о литературе эмигрантской: "Они позволяют ей прятаться в какой-нибудь щели, пропадать без вести, жить без прописки, под чужим именем, не иметь адреса".

Выход справочника Е. Тихомировой в немецком издательстве говорит о том, что подобные взаимоотношения ко-

ренным образом изменились. Русские писатели в Германии "получили прописку".

Составитель, исследователь современного состояния русской литературы в Германии, сообщает, что в настоящее время здесь живет более ста писателей, из которых только в Берлине насчитывается 25 активно пишущих авторов. Наряду с такими крупными мастерами, как Г. Владимов, В. Войнович, Ф. Горенштейн, А. Зиновьев, Б. Фальков, Б. Хазанов, в Германии находятся малоизвестные талантливые авторы, которые волею судьбы расселены по всей территории страны от Саксонии до Пфальца, от Баварии до Шлезвиг-Гольштейна, подчас и в маленьких провинциальных городках, лишённые духовного общения и литературных контактов. Для многих из них такая ситуация полной изоляции оказалась неожиданной и соответственно трагической. Можно возразить и сказать, что настоящий талант всегда себя найдет, время все расставит по своим местам и т.д.

Ставшая привычной "сатанинская" фраза Воланда - "рукописи не горят", - по мнению А. Берзер (см. вступительную статью И. Борисовой к книге Анны Берзер "Сталин и литература", Звезда 11, 1995) стала "дурным знаком", своеобразным оправданием замалчивания талантливых авторов. Что уж говорить о писателях живущих в Германии, вдали от российского литературного процесса, которых не столько замалчивают, сколько, подчас, вообще не знают или не замечают.

Составитель справочника, вероятно, отдавала себе отчет в том, что необходимо по возможности представить не только знаменитых, но и начинающих, малоизвестных авторов, поскольку большая литература не в силах развиваться "без малых сих". Как справедливо заметил Козьма Прутков, "из одних перлов состоит только перловая каша".

Отбор авторов, вошедших в справочник, региональный, в нем представлены литераторы, живущие именно на территории Германии. Однако отдельно взятой русской литературы, как известно, в отдельно взятой стране, будь то Германия, США или Израиль, не существует. Она могла таковой значиться во времена "железного занавеса", разделявшего литературу на пролетарскую и белоэмигрантскую, советскую и эмигрантскую и т.д. (Принцип единой русской литературы, которую нельзя делить по географическому или же мировоззренческому признаку, осуществил В. Казак в 1976 году в "Лексиконе русской литературы XX века".)

Продолжая традицию немецкого профессора В. Казака, Тихомирова объясняет во вступлении, почему она считает возможным издание, которое преследует цель "литературно-топографическую": "Давно потеряли остроту споры, кто продолжает классические традиции, эмиграция или оставшиеся в России авторы, и принадлежат прошлому счеты (если воспользоваться выражением В. Вейдле): сколько "серебра из наследия "серебряного века" - вывезено в эмигрантских чемоданах и сколько осталось на родине. Русская ли-

тература восстанавливает былое единство, эмиграция и метрополия все более становится "сообщающимися сосудами" (М. Розанова-Синявская). Вот и альманахи, выходящие в Германии, предпочитают называться "интернациональными" и печатать авторов вне зависимости от местопребывания их".

Составитель справочника отметила, что в нем представлены не только эмигранты, но также и командированные в ФРГ, живущие здесь достаточно долго. Читатель обнаружит на страницах издания некоторых авторов радиостанции "Свобода" (И. Померанцева, Д. Добродеева, А. Цветкова и др.), поскольку до переезда редакции в Прагу в 1995 году, они жили и работали в Мюнхене. Здесь и информация о некоторых выдающихся литераторах, которых сейчас уже нет в живых. Это Л. Копелев, который, кстати, одним из первых прислал составителю заполненную анкету, Р. Орлова-Копелева, В. Линденберг и Л. Шаппе.

Во вступлении к немецкому изданию Тихомирова сообщает, что справочник строится по образцу энциклопедий "Кто есть кто", то есть на основе анкет из "первых рук", за некоторым исключением (так, например, сведения о Ф. Горенштейне взяты из письменных источников). Автором использованы следующие источники: "Из немецкой библиографии - обзоры современной русской литературы и переводов ее на немецкий, выполненные В. Казаком и К. Каспером, из русской библиографии - известные библиографические указатели "Новая отечественная литература по общественным наукам. Литературоведение" ИНИОН, "Летопись рецензий" Книжной палаты, "Литература русского зарубежья возвращается на Родину" в 2-х частях, а также продолжающие этот справочник картотеки из каталогов Библиотеки иностранной литературы в Москве; использовались также возможности компьютерного поиска литературы и отдельные американские справочники".

Нелегко оказаться в роли объективного информатора, не руководствоваться собственными симпатиями и предпочтениями, найти критерии отбора авторов, неизвестных еще читателю. Составитель исходила из следующих факторов: длительность занятий литературой данного автора, количество публикаций и авторитетность изданий. По мнению Мандельштама литературный критик должен быть максимально объективен, поскольку он - "не гимназический учитель." "Не его дело ставить отметки, раздавать знаки отличия, премировать, заносить на черную доску. Настоящий критик прежде всего осведомитель-информатор общественного мнения". Эти суровые "наказы" прежде всего относятся к составителю энциклопедического справочника. Насколько сумела Е. Тихомирова следовать заветам классика, судить тем, кому она предназначила свой труд - "энциклопедии скептический причет" - немецким и российским филологам, издательствам, редакциям, а также русским и немецким читателям.

Schattenlinien

Herausgegeben vom Institut für Heuristik
Bezug: SupportEdition, Postfach 610378,
10926 Berlin

Tel.: (030) 6 18 70 34

Wege des Findens -
Strukturen des Wissens

Да и не станет профессиональный, с чувством собственного достоинства журнал украшать свою обложку комплиментами самому себе.

Литературный альманах "До и после" № 3, 1999 (Берлин)

Кривое "Зеркало Загадок"

Одним словом, "Зеркало Загадок" резко выделяется на фоне аполитично-националистической русской эмигрантской прессы в Германии. Общий культурный ландшафт выглядит от этого, конечно, более разнообразным, но еще менее привлекательным.

"Русская Мысль", 1997 (Париж)

Словом, обложившись русскими литературными журналами - (их 7) - взяв старт от альманаха "До и после" № 2, вооружившись скальпелем, автор статьи Игорь Полянский, нарезав строчек и цитат, а также разнообразных имен, разместил все это на страницах издаваемого им журнала "Зеркало Загадок" № 8, подчинив "материал" строгой классификации, разбив несчастных авторов на виды и подвиды. <...> Все это называется "Эмиграция перед зеркалом". Автору жутко весь этот разброд не нравится, и на выражение своего эмоционального состояния он не жалеет иронии и яда. <...> Если бы упомянутый автор и издатель взял бы еще на себя труд, хотя бы мимоходом, взглянуть в "зеркало" собственного журнала, "отделяя его от плевел условностей формы и жанра", он, может быть, почувствовал, что его собственный опус написан в славных традициях советских разгромных статей, <...> именно здесь, на страницах опуса, что цитировался, возник по-настоящему опасный вирус, микроб <...> Это вирус, разъедающий живую, пульсирующую еще плоть языка, отколовшегося от родного континента <...> Язык-монстр, язык-мутант.

Литературный альманах "До и после" № 3, 1999 (Берлин)

Журнал "Зеркало Загадок" - интересный, разнообразный, имеющий немалый счет как достижений, так и потерь. Почти в каждом его номере можно найти какую-нибудь "гвоздевую" статью, выделяющуюся на фоне остальных.

"Европа-Центр", № 7, 1999 (Берлин)

Среди множества существующих в Германии русскоязычных изданий "Зеркало Загадок" отличается "лица необщим выраженьем". Журнал этот невелик по объему, выходит нечасто - 2 номера в год - и читается от корки до корки.

"Импульс", № 9, 1999 (Штуттгарт)

